

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1996

7-8-9-10

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА

урнида йирик ва мустақил давлат барпо этган, уни моҳирлик билан бошқарган машҳур сиёсий давлат арбоби, кучли дипломат булганлигини алоҳида эътироф қилинади.

Амир Темур ўз давлатида ўрта асрчилик шароитида ички сиёсий, ижтимоий-иқтисодий аҳволни яхшилаш, барқарор тинчликни вужудга келтириш билан бирга қатор Осиё ва Европа мамлакатлари билан сиёсий-маданий, савдо ҳамда дипломатик алоқаларни кенгайтириш ва мустаҳкамлаш ишига катта ҳисса қўшди.

Амир Темур ва Темурийлар Марказий Осиёда XIV аср охири XV аср давомида илм-фан, маданият раҳнамози сифатида кенг танилдилар, улар юксалишга жуда катта ҳисса қўшдилар. Бу давр маданияти нафақат Марказий Осиё, бошқа мусулмон Шарқ мамлакатларидаги маданий-маърифий тараққиётга ҳам муҳим ижобий таъсир кўрсатди.

Осиё ва Европа, Америка мамлакатларидаги илм-фан аҳли вакиллари тўплаган ушбу конференция тарихида Амир Темур ва Темурийларнинг даври, фаолияти ва урнини ўрганишга қизиқиш катта эканлигини ва кучайиб бораётганини, бу соҳадаги илмий тадқиқотларни янада кучайтириш зарур эканлигини кўрсатди. Шу боисдан Республикамиз Президенти И.А. Каримов мазкур конференцияда сўзлаган маърузасида таъкидлаганидек; "...Бизнинг тарихимизда Амир Темурдай улуг сиймо бор экан, унинг қолдирган мероси, панду ўғитлари бугунги ҳаётимизга ҳамоҳанг экан, олдимизда турган бугунги муаммоларни ечишда бизга қўл келаётган экан, бизнинг бу меросни ўрганмасдан, таърифламасдан, тарғибот қилмасдан ҳаққимиз йўқ".

Анжуман Шарқ халқларининг тарихий-маданий меросини ўрганиш соҳасидаги катта муаммоларни ўрганиш ва ҳал этишда турли мамлакатларнинг мутахассис олимлари бирлашиб, ҳамкорликда иш олиб борса катта ва илмий объектив хулосаларга эриша олиши мумкинлигини намойиш этди.

Халқаро конференция турли Осиё ва Европа, Америка мамлакатлари мутахассислари ўртасида яқинлашув, ҳамкорлик ва дўстликни мустаҳкамлаш ишига ҳам хизмат қилганлигини алоҳида таъкидлаб ўтиш зарур.

А.А.АСКАРОВ

АМИР ТЕМУР И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ

Бывшая советская историческая наука создавала у народа ложное представление о личности Амира Темура и его деятельности, воспитав целую плеяду ученых в плане одностороннего мышления. Теперь, когда политика независимого Узбекистана направлена на то, чтобы научная оценка выдающихся деятелей прошлого базировалась на глубоком, всестороннем анализе исторических источников, проясняется историческая правда об Амире Темуре.

Исследование исторических источников эпохи Амира Темура и его потомков, объективный анализ каждого события, связанного с его деятельностью, изучение его личности как государственного деятеля и

полководца, политика и дипломата, правителя и созидателя ярко свидетельствуют о том, что он был выдающейся личностью.

Неизменные принципы Амира Темура — обдуманый расчет и разумная решительность, выдержка и стойкость, осмотрительность и устремленность к достижению высшей цели — всегда способствовали его успехам.

Природа щедро одарила его глубокой проницательностью. Амир Темур был исключительно яркой фигурой второй половины XIV — начала XV в. Средневековый мусульманский Ренессанс Востока, общепризнанный мировой научной общественностью, непосредственно связан с его именем и обязан ему. Лучшие творения монументальной архитектуры и искусства эпохи Темуридов, расцвет науки и культуры, бурное развитие торговли и ремесла, небывалый размах строительства величественных зданий культового и светского характера, дворцово-садовых хозяйств, дорог, мостов, ирригационных сооружений — все это яркое свидетельство всеобщего возрождения той эпохи, характеризующее основную сущность и содержание созидательной деятельности великого Темура.

Еще будучи молодым воином, Амир Темур был горячим патриотом своей Родины. Он одним из первых в числе феодальной аристократии Мавераннахра и Туркестана глубоко осознал, что сложившаяся в стране историческая ситуация требует безотлагательной борьбы за спасение Родины. После долгого господства монголов страна была раздроблена на многочисленные бекства, во главе каждого из которых стоял представитель военно-феодальной аристократии тюрко-монгольского происхождения. Балхом и Гератом владел внук амира Казагана — амир Хусейн, Кешем — Ходжа Барлас, Ходжандом — Боязид Джалаир. Сарипулом и Тоткандом — Хизр Ясавури. Шибирганом — Аперди Найман. Хутталаном — Кайхусрав, Кухистаном — Амир Сатилмиш и т.д. Каждый из них стремился быть первым. Это и порождало их взаимную ненависть и вражду. Положение усугублялось отсутствием предводителя-лидера, обладающего большой властью и наделенного способностью объединить страну. Каждый из этих правителей тяготел к междоусобицам, интригам в борьбе за власть.

Казан-хан — правитель западной части Чигатайского улуса Чингизидов, не пробыв у власти и четырех лет (1343 — 1346), стал жертвой дворцовых интриг. Хитроумный амир Казаган, занявший ханский престол после Казан-хана, сумел значительно ослабить присутствие монголов в западной части Чигатайского улуса, но после его смерти (1358) положение в стране еще более ухудшилось. Туглук Темур — правитель Моголистана — направляет свой взор на Мавераннахр. Туглук Темур-хан и его сын Ильяс Ходжа-хан трижды (в 1360, 1361 и 1365 гг.) совершали сюда военные походы, которые, однако, не были для них успешными. С одной стороны, этому помешали Темурбек и Амир Хусейн, а с другой, — в 1365 г. им дали сильнейший отпор самаркандские сарбадары.

Цель — спасти Родину от разрухи и межфеодального кровопролития, а также от монгольского ига — во многом научила Темура быть разумным и осмотрительным. Темурбек знал, что противобор-

ствующие силы не равнозначны. Именно в такой ситуации его дядя — кешский правитель Ходжа Барлас — со своим окружением бросает страну на произвол судьбы. Молодой Темурбек с небольшим отрядом джигитов, вопреки возражениям родных и близких, заступает на службу к Туглук Темур-хану. Это был первый верный политический шаг молодого Темурбека. Вскоре, войдя в доверие к хану, Темурбек целенаправленно стремится выделиться из среды военной аристократии Моголистана и тем самым значительно укрепляет свою позицию в глазах Туглук Темур-хана. Хан стал использовать Темурбека в качестве военачальника при войске Ильяс Ходжи.

К середине 60-х годов Темурбек уже уверенно выступал как стойкий полководец и завоевал большую популярность среди воинов как лидер, умеющий по достоинству оценивать заслуги каждого воина, что позволило ему сплотить вокруг себя верных ему подчиненных.

Несмотря на значительные успехи в военной тактике, Темурбек в силу своей осмотрительности и обдуманного расчета не пошел на разрыв "дружбы" с амиром Хусейном, хотя четко понимал, что брату его жены безусловно не по пути с ним. В 1365 г. отряды двух амиров под их командованием входят в столкновение с войсками Ильяс Ходжи под Чинасом. В разгар схватки амир Хусейн, не предупредив своего союзника, неожиданно покидает поле сражения. Численно превосходящие войска Ильяс Ходжи берут верх, и на его глазах тяжело раненный Темурбек падает с коня. Убежденный в победе, Ильяс пошел на Самарканд, но получил там сокрушительный отпор от сарбадаров.

Темур, хотя и был убежден в том, что амир Хусейн ему не друг и нельзя видеть в нем достойного партнера в борьбе против завоевателей, в силу своего положения окончательно не порывает с ним, не став еще полновластным владыкой в Мавераннахре. Амир Хусейн же в 1366 г. обманном путем уничтожает лидеров самаркандских сарбадаров и объявляет себя правителем Мавераннахра.

Тем временем дальновидный Темурбек со свойственной ему выдержанностью шаг за шагом укрепляет свои позиции как среди военно-феодальной аристократии, так и простых воинов. С каждым днем личность Темура становится все более заметной среди лидеров военной аристократии. Умение владеть собой в любой ситуации и обдуманный расчет Темурбека способствовали росту его авторитета как явного лидера и спасителя страны от гибели и разорения. Темурбек ясно видел свою цель и шел к ее достижению уверенно и решительно. Дальнейшая судьба страны уже была в его руках. Становилось очевидным, что Темур является крупным, глубоко мыслящим военным деятелем и государственным политиком. В таком качестве он и появился в 1370 г. на курултае в Балхе.

Когда Темурбек направился к амиру Хусейну в Балх, он понимал, что Хусейну осталось жить считанные дни. Но даже здесь он пустил в ход свою обдуманную расчетливость, предприняв три верных шага идеологического, военного и политического характера. Во-первых, Темур прекрасно ориентировался в духовной ситуации своего времени. Он знал, что в феодальном обществе Мавераннахра и Хорасана, как вообще на мусульманском Востоке, духовные наставники ислама —

представители священной Мекки — оказывали сильнейшее воздействие на развитие общества. Они пользовались большим авторитетом среди феодальной знати.

Выступать против господствующего течения духовного мира было крайне опасно. Темурбек знал, что жадный амир Хусейн и в этом допускает ошибки, ибо он отказался от выплаты заката в пользу священной Мекки и этим озлобил представителей Мекки в лице Сайида Барака. И вот около Термеза, в селе Бие, навстречу Темурбеку выходит Сайид Барака, впоследствии ставший его духовным пиром, наставником. Он вручает Темурбеку знамя и барабан — символы власти — и говорит примерно следующее: “Аллах сам велел тебе владеть миром и стать защитником ислама. Это и есть воля Аллаха”.

Победу над амиром Хусейном Амир Темур связывал с откровением Сайида и часто повторял: “Все то, что мне удалось получить от царства и завоевать крепкие цитадели правителей, считаю, благодаря благословию Шамсуддина Кукола и великодушию Шайха Зайнуддина Тайободи, а созданное мною изобилие накоплено только при помощи Сайида Барака”.

Бесспорно, Амир Темур не был подобно Шахрух мирзе фанатиком ислама. Искренне и убежденно уважая ислам и его мораль, он в то же время сумел направить духовный потенциал ислама на укрепление политической власти, созданного им государства.

Во-вторых, Амир Темур, хотя и знал, что его противники коварны и опасны, никогда не поступал подло по отношению к ним, действовал как трезвый, дальновидный политик.

В-третьих, политически и психологически обдуманный расчет Амира Темура сработал и во время Балхского курултая. Термезские сайиды и многие эмиры считали, что ханский престол должен занять Амир Темур. Однако он поступил иначе: молча подошел к Суюргатмишхану и, взяв его за руки, направился к белой кошме. Так состоялась церемония воцарения Суюргатмиш-хана. Такой поступок Амира Темура, как говорится, одним выстрелом убил двух зайцев, т.е. прекратил интриги ожидаемой оппозиции монгольских амиров и на их глазах продемонстрировал желание восстановить раздробленный Чигатайский улус Чингизидов. Этот поступок Темура успокоил и духовенство.

Воцарение Суюргатмиш-хана никак не повлияло на полновластное управление Амира Темура государством. Он назначил номинальному хану солидное вознаграждение и под его именем издавал все свои приказы и распоряжения. В результате продуманных действий Амира Темура государственная политика, как внутренняя, так и внешняя, всецело оказалась в его руках.

Балхский курултай 1370 г. явился высшим законодательным актом утверждения власти Амира Темура в Мавераннахре и первым шагом в создании его будущей империи. С этого момента перед правителем Мавераннахра встали новые задачи, в первую очередь по разработке механизма и системы управления государством. В “Уложениях Темура” четко сказано, что в управлении страной он опирался на Ясу (асо) Чингиз-хана.

Как управлял Амир Темура своей страной и многочисленной армией, четко описано в его "Уложениях". Их информация подтверждается историками времен Амира Темура и Темуридов. Так, каждому серьезному шагу, предпринятому Амиром Темуром, сопутствовали благословенные советы его наставников — саййидов. Кроме того, в своих поступках он опирался на советы наиболее преданных ему людей, как Сулайманшах, Камари, Сайфиддин, Шахмалик, Шайх Нуриддин и другие, которые также не злоупотребляли доверием Сахибкирана к ним. Но пока Амир Темура не продумывал механизм действия своих взвешенных поступков, он не обращался за советом ни к духовным наставникам, ни к близким ему людям из светского окружения.

Действия Амира Темура, предпринятые в пределах Хорезма и Туркестана, были нацелены на восстановление Чигатайского улуса; в основе их лежало стремление к созданию мощного централизованного феодального государства, что было продиктовано объективно сложившейся тогда политической ситуацией.

Обратимся к конкретным фактам. Хорезм был составной частью Чигатайского улуса. К тому времени Хорезмом правил Хусейн Суфи из племени конгурат. Амир Темура в 1371 г. дважды направляет послов с подарками к правителю Хорезма, чтобы воссоединение его с Мавераннахром решить мирным путем. Но оба раза послы Темура были жестоко оскорблены, а второй посол — шайхулислам Жалаладдин Кеши был брошен в зиндан. Это вынудило Амира Темура организовать в 1371 г. первый поход на Хорезм. Хусейн Суфи спрятался в крепости Урганжа, но понял, что так он долго не продержится, и просил заключить мир. Амир Темура согласился. Однако, поддавшись интригам амира Кайхусрава, Хусейн Суфи прервал переговоры. Тогда войска Амира Темура опять приступили к крепости. Подавленный случившимся Хусейн Суфи вскоре умирает. Кладбище, на котором его должны были похоронить, находилось за чертой крепости. По обычаям мусульман, покойника без похорон долго не сохраняют и против носящих траур людей зла не держат. Глубоко почитавший мусульманские обычаи Амир Темура, сняв осаду крепости, молча уходит. Затем наследник Хусейна — Юсуф Суфи заключает мир с Амиром Темуром путем установления родственных связей, т.е. соглашается выдать замуж дочь младшего брата (Хонзода бегим) за старшего сына Амира Темура — Джахангира. Хонзода бегим была внучкой Узбек-хана, и эта связь делает Джахангира, подобно Темуру, Курагони.

Второй поход Амира Темура на Хорезм (1373 г.) был вызван тем, что группа бунтовщиков (сыновья амира Кайхусрава, амира Хизр Ясаури и др.) находят убежище у Юсуфа Суфи и настраивают его против Амира Темура. Огорченный потерей южной части Хорезма после первого похода и заинтригованный беглецами, Юсуф Суфи неожиданно нападает на Бухару. Амир Темура вынужден был начать второй поход на Хорезм. Юсуф Суфи сразу же направляет к Амиру Темуру послов и просит прощения за свой необдуманный поступок, обещая передать в руки Амира Темура всех беглецов-бунтовщиков. Дальновидный Амир Темура вновь прощает хорезмского правителя, тем более, что именно в этот момент готовилась свадьба Джахангира с Хонзода бегим.

Третий поход Амира Темура на Хорезм был связан с оживлением контактов между Хорезмом и Ок-Ордой. В это время на северной границе государства Темура стало беспокойно. В Туркестане и Ферганской долине оживились кочевые узбеки. Поведение правителя Ок-Орды Урус-хана и владыки Моголистана амира Камариддина требовало бдительности. К тому же послы Урус-хана и Юсуф Суфи стали часто посещать друг друга, т.е. оживились тайные сношения между Ок-Ордой и Хорезмом.

Летом 1375 г. Амиру Темуру пришлось снова направиться в Хорезм. Однако на подступах к Хорезмскому оазису поход был неожиданно приостановлен. Историки считают, что тому послужили две причины. Первая: согласно устной договоренности между Амиром Темуrom и Туркан Арлатом, правителем Гурзувана, последний со своим отрядом должен был догнать Амира Темура в установленном месте. Однако Туркан Арлат неожиданно возвращается назад. Амир Темур сделал вывод, что это открытый бунт, который может отрицательно повлиять на общее настроение войска.

Вторая причина: из Самарканда пришло известие, что некоторые амиры, воспользовавшись отсутствием Амира Темура, подняли бунт. К ним примкнули джигиты из племени джалаир и Шаш. Это заставило Амира Темура отложить поход на Хорезм и заняться подавлением бунта.

В 1379 г. начался четвертый поход Амира Темура на Хорезм, который вновь был вызван необдуманным поступком Юсуфа Суфи: воспользовавшись тем, что Амир Темур был занят борьбой с Урус-ханом, он нападает на Бухару.

Пришлось Амиру Темуру повернуть войска от Ок-Орды на Хорезм. Однако и на сей раз Юсуфу Суфи удается приостановить поход Амира Темура путем заключения мирного договора с признанием его верховной власти над Хорезмом.

В 1386 — 1388 гг. Амир Темур находился в Иране. Тохтамыш-хан, воспользовавшись удобным моментом, напал в 1387 г. на Азербайджан и отправил большой отряд в Туркестан. Анка Тора, амир Моголистана, напал на Фергану и ограбил ее население, а Махмуд Султан в Хутталане поднял бунт против Амира Темура. В этой ситуации Юсуф Суфи занял Кят и Хивак и учинил грабительские походы в районы Бухары.

Все это вынуждает Амира Темура возвратиться в Мавераннахр и организовать в 1388 г. пятый поход на Хорезм. Во время осады Урганжа Юсуф Суфи погиб, а его наследник Сулайман Суфи не смог отстоять Урганж и бежал. Лучшие ремесленники и мастера из Хорезма были направлены тогда Амиром Темуrom в Самарканд и Кеш, где их использовали на строительстве величественных дворцов, мечетей и других сооружений. Через три года Сахибкиран отправляет амира Мусу в Хорезм для восстановления Урганжа, и скоро город стал неузнаваемо красивым.

Амир Темур как истинный сын своего общества в достижении высшей цели не шел вразрез с интересами своего окружения. Каждый,

кто верно ему служил, по достоинству получал вознаграждение, а провинившийся нес строгое наказание.

В отношениях с какой-либо страной Амир Темур в первую очередь пускал в ход дружелюбную дипломатию. Его походы начинались только после необдуманных поступков противоположной стороны.

При назначении правителей разных стран Амир Темур обычно советовался с их элитой и народом в целях предотвращения конфликтных ситуаций. Этим он обеспечивал стабильность и мирную жизнь, а также выказывал противникам свое благоразумие.

Анализ исторических источников эпохи Амира Темура и Темуридов свидетельствует о том, что преобладающее большинство походов Темура носили оправданный характер. Это касается в первую очередь его действий до 1370 г., когда он как патриот своей страны и народа выступает в качестве создателя централизованного государства на развалинах растоптанного монголами Мавераннахра.

Амир Темур как проницательный государь должен был думать о безопасности государственных границ его страны. На севере, в пределах улуса Джучи, ему противостояли Алтын-Орда и Ок-Орда. Чтобы обеспечить прочность северных границ своего государства, Темуру надо было иметь соответствующие гарантии. Вот почему он охотно приютил Тохтамыш-хана, когда тот в 1379 г. не поладил с Урус-ханом. Благодаря поддержке Темура, Тохтамыш в 1379 г. овладел Ок-Ордой и через год, присоединив Алтын-Орду, создал мощное государство.

Но, зазнавшись от успехов, Тохтамыш-хан решил соперничать уже с Темуром. Узнав, что Темур находится в Иране, он направлял свои отряды с грабительскими походами то в Туркестан, то в Азербайджан. На дипломатические предупреждения Амира Темура Тохтамыш-хан не реагировал, и Темуру пришлось принять ответные меры. Он дважды (в 1391 г. в местечке Кундузча, а в 1395 г. — у р.Терек) разгромил Тохтамыша, после чего тот в скитаниях в русских лесах умер в 1406 г.

Победа над Тохтамышем, с одной стороны, обеспечила безопасность северных границ государства Темура, а с другой, как справедливо отмечали русские востоковеды М.С.Соловьев, В.В.Бартольд, А.Ю.Якубовский, "победа Темура над Тохтамышем имела огромное значение не только для Средней Азии и Восточной Европы, но и для России". Действительно, Россия, растоптанная и разграбленная полчищами Чингиз-хана, на много лет раньше освободилась от ига монголов.

Эти действия Амира Темура имели очень важное значение для его государства. Во-первых, территория стабильных для торговли областей значительно расширилась; во-вторых, торговые люди государства Амира Темура установили непосредственные контакты с русскими купцами; в-третьих, была обеспечена безопасность северных границ страны.

Что касается действий Темура в таких регионах, как Иран, Азербайджан, Курдистан, Ирак и Шам, то он связывал их с наказанием тех правителей мусульманского Востока, которые своим дурным поведением и неоправданной политикой заставляли страдать народ, нарушали нормы шариата, отклонялись от принципов ислама.

Ибн Арабшах — автор истории Амира Темура — приводит один эпизод из жизни Сахибкирана при встрече его с Шайхом Зайнадином Абу Бакром Тайободи во время первого похода в Иран. В беседе с шайхом Темура спросил: “Эй, великий шайх, скажите мне, почему Вы не призываете к ответу своих правителей, склонных к гневу и угнетению, далеких от справедливости и честности?” Шайх ответил: “Что мы им повелевали, говорили раньше, они не сделали и не послушались нас. Теперь вынесение приговора над ними поручаем тебе”. Воодушевленный Темура, выйдя от шайха, выступил перед армией и сказал: “Именем хозяина Каабы клянусь, что я теперь обладаю всем миром”. После этого Амир Темура считал себя знаменосцем ислама и защитником мусульманской веры и шариата. Все его походы на Ближний и Средний Восток проходили под лозунгом защиты ислама, чистоты истинной веры.

Однако замыслы Амира Темура не исчерпывались этим. Он как большой практик и воин, воспитанный в военно-аристократической среде феодального общества, не мог не считаться с желаниями и интересами военного окружения. Как государь, полководец и лидер мощной военной силы он должен был со строгой дисциплиной вести за собой армию, ибо любое, малейшее недоверие к лидеру завершилось бы его поражением. Амир Темура знал, что держать воинов без дела и ослабить их боеспособность — очень опасно для полководца. В личной заинтересованности воинов он видел гарантию успеха.

Амир Темура понимал, что для расцвета его государства большое значение имеет торговля — внутренняя и внешняя. Обеспечение мирной жизни на огромных пространствах государства — это и был тот фундамент бурного развития не только международной торговли, но и отраслей ремесленного производства, и культуры земледелия, которые составляли основу экономики как государства Амира Темура, так и стран Ближнего и Среднего Востока.

Однако политическая ситуация, сложившаяся во второй половине XIV в. на Ближнем и Среднем Востоке, затрудняла стабильное развитие экономики региона. Шелковый путь, который проходил в разных точках этого региона, после распада Хулагуидского государства в середине 30-х годов XIV в. потерял свое прежнее значение. На развалинах государства Хулагуидов в Хорасане возникло государство Сарбадаров (1337 — 1381), в пределах северо-западной части Ирана, Курдистана и Южного Азербайджана появилось государство Джалаиридов (1336 — 1432), на юге Ирана — государство Музаффаридов (1314 — 1393), в пределах Ирака и Северного Азербайджана — государство Чупаниидов (1336 — 1356), в районе Дияр Бакр, Восточной Анатолии и части Южного Азербайджана — государство Ак Куюнлу (1371 — 1508), в Шаме и Западном Азербайджане — государство Кара Куюнлу (1378 — 1508) и т.д. Междоусобицы и раздоры, стремление каждого правителя быть первым среди других превратили регион в арену противоборства, и это увело его от стабильного пути развития. К тому же в условиях феодальной раздробленности практически стало невозможным решение политических вопросов путем мирных переговоров.

Решительные шаги Амира Темура имели очень важные последствия.

Во-первых, с включением территории Ближнего и Среднего Востока в империю Амира Темура, хотя она существовала не столь уж долго, на огромной части Востока стабилизировалась жизнь. Это способствовало развитию культуры земледелия и скотоводства, строительству дорог и мостов, налаживанию хозяйственных связей, оживлению потока паломников в священную Мекку.

Во-вторых, на огромных пространствах под строгим покровительством государства Амира Темура оживилось движение караванов на трассах и их боковых ответвлениях, восстановлено было значение Великого шелкового пути для экономики региона. Это способствовало бурному развитию отраслей хозяйства и народного творчества.

В-третьих, ожил Восток с крупным центром — Самарканд, и наступила эпоха возрождения в области монументальной архитектуры и искусства всех видов, науки и культуры, признанная миром как "Восточный мусульманский Ренессанс".

Во второй половине XIV в. на исторической арене тюркского мира появились две яркие фигуры — Амир Темур и Султан Баязид. Развитие событий в Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, северных границах государства Амира Темура, а также военно-политические успехи Султана Мурада (1360 — 1389) и Султана Баязида (1389 — 1402) в Малой Азии и на Балканах оказались в центре внимания политиков и правителей стран Центральной Европы. Западные государственные деятели боялись, что произойдут коренные изменения в политической карте Центральной Европы. Для Запада Баязид представлял собой очень опасную военно-политическую силу. После победы турок в 1389 г. Сербия и Болгария перешли под контроль Баязида, и его взоры были направлены на Венгрию. В 1396 г. Султан Баязид, разгромив близ Никополя объединенную армию (70 тыс. человек) Франции, Венгрии, Германии и Валахии, поставил под угрозу столицу Византии — Константинополь — и Юго-Восточную часть Европы. Правители европейских стран стали искать помощи Амира Темура и его сыновей, отправляя к ним своих послов с большими подарками, видя в них силу, которая спасет их от угрозы Баязида.

В свою очередь, Султан Баязид установил военный союз с Джалаиридами, Кара Куюнлу и мамлюками Египта — ярыми врагами государства Амира Темура. Тем не менее Темур с большими подарками направляет к Султану Баязиду своих послов для заключения дружественного договора. Однако неоднократные попытки Амира Темура, направленные на улучшение отношений между обеими странами, не увенчались успехом из-за высокомерных ответов Баязида. Наконец, 20 июня 1402 г. близ Анкары состоялась схватка между армиями двух правителей, в результате которой Султан Баязид был разбит. От этой победы в значительной мере выиграла Центральная Европа, которая была спасена от угрозы Султана Баязида, и Византия: захват ее столицы — Константинополя турками задержался на 50 лет.

В 1964 г. вышла книга Хельды Хукэм о Темуре, в которой автор, в отличие от многих своих западных коллег, довольно подробно охарактеризовав военные походы Амира Темура, приходит к выводу, что "благодаря победе Темура над Баязидом, Византия была спасена на полвека от ига тюркских султанов. Разгром Тохтамыша привел к оживлению караванных движений через Самарканд и Трансоксианию". Хельда Хукэм, критикуя А.Дж.Тойнби (см. его "Постижение истории"), пишет: "Я абсолютно не согласна с ним в том, что "Мавераннахр никогда не был одним из центров мировой цивилизации, сыграл лишь роль передатчика культурного влияния других центров". Далее она справедливо отмечает, что "в основу высокоразвитой культуры эпохи Темура и Темуридов легли многовековые политические, экономические и культурные наследия Мавераннахра и Хорасана. До Темура все, что было связано с доброй памятью среднеазиатцев, относилось к "Великому Александру".

Средняя Азия IX — X веков и последующего периода обогатила мировую цивилизацию гениальными мыслителями в области математики, философии, астрономии, медицины, истории, географии, литературы и искусства, и этот вклад впоследствии послужил толчком возрождению культуры Европы и на многие века составил материальную и духовную базу европейской науки". Такова оценка Хельды Хукэм заслуг Амира Темура и народов Средней Азии перед Европой и мировой цивилизацией.

И наконец, огромная заслуга Амира Темура заключается в том, что он прославил свою страну и народ, возвеличив их перед всем миром. Благодаря Амиру Темуру, Туркестан стал известным не только странам Востока, но и далеко за их пределами. Послы Испании, Италии, Франции, Англии, Китая и многих других стран посещали Самарканд, проявляя глубокое уважение к великому Темуру.

МУҲАММАД АЛИ

АМИР ТЕМУР ҲАҚИДА СЎЗ

Дунёда шундай тарихий шахслар бўладики, уларнинг ҳаёти кечирган фаолияти кейин афсоналарга уралиб кетади ва асрлар давомида бу мазмунан бой ҳамда гаройиб умр достони унинг халқига битмас-туганмас бойлик сифатида меросу ёдгорлик бўлиб қолади. Дунёга келган ҳар авлод унга мурожаат қилади, узини қизиқтирган саволларига, муаммоларига ўша умр саҳифаларидан жавоб топишга интилади. Амир Темур Курагон умри, унинг чақмоқдай ҳаёти бизнинг халқимиз учун ана шундай умр достони вазифасини бажаради. Ҳар қандай улуг шахснинг дунёга келиши, албатта, ўша шахс мансуб бўлган халқнинг ақлий ва маънавий имкониятлари даражасини кўрсатади.

Шарқда одил подшолар ҳақида чуқур тушунчалар бор ва бу тушунчалар бадиий адабиётда ва эртақларда акс этган. Амир Темур ана шундай подшо бўлмоқни орзу қилди. У кураш майдонига кирар экан, "Куч адолатда" деган эзгу шиорни таялаб олди ва умрининг охиригача

юборилиши Ғарбий Европа мамлакатларини Боязид тасарруфига утишидан сақлаб қолади. Бу энг узоқ чўзилган ва огир жанглар натижасида зафар қозонган юриш эди. У етти йил давом этган.

Амир Темур қаерга юриш қилмасин ва қандай ишни бошламасин, у доимо атрофидаги амир, уламолар билан кенгашиб олиб, тадбирлар асосида ҳаракат қилар эди. Юқорида кўрганамиздек, у ўзининг рақибларини жуда усталик билан ўзига тобе қилар эди. У ҳар қандай огир, тангликлардан ҳам зафар билан чиқиб кетар эди. Чунки, Соҳибқирон ҳамма ишларини маслаҳат, кенгаш асосида олиб борар эди.

Хулоса қилиб таъкидлаш лозимки, Амир Темур ҳукмронлиги даврида ҳарб иши ва ҳарбий санъат ўзининг олий погонасига кўтарилди. Соҳибқироннинг тинимсиз меҳнати эвазига барпо этилган қудратли ва ўта интизомли армия жаҳоннинг ўша вақтдаги энг илғори сифатида кейинчалик атоқли саркардалар, машҳур тарихчи олимлар, ҳарбий мутахассислар томонидан эътироф этилди, бир неча асрлар мобайнида ҳарб ишида андоза вазифасини ўтади.

Соҳибқироннинг ҳарбий таълимоти бугунги кунда ҳам ўз долзарблиги ва қимматини йўқотгани йўқ. Амир Темурнинг ҳарбий маҳорати, жаҳон ҳарб санъатидаги новаторлиги мустақил Республикамиз сарҳадларини кўз қорачигидай сақлаш мақсадида барпо этилган Миллий армиямизнинг ҳар бир вакили учун дастуруламал бўлмоғи мақсадга мувофиқдир.

В. АХМЕДОВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАВЕРАННАХРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

Как известно, в 40-е годы XIV в. Чигатайский улус, включавший в свой состав Семиречье, Илийскую долину, Кашгар (Восточный Туркестан), Мавераннахр, юго-западную часть Хорезма с городами Кят и Хивак, а также часть левобережья Амударьи, распался на две самостоятельные части.

Северо-восточная часть улуса, куда входили Семиречье, Илийская долина, Притяньшанье и Кашгар, получила в исторической литературе название Моголистан. В укладе его населения преобладал кочевой образ жизни.

В западной части улуса (Мавераннахр, юго-восточная часть Хорезма и земли за Амударьей) население придерживалось оседлого образа жизни. Тюрко-монгольские племена, переселившиеся сюда еще во времена Чингиз-хана, давно уже осели, смешались с местным населением.

Распад Чигатайского улуса не только нанес большой урон хозяйственной жизни обеих стран, но и вызвал социально-политическую неурядицу, межфеодалный раскол.

В особенно тяжелом положении оказалась западная часть улуса. Борьба, продолжавшаяся с 1336 г. между группой кочевых феодалов, во главе которых стоял амир Казаган, и Казан-ханом (1336—1348), закончилась победой Казагана и его сторонников. После сражения, разыгравшегося зимой 1348 г. под Карши, верховная власть полностью перешла в руки Казагана и улусных амиров. Правда, на троне сидел кто-нибудь из Чингизидов, но реальной властью они не обладали.

Однако амир Казаган не смог подчинить своей воле амиров. Страна распалась более чем на десять враждующих между собой бекств. Так, в Кеше и области объявил себя независимым Хаджи барлас, в Ходженде и Ура-Тюбе — Баязид джалаир, а в Таткенте и Сарипуле (Самаркандская область) объявил себя "тенью Аллаха на земле" Хизр Ясаури. То же самое сделали в своих улусах амир Кайхусрау и Эльчи Буга Сулдус.

Этой ситуацией решил воспользоваться Туглук Темур, хан Моголистана (1348—1363), которому при помощи феодальных вождей племен булгачи, дуглат и др. удалось несколько стабилизировать общественно-политическую обстановку в Моголистане. Весной 1360 г. он с многочисленным войском напал на Мавераннахр. Улусные беки, однако, не объединились для борьбы с монголами, а наоборот, разбежались, и более того — часть их поступили в услужение моголистанскому хану. В сложившихся обстоятельствах так же вынужден был тогда поступить и Темур, но выговорив себе некоторые привилегии. Во-первых, Туглук Темур-хан уступил ему должность правителя Кеша и области, а во-вторых, обязался не посылать монгольских наездников за Карши.

За короткое время (1360—1363) Темур сумел собрать вокруг себя единомышленников, укрепить кое-какие пункты в расчете на будущее. И когда после смерти Туглук Темур-хана отношения между новым ханом — Ильяс-ходжой и Темуром испортились, все это пригодилось Темуру в последующей борьбе с монголами.

Весной 1370 г. Темур добился своего — изгнал монголов из пределов Мавераннахра и установил там свою верховную власть. Но надо было еще покончить с сепаратизмом отдельных улусных беков, освободить от опеки Золотой Орды принадлежавшую Чигатайскому улусу юго-восточную часть Хорезма, обезопасить государство с севера и северо-востока.

Кто же представлял собой первоочередную опасность для только что созданного государства Темура? Ок-Орда и Урус-хан (1361—1375) на севере и Камар ад-Дин, Анка-тюра, Мир Хакберди, Мир Каримберди и др. в Моголистане. Дело в том, что Урус-хан после долгой и упорной борьбы со своими соперниками захватил трон Ок-Орды и с огромным войском появился в 1376 г. в районе среднего течения Сырдарьи. Захватив ряд городов, как Сауран, Сыгнак и др., Урус-хан создал здесь крупный очаг напряженности.

Кроме Ок-Орды и Урус-хана, был еще и Моголистан, где вскоре активизировались Камар ад-Дин, Анка-тюра и др. Первый в 1369 г., умертвив Ильяс-ходжу, истребил все его мужское потомство и захватил политическую власть в этом регионе. Затем он двинул войско к рубежам Ферганы, Сайрама и Ташкента и временами (особенно в

зимние месяцы) вторгался в глубинные районы этих областей, устраивая повальный грабеж мирного населения. Не сидел спокойно у себя в Катар-тале, в районе Кокча-Тенгиз (оз.Балхаш), и Анка-тюра. Он предпринимал попытки завязать союз с Темуром Кутлугом и другими претендентами на золотоордынский престол.

Мог ли не учитывать всего этого Амир Темур? Разумеется, нет. Именно этим и были вызваны семь походов Темура на Моголистан в 70-х годах XIV в. Он нанес упредительный удар Камар ад-Дину и другим моголистанским амирам, разгромив их основные силы.

Неспокойно было также на южных и юго-западных рубежах Мавераннахра. Как известно, в 1336 г. некогда могущественное государство Ильханидов (Хулагуидов), контролировавшее Иран, Азербайджан и Ирак, пало в результате народных восстаний и сарбадарского движения (1336—1381). Страна раскололась на мелкие удельные владения во главе с представителями местных династий. Так. Хорасан был разделен между тремя феодальными группировками: сарбадарами, картами (куртами) и племенными вождями Джани курбани. Южный Иран оказался в руках местной династии Музаффаридов. Над областью Джурджан установили власть местные сайиды, над Ираком и Курдистаном — Джалаириды; Луристан был подчинен Хазараспидами и династией Инджу, а Азербайджан захвачен туркменами кара-койунлу. Феодальная раздробленность вызывала междоусобные войны, наносившие большой урон не только миру, стабильности этих стран, но издревле существовавшим торгово-экономическим и культурным связям стран Дальнего Востока со странами Средиземноморья и Европы; по древнему Великому шелковому пути перестали ходить караваны.

Феодальной раздробленностью в Иране и Азербайджане решил воспользоваться правитель Золотой Орды Тохтамыш-хан (1376—1395), которому Амир Темур в свое время помог занять трон Ок-Орды. Захватив власть и в Золотой Орде, он повел враждебную политику в отношении Темура. Во-первых, его войска часто (во время отсутствия Темура) вторгались в Мавераннахр и подвергали повальному грабежу внутренние районы Междуречья. Во-вторых, в эти авантюры Тохтамыш вовлекал и правителей Хорезма (амиров Хусайна-суфи, Юсуфа-суфи). Хорезмские всадники достигали окрестностей Бухары и Каракуля, грабили и угоняли в плен их жителей. В-третьих, Тохтамыш, собрав огромное войско, двинул его к рубежам Южного Азербайджана. Как свидетельствуют источники, он превратил тогда Дербендское ущелье в свой постоянный военный лагерь.

И еще один немаловажный факт. В начале 80-х годов XIV в. Тохтамыш предпринимает активные шаги к восстановлению военно-политического союза с мамлюкским Египтом. Как известно, такой союз между Золотой Ордой и Египтом был заключен еще в середине XIII в. Его подписали Мамлюк Султан Байбаро и золотоордынский правитель Берке-хан. По условиям этой договоренности, войска обоих государств выступали в основном против Ильханидов Ирана и при успешном исходе кампании мамлюки получали Сирию, а Золотая Орда — Иран. В

80-е годы XIV в. Тохтамыш оживляет этот военно-политический союз, но теперь своим острием этот блок направляется уже против Темура. Вскоре к этому союзу примкнули Ирак, где тогда правил Султан Ахмад джалаирид, и Османская Турция.

В таких сложнейших условиях и приходилось Амиру Темуру строить свою внешнюю политику, нацеленную на укрепление безопасности и территориальной целостности его страны.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

КИТАЙСКИЕ ПОСОЛЬСТВА КО ДВОРУ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Дипломатические отношения государства Амира Темура и его преемников с Китаем в пору правления в нем династии Минг (1368—1644) в отечественной исторической науке фактически не изучены. Из многочисленных китайских письменных источников Б.И. Панкратовым переведен на русский язык лишь один посвященный Герату пассаж из записок Чэн-Чэня, возглавлявшего китайское посольство к Шахруху¹.

Сведения о китайских посольствах ко двору Амира Темура и Темуридов имеются также в восточных письменных источниках, как, скажем, "Муджмал-и Фасихи"², и европейских — "Дневник" Руи Гонсалеса де Клавихо³ и др.

Зарубежные исследователи, в течение многих лет внимательно изучая эту проблему, опубликовали немало работ, изданных на английском, французском, немецком, китайском, японском языках в малодоступных или вовсе недоступных ученым Узбекистана и других стран СНГ научных журналах и ежегодниках.

В связи с исследовательской работой в Институте Дальнего Востока Коллеж де Франс (Париж), обладающем прекрасной библиотекой, мне удалось изучить все (за исключением работ китайских ученых) основные исследования по данной проблеме. В них приводятся большое число сведений о китайских посольствах к Амиру Темуру и Темуридам — Халил-Султану и Шахруху, о характере их дипломатических отношений, имена китайских посланников, содержание даров⁴. Эти

---

¹ Описание иностранных государств на Западе: Герат/Перевод с китайского Б. И. Панкратова// Страны и народы Востока. XVI. М., 1989. С.101—117.

² Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) /Перевод, предисловие, примечания и указатели Д.Ю. Юсуповой. Ташкент, 1986. С.145, 163, 179.

³ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-1406) /Перевод, предисловие и комментарии И. С. Мироковой. М., 1990.

⁴ Bretshneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910; reprint. New York, 1967; Franke Wolfgang. An Introduction to the Sources of Ming History. Kuala-Lumpur, 1968; Carrington Goodrich L. Ch'en Ch'eng in Ch'ing chu Chiang Wei-t'ang Ksien-sheng ch'i-shik jung-ching Lun-wen-chi. Taipei, 1968; Enoki K. Tsung-le's Mission to the Western regions in 1378—1382 // Oriens Extremus. Wisbaden, 1972. № 19; Enoki K. Fu An's Missions to Central Asia// Memories of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokio, 1977. N35; Rossabi Morris. Cheng Ho and Timur: Any Relations? //Oriens Extremus. Wisbaden, 1973. N 20; Rossabi

исследования опираются на официальные дипломатические отчеты, опубликованные в разные годы в Китае.

Здесь мы попытаемся, во-первых, обобщить имеющиеся данные, а во-вторых, ознакомить ученых Узбекистана с историей дипломатических отношений между двумя великими государствами Востока — царством Амира Темура и его преемников и Китаем времени правления империи Минг. Опираясь на имеющиеся данные, можно выделить два периода в истории их взаимоотношений. Первый период (1387-1405 гг.) приходится на время правления Амира Темура. До 1397 г. эти отношения носили дружественный характер, а затем стали достаточно прохладными.

Ухудшению отношений способствовал сам китайский император, который в письме, посланном Амиру Темуру с миссией Фу-Аня, именует его как типичного вассала китайского двора. Тогда Амир Темура надолго задержал первое посольство, а затем и второе, отправленное из Китая в Самарканд в поисках первого посольства в 1397 г.⁵

Хотя считается, что какие-то формы дипломатических отношений между Китаем и государством Темура существовали до 1395 г., начиная с 1387 г., но, вероятнее всего, это были купеческие миссии как с той, так и с другой стороны. Первое же крупное официальное посольство (в количестве 1500 человек) от империи Минг в Самарканд было отправлено в 1395 г. Возглавляли его Фу-Ань и Ку-Чи, а также внук Лю-Вей⁶, но главным лицом считался Фу-Ань.

К. Еноки и Е. Бретшнейдер отмечают, что в китайских письменных источниках сохранилось описание пяти его биографий⁷. Согласно им, прозвище Фу-Аня было Чи-тао, его отца звали Ян, имя матери Тян. Они жили в местности Тай-Канг-Шен, в провинции Ху-нан, откуда переехали в другую местность той же провинции. Фу-Ань не получил гражданского образования. Свою карьеру он начал с низшей официальной должности, а затем работал в других местах, где получил повышение по службе.

Когда первый император из династии Минг — Тай-Цзу просматривал список просителей, которые могли отправиться в другие страны для извещения об установлении новой династии Минг, то просьба Фу-Аня была удовлетворена, и в 1395 г. он отправился с дипломатической миссией в Самарканд. Всего Фу-Ань совершил шесть миссий: три из них в Самарканд, а три в Бешбалык (Восточный Туркестан). Первая его миссия в Самарканд продолжалась тринадцать лет (1395-1407), вторая была совершена в 1408—1409 гг., третья — в 1409—1410 гг.

Сведения о первом посольстве Фу-Аня были опубликованы впервые Е. Бретшнейдером, который, опираясь на данные одного из китайских письменных источников, писал, что в 1395 г. Фу-Ань был отправлен

Morris. Two Ming envoys to Inner Asia//G'oung Pao.V. LXII; 1-3. Leiden, 1976; Н е с к е r F e l i c i a J. A fifteenth century Chinese diplomat in Herat//Journal of the Royal Asiatic Society. Third series.V. 3. P. I. London, 1993.

⁵ R o s s a b i M. Two Ming...P.15.

⁶ Внук вообще играл важную роль в китайских дипломатических миссиях.

⁷ B r e t s h n e i d e r E. Op. cit. II-th ed. P.237—238; E n o k i K. Fu An's Mission...P.205—219.

императором Ху-ву в Sa-ma-erk-han (Самарканд). Фу-Ань сопровождал посланника Амира Темура, который возвращался из Китая домой. Пройдя через ряд областей, они прибыли в Самарканд, где Амир Темур и его сановники поведали ему о больших размерах их государства, после чего китайский посланник был отправлен с визитом в наиболее замечательные места государства Темура. Он побывал в Тебризе, Исфагане, Ширазе, Герате и других городах и вернулся в Самарканд только через шесть лет. Согласно Е. Бретшнейдеру, Фу-Ань был удержан в Самарканде и лишь после смерти Темура в феврале 1405 г. получил возможность вернуться в Китай, куда он прибыл в 1407 г.⁸ Однако К. Еноки указал, что Е. Бретшнейдер допустил ряд ошибок, не использовал некоторые сведения китайских письменных источников⁹. В своей статье К. Еноки дает дословный перевод на английский язык сведений о трех миссиях Фу-Аня в Самарканд, которые мы перевели на русский язык.

Первая миссия Фу-Аня (1395-1407 гг.). "Из Самарканда в течение ряда лет (в Китай) направлялись посланники, которые брали с собой лошадей в качестве дани. Император поэтому направил Чжу-ши или секретаря Кан-Чже в качестве посла в Хами, Бешбалык, Самарканд. Кан-Чже первым отправился в Бешбалык, где он был задержан царем Хаджи ханом. Тогда император отправил (Фу)-Аня"¹⁰.

К. Еноки приводит сведения из китайских источников о том, что миссия Фу-Аня не была первым посольством императоров династии Минг ко двору Амира Темура. Еще в 1387 г., когда в Китай прибыли первые миссии из Самарканда, привезя с собой 15 лошадей и двух верблюдов, то император в ответ отправил первую дипломатическую миссию от династии Минг в Самарканд.

И здесь, и в других местах К.Еноки, говоря о животных или предметах, привозимых из Самарканда ко двору китайского императора, употребляет, соответственно китайскому тексту, выражение "as tribute", т.е. "в качестве дани"¹¹. Однако совершенно невероятно, чтобы такой могущественный правитель Востока, как Амир Темур действительно платил дань китайскому императору. На самом деле это были обычные в дипломатической практике подарки, а китайские летописцы, со свойственным им понятием о китайском могуществе, выдавали желаемое за действительное¹².

Хироши Ватанабе, опираясь на данные Ши-Лу, приводит сведения о том, что Амир Темур с 1387 по 1397 г.отправлял в Китай шесть

---

⁸ Bretschneider E. Op.cit. P. 144—145.

⁹ Enoki K. Op.cit. P. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² К. Еноки делает при этом оговорку, что зачастую самаркандские купцы представлялись императору в качестве послов Амира Темура (хотя таковыми не были), привозя с собой письма от Темура. Клавихо же сообщает, что в 1404 г. китайские послы, прибывшие в Самарканд, были вынуждены уплатить дань, которую они не вносили в предшествующие семь лет.

посольств, которые привезли с собой в дар императору 800 лошадей¹³. Кроме того, отдельная группа самаркандских купцов пригнала с собой в Лян-шу и Пекин 670 лошадей, которых они там подарили.

Возвращаясь к миссии Фу-Аня, еще раз отметим, что он побывал во многих местах империи Амира Темура. По словам летописцев, отправляясь в Центральную Азию, он был молодым, а когда вернулся в Китай, то усы и брови его были седыми; из 1500 сопровождавших его лиц домой возвратилось лишь 17 человек.

По данным К. Еноки, второго китайского посла, кстати сказать, встреченного Рюи Гонсалесом де Клавихо в Самарканде, звали Чен-Тевен. Он прибыл в Самарканд в 1397 г. с требованием об уплате дани, которая, дескать, не поступала в Китай в течение предшествующих семи лет; за это был задержан и вернулся на родину только в 1407 г.¹⁴

Второй период охватывает время правления Халил-Султана и первое десятилетие царствования Шахруха. Ряд исследователей высказывают мнения, что после смерти Амира Темура произошло улучшение отношений между империей Минг и государством Темуридов¹⁵. Действительно, этот период, за исключением нескольких лет, характеризуется добрососедскими отношениями между двумя государствами, их обоюдной дипломатической активностью. Моррисом Россабби была составлена специальная таблица с указанием отправленных до 1424 г. дипломатических и купеческих миссий из Герата и Самарканда (всего 20) и перечислением привезенных ими подарков, а также ответных даров китайского императора Юн-Лэ (1403—1424 гг.)¹⁶. Собственно, этот период начинается с возвращения Фу-Аня в Китай, куда он прибыл вместе с Худайдом — послом Халил-Султана, внука и наследника Амира Темура.

В ответ император Юн-Лэ отправил в Самарканд По-ер-ши-тая с выражением почтения к памяти Амира Темура и императорским указом, признававшим Халил-Султана наследником Амира Темура¹⁷. В 1408 г. в свою вторую миссию в Среднюю Азию отправился и Фу-Ань.

Вторая миссия Фу-Аня (1408-1409 гг.). К.Еноки привел в своей статье дословный перевод на английский язык сведений из китайских письменных источников о второй миссии Фу-Аня, который мы перевели на русский язык. "В следующем году (т.е. в шестом году правления Юн-Лэ, — 1408 г.) [царь Самарканда] отправил посольство (в Китай. — Э.Р.), пригнавшее лошадей в качестве дани. Император приказал (Фу)-Аню и другим людям сопровождать посольство в Герат и выдать ему ценные вещи для правителя Герата и соседних стран. И в следующем году (т.е. в 7 году правления Юн-Лэ, — 1409 г.) послы Самарканда,

---

¹³ Watanabe Hiroshi. An Index of Embassies and Tribute Missions from Islamic Countries to Ming China as Recorded in the Ming Shih-lu classified according to Geographical Area//Memories of the Research Department of the Toyo Bunko. 3. P. 305.

¹⁴ Еноки К. О.р. cit. P. 222.

¹⁵ Rossabi M. Two Ming...P. 15—16; Некер F. J. О.р. cit. P.85.

¹⁶ Россабби М. Two Ming... P. 29—30. При этом обращает на себя внимание тот факт, что Китай в первую очередь интересовали великолепные среднеазиатские ковры, а в числе предметов вывоза из Китая в государство Темуридов прежде всего фигурируют цветной шелк и одежды из него, а также бумажные деньги и отчасти серебро.

¹⁷ Еноки К. О.р. cit. P. 223.

Герата и (Кара) Ходжи отправились вместе с (Фу)-Анем и другими от двора Минг с 550 западными лошадьми, которые высоко ценились императором”.

В другом источнике — Ши-Лу это событие описывается так: “В день Чен-ву четвертого месяца шестого года правления Юн-Лэ (8 мая 1408 г.) Sha-hei-nu-erh-ting (Шахрух.—Э.Р.), глава Самарканда, и другие прислали дань. Чи-ши-чанг Фу-Ань и другим было приказано сопровождать их и передать Халилу царю четырнадцать комплектов вышитого шелка и предоставить главам Герата и других областей различные предметы согласно их рангу”.

О возвращении Фу-Аня в Китай в этих же источниках говорится так. “В день Чи-и шестого месяца седьмого года правления Юн-Лэ (17 августа 1409 г.) Ли ша чи-ши-чанг Фу-Ань и его партия вернулись обратно из Герата и Самарканда. (Правители) Герата и соседних областей отправили посла Ма-лаи и других, которые пришли (в Китай) из Кара-Ходжи и других стран. Количество лошадей, пригнанных ими, составило 550. Согласно числу лошадей, этим послам были выданы чао—бумажные деньги”¹⁸.

Таким образом, во время второй своей миссии Фу-Ань был в Самарканде, которым с 1405 по 1409 г. управлял Халил-Султан — сын Мираншаха, внук Темура.

Третья миссия Фу-Аня. В Ши-Лу сказано, что “затем (Фу)-Аню было приказано сопровождать Ма-лаи (посла Халил-Султана) и его спутников, которые возвращались в свою страну, и выдать им парчу и вышитый шелк для правителей”¹⁹. После своих миссий в Среднюю Азию Фу-Ань в период с 1412 по 1416 гг.(?) совершил еще три миссии в Восточный Туркестан, в Бешбалык. Скончался он в 1429 г. на своей родине.

Дипломатические отношения китайского двора с государством Шахруха отличались на протяжении многих лет добрососедским духом. Лишь на короткое время, в 1411—1413 гг., они были прерваны вследствие серьезной дипломатической ошибки китайского императора.

Уже 25 июня 1407 г. из Самарканда в Нанкин, ко двору императора Юн-Лэ, возвращается китайское посольство, некогда задержанное Амиром Темуrom, доложившее о политической ситуации в государстве Темуридов. В 1409 г., как уже отмечено, китайское посольство отправилось в Герат, к Шахруху. Эти оживленные дипломатические отношения продолжались до 1411 г., когда в Герат прибыло новое посольство из Китая, привезшее письмо китайского императора к Шахруху. Это письмо было составлено в непозволительном в отношениях между двумя суверенными державами тоне. В нем император, именуя себе “правителем всех государств земли...” (Lord of the realms of the face of the earth)²⁰, рассматривает

¹⁸ Е n o k i К. Op. cit. P. 223.

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ F l e t c h e r J. F. China and Central Asia, 1368—1884//J o h n K. F a i r b a n k (ed.). The Chinese World Order. Cambridge. Mass., 1968. P. 211; R o s s a b i M. Two Ming...P.17; H e s k e r F. J. Op. cit. P. 85—86.

Шахруха как вассала китайского двора. Не подозревая о смерти Халил Султана, он советует ему улучшить свои отношения с племянником.

Это письмо вызвало гнев Шахруха, который прервал все дипломатические отношения с Китаем и в ответном послании императору указал, что дела в его государстве — его собственные проблемы и никому не позволительно в них вмешиваться. Дипломатические отношения между Китаем и государством Шахруха возобновились спустя три года, когда в 1413 г. в Нанкин прибыл караван купцов из Шираза, Герата, Самарканда и городов Восточного Туркестана. Они привезли с собой лошадей, леопардов и львов для императора Юн-Ла. Это вынудило его организовать небольшую дипломатическую миссию в Центральную Азию и Иран.

13 октября 1413 г. император приказал посланнику с богатыми подарками и образцами шелка отправиться в путь для установления хороших отношений с "дальним Западом".

Во главе миссии был поставлен Чэнь-Чен²¹, ассистент Бюро доходов и секретарь дворцового евнуха. Чэнь-Чен вел ежедневный дневник, который охарактеризован современными исследователями как "наиболее важный источник для изучения ситуации в Центральной Азии в период раннего правления Минг"²². Копии его дневника - Hsi-yu hsing ch'eng chi были включены в официальные хроники, энциклопедии, династические истории, но оригинальный текст считался давно утерянным и был найден лишь в 1930 г. в частной коллекции²³.

Чэнь-Чен отправился в путь 3 февраля 1414 г. Вместе с ним в посольство вошли евнух Ли-Та и младший чин из Министерства новостей Ли-Шен. Они обошли пустыню Такла-Макан в Восточном Туркестане, прибыли в Хами, затем в Турфан, далее нижним берегом Иссык-Куля в Сайрам, Ташкент, Шахрухию, Самарканд, Кеш, Термез и, переправившись через Амударью, достигли Герата 27 октября 1414 г. Всего за время своего путешествия Чэнь-Чен посетил 17 больших городов, каждому из которых он дает краткое описание. Но наиболее подробна его информация о Герате. Поскольку он имел право на свободное передвижение по городу, в котором пробыл около двух месяцев, Чэнь-Чен детально описывает топографию и структуру города, его цитадель, шахристан и рабад, базары, многие архитектурные сооружения (дворец, медресе, мечети), а также их декоративное убранство, в частности дворец Шахруха в цитадели с его знаменитыми деревянными дверями, украшенными орнаментом из кости и рога. Чэнь-Чен отмечает, что хотя резьба по дереву была традиционна для этой области, но данную дверь изготовил мастер, которого Амир Темур вывез из Сирии в 1401 г. и поселил в Самарканде.

Интересные сведения приводит Чэнь-Чен о денежном обращении в Герате времени Шухруха. Он пишет, что здесь обращались три типа

---

²¹ Rossabi M. Two Ming... P. 15—29; Hecker F. J. Op. cit. P. 85—99.

²² Franke W. Op. cit. P.215.

²³ Rossabi M. Two Ming...P. 19.

серебряных монет: танга, динар и чахаром, а также медные монеты — пул²⁴.

Китайский посланник описывает виды сельскохозяйственных культур, выращиваемых местными жителями, обращая особое внимание на фисташки, которых он ранее не видел. Он с восторгом пишет о прекрасной ирригационной системе и уникальных ветряных мельницах Герата, которые, по предположению И. Нидхема, повлияли на возникновение ветряных мельниц в Китае²⁵. Чень-Чен обращал внимание и на язык местного населения. Он, в частности, дал транслитерацию персидских и тюркских слов с грамматическими примечаниями и правилами их перевода на китайский язык: *mulla—man-la*, *bazar—pa-tsa-er*, *taka—ten-ko* и т.д. Он описывает многие местные исламские обычаи, обряды, дает информацию о юридических нормах и экономике города. Как отмечает Ф. Хекер, отчет Чень-Чена раскрывает правдивую картину повседневной жизни Герата. Миссия Чень-Чена способствовала улучшению дипломатических отношений между Китаем и государством Шахруха²⁶.

30 ноября 1415 г. Чень-Чен вернулся в Нанкин и представил императору Юн-Лэ свой путевой дневник. Император приказал сохранить его в архиве для будущих посланников. Затем Чень-Чен некоторое время занимал должность вице-комиссара администрации провинции Кван-дунг.

Впоследствии Чень-Чен совершил еще две дипломатические миссии в Герат, ко двору Шахруха. Во вторую миссию он отправился из Китая вместе с внуком Лю-Анем 13 июля 1416 г. С собой они взяли послание китайского императора Шахруху, выдержанное в тоне более любезном, чем предыдущее, и подарки, в том числе серебро, шелк, парчу, соколов и фарфор²⁷.

Чень-Чен и его спутники прибыли в Герат в апреле 1417 г.; Шахрух и его сын Улугбек устроили для них несколько торжественных приемов. В их беседах шла речь об улучшении дипломатических и торговых отношений между обоими государствами. Чень-Чен подарил Шахруху картину с изображением белой лошади. Шахрух остался доволен таким вниманием и ценными подарками и выделил китайскому послу специальный эскорт для обратного пути.

30 октября 1418 г. в Герат было отправлено новое китайское посольство, способствовавшее еще большему улучшению отношений между Китаем и государством Шахруха. Чень-Чена в этом посольстве не было, его возглавил внук Ли-Та. В письме, в котором император, именуя Шахруха другом и равным политическим правителем, характеризует его как "просвещенного, знающего, зрелого, разумного и величайшего среди всех мусульман". В заключение китайский

²⁴ Hecker F. J. Op. cit. P. 90.

²⁵ Rossabi M. Two Ming...P.22; Needham Joseph. Science and Civilisation in China. V. IV. Cambridge, 1965. P. 561.

²⁶ Hecker F. J. Op. cit. P. 94—95; Rossabi M. Two Ming...P.17—29.

²⁷ Rossabi M. Two Ming...P. 26.

император выражает надежду, что "посланники и купцы будут постоянно ездить туда и обратно и что связи не будут прерываться"²⁸.

В ответ на это послание Шахрух и Улугбек отправили в Китай посольство во главе с Гияс-ад-дином Наккошем, прибывшее в Пекин 14 декабря 1420 г.²⁹

22 июля 1420 г. император Юн-Лэ отправил Чень-Чена в третью, последнюю его дипломатическую миссию в западные страны в сопровождении внука Ку-Чина. Об этой миссии известно мало, но и она, очевидно, внесла свою лепту в развитие дипломатических отношений между Китаем и государством Шахруха.

Как отмечают все зарубежные ученые, Чень-Чен внес выдающийся вклад в изучение экономики, обычаев, политики государств Центральной Азии, становление дипломатических отношений между государством Шахруха и империей Минг. Его сведения о городах и местностях Центральной Азии, особенно Герате, темуридской поры уникальны. Поэтому, как нам представляется, одной из основных задач наших китаистов должен стать перевод сочинений Чень-Чена на русский и узбекский языки, чтобы они стали доступными специалистам.

После смерти императора Юн-Лэ Чень-Чен удаляется от дел и уезжает в родные места, где он скончался в 1450 г.

Нового императора Ин-Изяня западные страны мало интересовали, а потому дипломатическая активность Китая в этом направлении значительно ослабевает. Тем не менее их взаимоотношения продолжались. Известно, что Китай в обмен на лошадей экспортировал в Центральную Азию фарфор. В 1424 г. Ин-Изянь приказал всем посольствам, отъезжающим за границу, взять с собой фарфор, шелк и другие товары для продажи в Самарканде и Ширазе. Правительство наложило контроль на объем вывоза этих товаров: "каждое посольство из Центральной Азии могло купить только 50 комплектов фарфоровой посуды с ажурными рисунками"³⁰.

Таковы основные данные о характере дипломатических отношений государства Амира Темура и Темуридов с Китаем в конце XIV — первой половине XV в. Их контакты в последующее время, т.е. во второй половине XV в. (в целом незначительные), с достаточной полнотой освещены в упомянутом выше исследовании бельгийского ученого Х.Сервуса.

---

²⁸ Fletcher J. F. Op. cit. P. 214; Rossabi M. Two Ming...P. 26.

²⁹ A Persian Embassy to China: Being an Extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafis Abru / Transl. by K. M. Maitra. New York, 1970; Dunlop M. Hafis Abru's Version of the Timurid Embassy to China in A.D. 1420. Glasgow Univ. Oriental Society Transactions XI. 1946. P. 15—19; Thackston W.M. A Century of Princes: Sources on Timurid History and Art. Cambridge, Mass., 1989. P. 289.

³⁰ Servus Henry. Sino-Mongol Relations during the Ming. III. Trade Relations the Horse Fair (1400—1600) // Melanges Chinois et boudhiques. XVII. Bruxelles, 1963. P.88. Not. 145.

ИЗ ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Амир Темура и Темуриды придавали огромное значение развитию земледелия и ирригации — экономической основы жизни их обширного государства. В XIV—XV вв. на больших и малых реках Мавераннахра и Хорасана были построены крупные ирригационные сооружения, кяризы, водохранилища, водоемы, которые позволили улучшить водоснабжение в ряде областей, городов и кишлаков, где особенно остро ощущался дефицит воды. Освоение целинных земель расширило площадь орошаемого земледелия. Были созданы новые кишлаки, загородные усадьбы и сады.

Особое внимание Темура уделял столице своего государства Самарканду и его округе, их орошению и благоустройству. Благодаря орошаемым сетям Обирахмата, Маздахина, Базара, Коранда и Нахри Жадида в одном только тумане Ангор количество земледельческих кишлаков составило 72. Стремясь возвысить свою столицу, один из красивейших городов мусульманского Востока, Темура назвал ряд новых кишлаков, расположенных близ Самарканда, именами известных городов Востока: Дамаск, Миср, Багдад, Султония, Шираз. Он говорил, что Самарканд по своему великолепию, красоте и благоустроенности мог бы стать самым крупным городом мира¹.

Амир Темура проводил крупномасштабные оросительные работы не только в Мавераннахре, но и в Хорасане, Иране, на Кавказе, в других областях своей державы.

По свидетельству источников, включив в свои владения Хорасан, Темура провел канал от р.Мургаб в 1381г. и издал указ о благоустройстве Мервского оазиса. Сооружением каналов руководили военачальники и государственные чиновники². Хафиз Абри (Хув.) называет в своем сочинении "Зубдат ат-таварих" более 20 таких каналов: Дилкушо, Ганчраван, Ганчхана, Умар Таибон, Шайх Абу Саъд, Шайх Али Кутлуг Ханум и др.³

В 1401 г. на Кавказе, в местечке Байлакан, по указу Темура от р.Аракс был проложен канал Барлас, ставший одним из крупнейших оросительных сооружений своего времени. Его длина достигала 10 фарсахов (60—70 км), ширина—10 газ (10 м), глубина — 4 газ (4 м). Так что по нему могли свободно проходить суда. Хафиз Абри служил главным мирабом (геодезистом) при прокладке трассы этого канала⁴.

В Мавераннахре и Хорасане во время правления Шахруха и Улугбека значительно расширились ирригационные работы. Осваивались обширные земли. Причем освоение новых земель и любая иная полезная инициатива (рытье кяризов, выращивание садов,

¹ История Самарканда. Т. I. Ташкент, 1969. С. 168.

² Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Соч. Т.3. М., 1965. С. 151.

³ Хафиз Абри. Зубдат ат-таварих. Реп. ИВ АН РУз, инв. № 4078, л. 2286.

⁴ Так же, л. 352 а.

орошение и благоустройство заброшенных, залежных земель) весьма поощрялись Темуром и его преемниками. Их инициаторы на один-два года освобождались от всех земельных налогов и платежей.

Создаются крупные ирригационные сооружения в Самарканде, Бухаре, Кашкадарье, в Мервском оазисе, в долине Тус, а также в Герате и его округе. В ряде сельскохозяйственных областей улучшается водообеспечение. Одной из крупнейших оросительных работ стало восстановление древнего канала Ангор, выведенного из Даргома. Через этот канал часть вод Зарафшана была переброшена в маловодный район Кашкадарьи, и земли, расположенные по его руслу, были обеспечены водой.

Археологические исследования показывают, что полностью разрушенная во времена монгольского нашествия оросительная система Бухарского оазиса к концу XV в. была восстановлена. Площадь обрабатываемых земель заметно расширилась: западная граница оазиса сдвинулась на 5—6 км в глубь степи⁵. Были освоены новые земли на границе юго-восточной части Бухарского оазиса, в степях Саманджух. Шахрухом была восстановлена разрушенная монголами головная плотина Мургаба—Султанбанд; улучшилось снабжение водой Мерва и Мургабского оазиса. Расширяются площади поливных земель за счет орошения целины. По инициативе султана Хусайн Мирзо в Мервском оазисе прокладываются новые каналы, орошаются и благоустраиваются большие площади земли.

Много внимания оросительным работам уделял и Алишер Навои. В частности, он организовал строительство водохранилища Турукбанд в районе Чашмагул, в верхней части оазиса Тус. По каналу длиной 10 фарсахов (60—70 км) вода из этого водохранилища направлялась в Мешхед, и обводненные земли в окрестностях этого города стали плодоносными и благоустроенными⁶.

Вместе с развитием орошения прогрессирует ирригационная техника. Оросительные системы стали строиться на основе инженерной науки.

В тот период в сельском хозяйстве, в частности в овощеводстве, бахчеводстве, выращивались многие виды растений. В садах росли разнообразные фруктовые деревья, обеспечивавшие население летом свежими, а в зимнее и весеннее время года сушеными фруктами. Одним из основных видов хозяйства было животноводство. Разводились верблюды, а также мелкий рогатый скот, в частности каракульские овцы. Особое внимание уделялось коневодству. Разумеется, продукция сельского хозяйства, будь то земледелие или скотоводство, создавалась трудом простых людей, податного населения, и их распределение в известной мере раскрывает сущность социально-экономических отношений в государстве Амира Темура и Темуридов.

На протяжении XV в. в Мавераннахре и Хорасане земельная собственность, как и раньше, согласно правовым нормам, делилась на

⁵ Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978. С. 109.

⁶ Gleveger W. M. Dams in Horasan // East and West. 1969. V. 79. N 3—4. P. 387—394.

четыре основных вида: "мулки девани" (государственная собственность) — государственные земли; "мулк" (частновладельческая собственность) — частные земли, "мулки вакф" (вакуфная собственность)—земли, принадлежавшие религиозным учреждениям, и, наконец, "жамоа ерлари"—общественные земли.

Государственные земли раздавались в качестве сойургала, который в эпоху Темуридов получил особенно широкое распространение. Размеры и условия пожалования земель в сойургал, а также права владельца сойургала были различны. Обычно в сойургал жаловались отдельные кишлаки (селения), города и области, которые в большинстве случаев передавались амирам, крупным военачальникам и государственным чинам. Такие земли нередко переходили из поколения в поколение по наследству. Владелец сойургала имел право назначать своих чиновников, взимать налоги, собирать подати, наказывать виновных. По словам Абд ар-Раззака Самарканди, во времена Шахруха владельцем Хорезма как сойургала был Шахмалик, Ферганы — Мирза Ахмед, Хорасана — Байсунгур. Обладатели сойургальной грамоты — правители вилоятов (областей) — только формально зависели от центрального правительства. Фактически они были самостоятельны. В целях подчинения владельцев сойургала центральное правительство порой сокращало вверенные им земли или ограничивало административно-судебный иммунитет. Если же владелец сойургала не подчинялся, то лишался сойургального права и его область государь мог передать другому. Так, именно за неподчинение Шахрух лишил сойургала Мирза Искандера (1414 г.) и Мирза Байкаро (1425 г.).

В эпоху Темуридов существовали сойургальные земли и более мелких размеров, с ограниченным иммунитетом. Такие земли обычно получали гвардейцы верховного правителя. По словам Бабура, султан Хусейн Байкаро каждому воину своей 14-тысячной гвардии и 40-тысячного постоянно действующего войска пожаловал по 80 жариб, т.е. 40 танабов (мера площади) земли. Переданные навкарам, эти земли освобождались от налогов и платежей.

Значительную часть земледельческих площадей "мулк" составляли частнособственнические земли. Большая часть их находилась во владении чиновников различного ранга, военных и религиозных деятелей. Например, живший во второй половине XV в. шейх Ходжа Ахрар владел 1300 участками земель. Некоторые из них равнялись 300 парам волов (одна из мер площади)⁷.

За определенные заслуги главный правитель иногда выдавал тарханные грамоты. Лицо, получившее такую грамоту, освобождалось от всех налогов, платежей и обязательств. Эти грамоты обычно получали амиры, беки, чиновники дворца и другие высшие чины. Владелец грамоты прибавлял к своему имени слово "тархан". Большинство тарханов владели значительными богатствами. Например, Дарвешали Тархан и Абдалали Тархан сосредоточили в своих руках обширные участки земли близ Герата, Самарканда и Бухары.

---

⁷ История Узбекистана. Т. I. Кн. I. Ташкент. 1955. С. 353.

Бабур, описывая "царскую" жизнь Абдалали Тархана, пишет о его великоленном дворце, свадьбах, которые обслуживали 3000 слуг и воинов, об угнетении им народа и т.п.⁸

В последний период правления Темуридов значительная часть государственных средств была сосредоточена в руках тарханов. Пользуясь большими правами, они превратились в огромную силу в политической жизни. Во время междоусобных войн поддержка могущественного тархана нередко могла решить судьбу любого правителя.

В XV в., как и в предыдущие эпохи, обширные земли были закреплены за мечетями, медресе, ханака, мавзолеями, кладбищами и т.д. Такие земли именовались "мулки вакф" — вакуфные земли. При возведении мечети, медресе, ханака, мавзолеев, лечебниц значительное количество земель поступали в вакф этих учреждений. Кроме того, в вакф передавались многочисленные дуканы, цехи, мельницы, базары и пр. Получаемые от них средства выдавались в виде жалованья мутавалли, мударрисам, табибам, учащимся, а также использовались на финансирование ремонта мечетей, медресе, лечебниц, ханака.

Некоторая часть земель считалась собственностью сельской общины или рода. То были древние виды собственности, имевшие распространение главным образом в горных и предгорных районах. Коллективная собственность создавалась обычно для утилизации вод горных ручьев, подземных вод, сооружения водоемов и кяризов. Таким образом, освоенные в результате совместных усилий земельные площади превращаются в общественную собственность. Такой вид собственности в период правления Темуридов, правда, не получил широкого развития, но все же имел место.

Труженики, обрабатывавшие посевные площади, именовались "музари". Они делились на четыре группы: музари, сидящие и обрабатывающие государственные земли; музари, обрабатывающие земли крупных землевладельцев; музари-дехкане, владеющие некоторым количеством земли, а также музари, живущие за счет вакуфной собственности.

Музари, проживавшие на государственных или вакуфных землях, а также у владельца крупной собственности (тархан, сойургал), трудились как арендаторы. Их доля из выращенного урожая зависела от средств, предоставленных землевладельцем, как, скажем, семена, вол, плуг, лошадь, телега. На какой бы земле ни трудился музари, он непременно платил налоги и выполнял определенные повинности.

Основной поземельный налог (рента), получаемый с поливных земель, — "харадж" (или "мол") собирался после созревания и уборки урожая, натурой либо деньгами. Например, харадж с пахотных земель равнялся, как правило, трети урожая, т.е. урожай делился на 3 части, из которых две оставались землевладельцу, а одна треть поступала в государственную казну. Если житель согласен был платить харадж деньгами, то треть урожая оценивалась деньгами по рыночной стоимости.

---

⁸ Бабур-наме: Записки Бабуря. Ташкент, 1953. С. 32.

Богарные земли оценивались ниже, чем поливные. Музари, занимавшиеся богарным земледелием, платили налог от одной шестой до одной восьмой части общего урожая.

С частнособственнической земли взимался налог "ушр", составлявший десятую часть урожая. Такие земли обычно принадлежали саидам, ходжа, улемо, шейхам. Например, Ходжа Ахрар с принадлежавших ему 1300 участков земли каждый год вносил в казну правителя Самарканда Султана Ахмеда только зерном в размере 80 тыс. батманов.

С садов и плодовых деревьев брали специальный налог "мол дарахт", оплата которого основывалась на узаконенных в прошлом правилах и порядках. С пастбищ и животноводческих товаров взимали "закат" в размере 2,5%.

Наряду со взиманием земельных налогов, а также налогов со скотоводства ("закат"), в пользу фискальных чиновников с населения собирали "йигим". Например, "сахиб жамона" — для определителя количества (объема) урожая, "мухассилона" — в пользу сборщиков налогов, "зобитона" — руководителям киримов (доходов), "доругана" — для доруга (городского хокима), "мирабона" — в пользу мирабов и т.д.

Кроме того, для непредвиденных расходов с населения взимались налоги "аваризод" и "таваджухат-и хориджи".

До сбора зерна запрещалось взимать налоги, которые обычно собирались три раза: в саратон (июнь — июль), сумбула-и мезин (август — сентябрь) и кавс (ноябрь) месяцы.

Во время сбора налогов запрещалось использовать палку и плеть; сборщики налога должны были работать "без жалоб", т.е. не имели права связывать задолжника, заковывать его в кандалы и т.д.

Кроме основных налогов, трудовое население обязано было безвозмездно работать в пользу правителя, владельцев сойургала и тарханов, а также крупных собственников. Трудовое население широко использовалось при возведении общественных зданий, оборонительных сооружений и оросительных систем, строительстве дорог и их ремонте. Такие формы повинности назывались "бегар". Привлеченные к работам такого рода (хашарчи) должны были принести с собой инструменты и необходимые продукты питания.

Это, разумеется, затрудняло положение хашарчи в бегаре. Как правители и их свита, крупные собственники также пользовались правом применять бегар. Например, Ходжа Ахрар имел право призывать на бегар более 3000 музари⁹.

На плечи трудового народа взваливались не только бегар, но и другие повинности и платежи, хотя Амир Темур отменил такие налоги-платежи, как "сарিশумар", "хонашумар", но во времена его наследников они продолжали бытовать. Кроме того, назначающие и собирающие налоги чиновники стремились получить с налогоплательщиков как можно больше. И здесь уместно привести слова известного поэта и мыслителя средневековья. Саади Ширази: "Если правитель сорвет хотя бы одно яблоко из сада своего жителя, то его

⁹ История Узбекистана. Т. I. Кн. I. С. 357.

близкие вырывали бы это дерево яблони с корнем. Если правитель бесправно брал пять штук яиц, то его воины отбирали тысячи кур для шашлычных вертелов". Поэтому Темура и некоторые его наследники не стремились нарушать системы платежей и количество налогов, но и не злоупотребляли ими. Не соблюдающие эти правила чиновники даже подвергались наказанию.

Однако налоговщики на местах проявляли своеволие и занимались непомерными поборами. Так, в 1401 г. с населения вилоята Фарс сверх ежегодного поземельного налога было собрано 300 тыс. динаров группой налоговщиков во главе с Мавляном Кутбиддином садри аъзамом и навкером Аргун. Когда об этом было доложено Темуру, по его указу Аргун был повешен в Шеразе, а Мавлян Кутбиддин садр в кандалах отправлен в Самарканд. Изъятые ими вне закона средства в сумме 300 тыс. динаров в течение двух месяцев были возвращены налогоплательщикам Фарса под строгим контролем казиев вилоята¹⁰. В 1470 г. из-за злоупотреблений чиновников налоговой службы, собиравших в свою пользу значительные средства с населения, восстали жители Герата во главе с Мухаммадом Йадгаром. В результате правитель Хорасана Султан Хусайн был вынужден отменить на два года сбор непомерных налогов и платежей на содержание войск с дехкан, музари и ремесленников Герата и его окрестностей.

Все сказанное говорит о том, что в период правления Амира Темура и Темуридов были осуществлены значительные работы по обводнению земельных массивов, улучшению водоснабжения городов и ряда земледельческих районов, причем не только в центре страны — Мавераннахре, но и в таких оазисах, как Мерв, Кабул, Мешхед, Герат, и на Кавказе. В определенной мере была упорядочена налоговая система и т.п. Все это способствовало подъему сельского хозяйства и укреплению экономики страны.

---

¹⁰ Х а ф и з и А б р у. Указ. соч., л. 352 а.

Р.Г.МУКМИНОВА

РЕМЕСЛО И РЕМЕСЛЕННИКИ ВО ВРЕМЕНА АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Время правления Амира Темура положительно отразилось на экономике многих городов Мавераннахра. С установлением сильной власти они обрели надежную защиту от столь частых в предыдущий период нападений соседних правителей, междоусобных и династических войн, произвола чиновников. Все это благоприятно повлияло на развитие ремесленной промышленности, внутригородской и внешней торговли, что, в свою очередь, стимулировало развитие ремесел, преобладающая часть которых работала на рынок.

В рассматриваемый период, как и в прошлом, одной из ведущих отраслей ремесла оставалось ткачество. Изготавливались разнообразные ткани — простые и дорогостоящие. Характерной чертой для данной отрасли в конце XIV — начале XV в. был возросший спрос на дорогие

ткани. В расчете на узкий круг потребителей изготавливались особо ценные материи.

Распространенной тканью праздничных одежд аристократической части населения был бархат. Из него изготавливались также предметы быта богатых домов — подстилки, покрывала, наволочки для подушек. В Самарканде выделяли особый сорт бархата, имевший малиновый цвет. По красителю (именовавшемуся по насекомому кирмиз—кермез), из которого он изготовлялся, этот бархат называли бахмоли кермези. Тем же красителем окрашивалась высокосортная шерстяная ткань—сакирлот — местного производства и привозная. Из тонкого сукна сакирлот шили верхние одежды для вельмож, а также изготавливали дорогие царские платки.

Подобные ткани служили предметом вывоза в другие страны. "Еще один товар Самарканда, это кирмизи махмол. Его вывозят (в другие) края и страны"¹. Скарлатные ткани были хорошо известны и на Руси.

Среди ценных тканей особое место занимала во времена Амира Темура и Темуридов ткань кимхоб (камка). Халаты, сшитые из камки, преподносились эмирам и послам, прибывавшим ко двору Темура, на приемах и в местах их остановок в пути. Много раз подносились они, в частности, посланникам испанского короля.

Основную часть тканей массового производства составляли хлопчатобумажные материи, в том числе бязь (тюрк.буз), в письменных источниках часто называемая "карбос" (перс.-тадж.). Она была разных сортов, от тончайшего, предназначавшегося для обеспеченной части населения, до грубых, из которых шили повседневную одежду рядовые жители. Сорта грубого карбоса использовались и для подкладок халатов, стеганых одеял и т.п.

С появлением в Самарканде мастеров из других стран в Мавераннахре стали выделять и новые виды тканей. Всевозможные ткачи, в том числе изготавливавшие особые сорта шелка и те, "которые плетут веревки к устройству метательных машин, были доставлены в Самарканд. Они посеяли лен и коноплю, которых ранее никогда не было на этой земле"². Однако основным поставщиком изящных дорогостоящих льняных изделий с древних времен был Египет.

В целом в рассматриваемый период наблюдается расширение ассортимента тканей и взаимобмена мастеров техническими приемами выделки изделий, разнообразием форм и рисунков на тканях.

Важнейшую роль среди отраслей ремесла в Самарканде той поры играло изготовление одежды. Кроме частных лиц, этим промыслом занимались мастера царских мастерских. О награждении отличившихся лиц одеждой в источниках сообщается довольно часто, что служит косвенным свидетельством занятости части горожан шитьем одежды.

---

¹ Бабур-наме: Записки Бабюра. Ташкент, 1958. С. 62. См. также: За х и р а л - Д и н М у х а м м а д Б а б у р. Бабур-нама (Вакайя)/ Критич. текст, подготовил к изданию Эйван Мано. Кюто, 1995. С. 73 (на староузбекском яз.). Далее: Бабур-нама...

² И б н А р а б ш а х. Ажойб ал-макдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида такдир ажойбларни). Книто. Ташкент, 1992. С. 251; Р у н Г о н с а л е с д е К л а в и х о. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)/Перевод со староперсидского. М., 1990. С. 139 (Далее: Дневник...).

Внутреннее убранство в жилых домах сводилось в городах Средней Азии в основном к коврам, многочисленным занавесям разных расцветок. Роскошные занавеси могли быть с оборками и бахромой, украшенные аппликациями и вышивкой. Их шили из шелка и тончайшего полотна.

Красивейшие ковры различной расцветки, упоминаемые (видимо, в зависимости от технических приемов) под разными названиями, были, как описывают современники Темура, разостланы на полах дворцов.

Шелковыми и парчовыми тканями, полотном с аппликациями обтягивались каркасы павильонов, возводившихся во время празднеств. В торжественных случаях зажиточные горожане обязаны были вывешивать ковры на стенах домов, выходявших на центральные улицы.

Ведущее место среди ремесел в Самарканде принадлежало выделке писчей бумаги. При этом, как и текстиль, бумага была товаром, вывозившимся в другие страны.

В период правления Амира Темура и Темуридов наблюдается значительный подъем в области историографии. Составление исторических сочинений, создававшихся по распоряжению Темура, а позже — Шахруха, как и развитие науки при Улугбеке, способствовали расширению производства писчей бумаги, известной в Самарканде еще с VIII в.

Самарканд в конце XIV — XV в. оставался одним из главных центров производства писчей бумаги на Востоке. Сочинения, составленные при Амуре Темуре и Темуридах, как правило, написаны на самаркандской бумаге.

Немалое количество бумаги требовалось также для канцелярской переписки, государственных указов, распоряжений и писем государя, студентов медресе и т.п. При этом большим спросом пользовалась бумага высших сортов.

В самаркандских мастерских выделялись и более низкие сорта бумаги. В источниках того времени упоминаются "чистая и белая бумага" и "обычная". Для отделки полей листа рукописей использовался особый сорт — "кагаз-и абри" — "мраморная бумага"³.

"Лучшая бумага в мире получается из Самарканда", — отмечал Захир ад-дин Мухаммад Бабур⁴. Она была одним из основных предметов экспорта из этого города в другие страны и области. Так, среди товаров, вывозившихся из Самарканда в XVII в., балхский историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали прежде всего называет бумагу. "Товар Самарканда — бумага, зеленый мрамор, строительный лес, белила и яблоки".

Важное место среди ремесел времени Амира Темура и Темуридов занимало гончарное дело — одна из ведущих и наиболее развитых отраслей ремесленного производства Мавераннахра во все времена. Для изготовления керамических изделий использовали местную глину, в

³ М у к м и н о в а Р. Г. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976. С. 95—103.

⁴ Бабур-наме ...С. 62; Бабур-нама. С. 73.

том числе из окрестностей Самарканда. Испанский посол Клавихо писал, что глина здесь "самая лучшая во всем свете".

Большую роль в экономике среднеазиатских государств XIV — XV вв. играла обработка металла. Квалифицированные металлисты изготавливали разнообразные предметы из меди, бронзы, чугуна, железа и т.д.

Высокоразвитой отраслью ремесла была обработка драгоценных металлов. Темуридские султаны, сам Тему́р, его жены любили украшать себя драгоценными камнями, жемчугом, изделиями из золота и серебра. Ювелиры-заргары специализировались на изготовлении серег, перстней, браслетов и других дорогих изделий, предназначенных для сравнительно небольшого числа аристократов. Более дешевая продукция шла на массовый рынок.

В конце XIV в. в регионе развернулось строительство монументальных зданий, в связи с чем значительное развитие получает производство мозаичных плиток, глазурованных изразцов и оконного стекла, в том числе цветного. Их использовали при строительстве мавзолеев Гури-Эмир и Ишрат-хана, дворца в Шахрисабзе, медресе Улугбека в Бухаре и др.

В период правления Тему́ра расширяется роль мастерских-корхона. В работах историков-востоковедов уделено значительное внимание анализу термина "корхона", а также характеру и месту в ремесленном производстве типа мастерских, определяемых этим термином⁵.

Всячески стремясь возвеличить Самарканд, укрепить экономику страны и повысить роль своего государства в международной торговле, Амир Темур отовсюду собирал в Самарканд лучших мастеров различного профиля. Так, "из Дамаска он прислал разных мастеров, каких смог найти: всевозможных ткачей, умельцев по лукам для стрельбы и оружейников, тех, кто обрабатывает стекло и глину, и (эти мастера) считаются лучшими в мире. А из Турции он привел арбалетчиков и других умельцев, каких смог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось, и столько привез, что в городе можно найти любых мастеров и умельцев. Кроме того, он привел мастеров по (метательным) машинам и бомбардиров и тех, которые плетут веревки к этим устройствам и столько разного народа собрал (Темурбек) со всех (сторон) в этот город, как мужчин, так и женщин, что, говорят, их более ста пятидесяти тысяч человек"⁶.

Ибн Арабшах также отмечает сосредоточение в Самарканде множества мастеров из разных стран: шелкоткачей, красильщиков, ветеринарных врачей, ученых, "всех, кто владел какой-то

---

⁵ П е т р у ш е в с к и й И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949. С. 77; е г о ж е. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии) // XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960. С.3; К л а в и х о К. Р. Из истории ремесленного производства (кархана) в Иране XIII—XV вв. Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 47—55; М у к м и н о в а Р. Г. К истории ремесленных мастерских кархана // Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980. С. 190—196.

⁶ Дневник ... С. 139; см. также: И б н А р а б ш а х. Ажонб ал-макдур... С. 251.

специальностью". По его словам, Амир Темура приказал построить в Самарканде здание наподобие того, что он видел в Индии. Оно должно было быть облицовано белыми мраморными плитами, испещренными изящной резьбой⁷. С этой целью из Индии доставлены были специалисты по обработке камня, хотя имелись местные талантливые каменщики. Например, в Самарканде упоминается улица Каменотесов—Сангторошон.

Захир ад-дин Бабур писал: "В Самарканде много строений времени Темура и Улугбека. Кук-Сарай в четыре яруса. Близ ворот Аханин, внутри крепости Темура поставил соборную мечеть, каменную. Более всего там работало каменотесов, приведенных из Хиндустана"⁸.

В результате происходит синтез мастерства квалифицированных специалистов многих стран, причем не только ремесленников. В этом плане наше внимание привлекает следующая информация Ибн Арабшаха: "А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные играли и пели мотивы по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса монголов, по законам (пения) китайцев и размерами алтайцев"⁹. Так что ремесла и культура эпохи Темура и Темуридов отнюдь не ограничивались территориальными границами.

Производственно-профессиональная сторона деятельности искусных мастеров нашла свое отражение в описании торжественных праздников, проводившихся по распоряжению Темура, Улугбека и некоторых других Темуридов. В зависимости от профессии строились, например, павильон из хлебных лепешек, минарет из хлопка; передвижной ткацкий станок тут же изготовлял ткань и т.п.¹⁰

В 1394 г. самаркандские вельможи организовали торжественную встречу вернувшемуся в Самарканд из Закавказья сыну Амира Темура — Шахруху. Улицы и базары города были украшены коврами, парчой и атласом; лучшие ремесленники демонстрировали свое мастерство. Еще более грандиозная встреча была организована возвратившемуся в Самарканд в 1396 г. Амиру Темуру.

Шараф ад-дин Али Йазди оставил красочное описание праздника, проведенного в Кан-и Гиле по случаю благополучного возвращения Темура в 1404 г. в Самарканд, бракосочетания десятилетнего Улугбека и сыновей Темура—Мираншаха и Умар-Шейха. В этом описании, изложенном в стихотворной форме, большое место отводится роли ремесленников (мухтарифе ва пешаварон). В празднестве принимали участие представители всех слоев населения, "простые и благородные".

Как утверждает Шараф ад-дин Али Йазди, мастера по золоту "превратили Кан-и Гиль в золотой рудник". Они выставили кольца, серьги, браслеты; продавцы драгоценностей развесили драгоценные камни. Продавцы материи сделали павильон, обтянутый парчой и шелком, разложили в нем ковры и разнообразные ткани. Другие

⁷ И б н А р а б ш а х. Ажонб ал-макдур... С. 314.

⁸ Бабур-наме...С. 60; Бабур-нама. С. 69.

⁹ Б е л е н и ц к и й А. М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. // Труды Отдела Востока. Т. II. Л., 1940. С. 197.

¹⁰ И б н А р а б ш а х. Ажонб ал-макдур... С.308—309.

мастера также украсили свои павильоны, которых, по словам историка, было свыше ста.

В корзинах были разложены разные фрукты: яблоки, айва, груши, гранат, а также орехи. Чистильщики хлопка смастерили птиц с крыльями и соорудили минарет из окрашенного хлопка, на верху которого сидел аист. Кожевники, мастера веревок и циновок также доказали свое умение изготавливать искусные изделия.

Музыканты, певцы и танцоры доставляли наслаждение участникам торжеств. Здесь показали свое искусство и канатоходцы, и люди, одетые в звериные шкуры, изображая диких и домашних зверей.

Правителям других стран и султанам были отведены самые почетные места в Кан-и Гиле, в украшении которого они частично принимали участие и сами. Далее должны были расположиться высокочтимые сановники, которые также доставили сюда все, чем можно украсить отведенные им места¹¹.

Очевидцами этих событий были и Ибн .Арабшах, и Клавихо. Согласно их описанию, вокруг шатров устроили ограду из тканей, соорудив проход в виде ворот, а в глубине было размещено несколько шатров, предназначавшихся для самого Амира Темура. Некоторые из них особенно выделялись богатством украшений: дорогой тканью, позолотой, разноцветными узорами.

Великолепным было и "дерево из золота, наподобие дуба. Ствол его был толщиной в человеческую ногу, со множеством ветвей, расходящихся в разные стороны, с листьями как у дуба, высотой в человеческий рост. И возвышалось оно над блюдом, стоявшим рядом. А плоды его были из рубинов, изумрудов, бирюзы, красных рубинов, сапфиров, крупного отборного жемчуга, удивительно яркого и круглого; эти (драгоценности) украшали дерево в разных местах, кроме того, (там) располагалось много маленьких разноцветных золотых птичек, отделанных эмалью, из которых некоторые были с распушенными крыльями, а другие сидели точно готовы были упасть, прочие как будто клевали плоды с дерева и держали в клювах рубины, бирюзу и прочие камни и жемчуг, которые там были"¹².

В связи с описанием этого искусно сделанного дерева можно вспомнить о дереве из золота, относительно которого сообщается в народном эпосе "Идеге". Говоря о городе Сарае на Волге, автор упоминает "драгоценное дерево золотое", вместе с государственной казной вывезенное Амиром Темуром¹³.

Подобные сведения из письменных памятников, относящихся ко времени правления Амира Темура, представляют особый интерес, ибо они отражают уровень развития ремесленного производства в Самарканде рассматриваемого периода. Эти данные в дополнение к уже известным по литературе позволяют считать, что в конце XIV—XV в.

---

¹¹ Ш а р а ф у т д и н А л и Й а з д и й. Зафарнома / Нашрга тайёрлаш, суз боши, наоҳ ва курсатқичлар А. Урйибоевники. Тошкент, 1972. С. 460 а—461 а (939—941); И б н А р а б ш а х. Ажойб ал-мақдур...С. 306.

¹² Дневник...С. 131.

¹³ Идеге: Татарский народный эпос / Перевод С.Липкина. Казань, 1990. С. 165; Идегей: Татар халык дастаны. Казань, 1988. С. 169.

в Мавераннахре получили значительное развитие многие отрасли ремесла, резко увеличилось число ремесленников, повысился уровень их квалификации, более четко стала проявляться специализация городов Мавераннахра, особенно Самарканда, на изготовлении отдельных видов ремесленной продукции. О том, что при Темуре и Улугбеке сложились благоприятные, по сравнению с предыдущим периодом, экономические условия для развития ремесленного производства, говорит и происходившее тогда заметное разрастание ремесленных кварталов вокруг самаркандского Регистана.

Рост ремесленного производства при Амуре Темуре и Темуридах наблюдается и в Шахрисабзе, да и в других городах Мавераннахра.

Более тесное, чем в предыдущие годы, политическое и хозяйственное общение оседлого населения с кочевыми и полукочевыми жителями, сотрудничество местных и чужеземных мастеров стали основой для взлета творческой деятельности ремесленников.

Ремесленники разных профессий составляли наиболее активную часть городского населения. Они были основными производительными силами города, и Амир Темур уделял им особое внимание. Мы, например, располагаем ценной информацией Ибн Арабшаха о распределении Темуром ремесленников соответственно их профессиям. По его словам, все самаркандские ремесленники одной специальности должны были объединяться в профессиональные группы, во главе которых стояли мастера-саркары, т.е. мелкие производители объединялись в профессиональные корпорации-цеха и должны были подчиняться цеховому старшине. О том, что "всевозможные умельцы и мастера" расселялись "по определенным улицам", сообщает и Клавихо.

Широкая строительная деятельность, развернувшаяся в рассматриваемый период, отражена в письменных источниках не только перечислением возведенных монументальных зданий, но и упоминанием разных специалистов: зодчих, разметчиков, штукатуров, мастеров художественного орнамента, кирпичников, мастеров, изготовлявших изразцовые облицовочные плитки, камнетесов, резчиков по ганчу и мрамору, обжигателей алебаstra и др.

Обычно к собственному имени мастера-усто, когда в том или ином письменном источнике речь шла о конкретной личности, добавлялось его профессиональное имя, что подтверждало его квалификацию, отличие от других горожан и, в определенной степени, отражало уважительное отношение к мастеру со стороны жителей данного квартала. Имена высококвалифицированных мастеров были широко известны. Конкретные данные говорят о том, что в конце XIV—XV в. в ремесленном производстве существовала узкая специализация — каждый вид готовой продукции, а во многих случаях и отдельные детали изделия, изготовлялись профессионалом, специализировавшимся именно в этом деле. Так что применительно к рассматриваемому времени, исходя из конкретных фактов, можно говорить о наличии в крупных городах Мавераннахра около 200 ремесленных профессий.

Следует отметить, что в имущественном и правовом отношении ремесленники не составляли однородную массу.

Верхушку мелких производителей представляли цеховые старшины, из среды которых выделялись те, кто уже сам непосредственно не

занимался изготовлением ремесленной продукции, хотя и имел собственную мастерскую. Часть их и их сыновья пополняли ряды просвещенного общества и могли стать поэтами, писателями, учеными.

Основной же фигурой в городском ремесле оставался мелкий производитель, самостоятельно работавший и сбывавший свою продукцию единолично. Некоторые из них владели мастерскими, другие — арендовали лавки-мастерские, принадлежавшие феодалам и зажиточным слоям городского населения. Были и такие специалисты, которые имели лишь свои орудия труда, а часть ремесленников вынуждена была наниматься на работу, получая за свой труд питание и одежду, а также небольшое вознаграждение, которое выдавалось им по истечении срока их найма. Эта группа мастерового люда была близка в имущественном и правовом отношениях к городским низам.

Дошедшие до нас великолепные ремесленные изделия, здания медресе, мечетей, хонако, гробниц и т.п. свидетельствуют о высокой производительности ручного труда мастеров того времени.

Некоторые из созданных прекрасных сооружений, по словам Клавихо, вызвали бы восхищение и у мастеров — строителей дворца в Париже. Тщательно разработанные технические приемы, приобретенные в результате многолетнего опыта, секреты своего ремесла специалисты обычно передавали своим детям, как правило, старшему сыну. Но в отдельных случаях, особенно в тех отраслях, где нужны были дополнительные рабочие руки, практиковалось привлечение учеников — шагирдов со стороны. Это нашло отражение в письменных соглашениях, заключавшихся между мастером — учителем и одним из членов семьи ученика (в известных нам договорах — мать, брат, реже — отец), на попечении которого находился мальчик, поступивший в обучение. В договоре указывались имя мастера-уста и будущего его ученика, а также соответствующего члена его семьи, дата заключения соглашения, специальность, которую должен был приобрести ученик, срок обучения, обязанности ученика перед хозяином, если они, как оговаривается в текстах договоров, не противоречили нормам шариата. Эти договора составлялись в канцелярии местного судьи и скреплялись печатью казиза.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов дает основание считать, что ученики со стороны составляли еще один социальный слой лиц, занятых ремесленным трудом. Их положение, особенно до приобретения специальности, было незавидным. Но сама практика составления письменного договора между мастером и учеником в определенной мере отражает стремление органов цехового управления контролировать обучение и в какой-то степени оградить интересы ученика.

В целом же надо сказать, что в государстве Амира Темура и Темуридов придавалось большое значение развитию ремесел и высоко ценились искусные мастера, создававшие такие шедевры, которые вызывают восхищение не только современников, но и нас, людей XX века, и убедительно свидетельствуют о богатейшем наследии материальной и духовной культуры народов Узбекистана и сопредельных стран.

МОНЕТНОЕ ДЕЛО В ГОСУДАРСТВЕ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Как известно, из прерогатив суверенного мусульманского правителя наиважнейшими всегда считались две: хутба (упоминание его в проповеди во время общественной молитвы в пятницу или в праздник) и сикка (упоминание в монетных надписях). В средневековых рукописных источниках постоянно встречается информация о том, что в честь восшествия государя на престол или в новых его владениях с его именем была прочитана хутба и отчеканена монета. Как правило, хутба в таких случаях фигурирует прежде сикки, хотя их, пожалуй, следовало бы поменять местами: ведь хутба провозглашалась только на подвластных данному правителю территориях, монеты же из благородных металлов (если их проба была высокой) расходились гораздо шире, разнося повсюду весть о новом государе или его военных либо политических успехах. Об очень высокой политической, прокламативной нагрузке мусульманского монетного чекана небесполезно напомнить хотя бы потому, что в этом прекрасно отдавали себе отчет и Амир Темура, и его потомки.

Ко времени прихода к власти Амира Темура в государстве Чигатаидов, включавшем большую часть Средней Азии, сложилась определенная монетная система. Золотые монеты Чигатаиды в XIV в. не чеканили. После реформы хана Кепека (1318—1326) серебряные монеты выпускались в двух номиналах. Крупные монеты старшего номинала — динары имели вес около 8 г. Динар приравнивали к шести малым серебряным монетам — дирхемам, весом около 1,4 г. С тех пор, как Чигатаиды обратились в ислам (сам Кепек еще не был мусульманином), утвердилась определенная схема размещения монетных надписей. На лицевой стороне (аверс) помещалась калима, или шахада, т.е. символ веры ("Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха"), а также проставлялись имена первых четырех преемников пророка Мухаммада, так называемых праведных халифов — Абу Бакра, Умара, Усмана и Али. Обратная сторона (реверс) несла упоминание государя, обычно с титулатурой и благопожеланием ("да продлит Аллах его царствование!"), плюс выпускные сведения с указанием места и года выпуска. В виде исключения на малых серебряных монетах проставлялся монетный термин — танга¹.

Накануне прихода к власти Темура чеканились также крупные, размером с серебряный динар, анонимные монеты, большинство которых выглядят медными. Все же отдельные экземпляры сохранили следы серебра, а значит, первоначально их поверхность была покрыта серебром, и монеты некогда выглядели серебряными². Будем ли

¹ М а с с о н М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (По поводу Таласского клада монет XIV в.) // Труды САГУ. Новая серия. Вып. CLXI (Археология Средней Азии. IV). Ташкент. 1957. С. 41—108.

² Несколько лет назад большой клад (или даже два клада) таких монет был найден где-то в Самаркандской области. Около полусотни этих монет были мною изучены в нескольких частных коллекциях.

называть их медными посеребренными динарами (подобно медным посеребренным дирхемам XII—XIII вв.) либо как-то еще — все равно несомненно, что они относятся к сфере серебра, а не меди. Таким образом, остается открытым вопрос о том, какие же средства обращения обслуживали тогда в Мавераннахре повседневную мелкую торговлю. Во всяком случае, чигатаидские, определенно медные монеты, несомненно XIV в., пока не известны, тогда как в джучидском Хорезме XIV в. ознаменовался массовым выпуском именно медных монет — пулов³.

Сам Темура начал собственную монетную чеканку не сразу после прихода к власти. За время своего длительного правления он выпускал деньги из всех трех монетных металлов — золота, серебра и меди (бронзы). Золотые его монеты составляют большую редкость. Известны, в частности, золотые монеты Темура, битые в 781—783/1379—1382 гг., причем некоторые из тех, что выпущены в Хорезме, названы динарами⁴. Впрочем, золото при Темуре чеканилось, очевидно, не только в Хорезме и в больших масштабах, нежели представляется при знакомстве с наличными материалами и публикациями. Так, рукописные источники сообщают, что в начале XV в. грузинский царь Георгий VIII в числе прочих даров прислал Темуру тысячу золотых танга с упоминанием самого Темура; Хондамир вместо слова "танга" употребляет термин "ашрафи"⁵.

После Темура золото чеканилось редко. Известны очень немногочисленные золотые монеты Шахруха и Султан-Хусайна, но последние определенно, а первые почти наверняка биты за пределами Средней Азии; гератская монета Султан-Хусайна прямо названа "ашрафи"⁶. Не исключено, правда, что в обиходе чеканного золота было больше, чем могло бы показаться. Так, в рассказе Васифи о конце владычества Темуридов в Герате фигурируют принадлежавшие одному знатному лицу сокровища, включавшие, в частности, пять сундуков серебряных монет и два — золотых (ашрафи)⁷.

Несравнимо обильнее был при Темуре серебряный чекан. Основных номиналов по-прежнему оставалось два, но назывались они иначе: серебряные монеты старшего номинала — танга, или тангача, а младшего — мири. Изменилось и соотношение между номиналами: одна танга приравнивалась к 4 мири. По крайней мере, на каком-то этапе при Темуре весовой стандарт танга составлял мискал и два данга, т.е. 6,4 г, весовой стандарт мири — треть мискала (два данга), т.е. 1,62 г (естественно, реальный вес многих конкретных монет несколько

---

³ Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965. С. 189—224.

⁴ Массон М. Е. Динары Копек // Известия АН Туркмении. Серия общественных наук. 1972. N 4. С. 32.

⁵ Сейфеддин М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII—XV вв. Книга II. XIV—XV вв. Баку, 1981. С. 187 и прим. 168.

⁶ Тизенгаузен В. Г. Восточные монеты Н. П. Ливневича // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 4. СПб., 1890. С. 312.

⁷ Болдырев А. Н. Зайнадин Васифи: Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. С. 44. При этом следует иметь в виду, что для Васифи подчас важнее было произвести впечатление на читателя, нежели точно отразить реальность.

отклоняется от стандарта, обычно в сторону уменьшения)⁸. Возможно, на одном из предшествующих этапов весовой стандарт танга был выше (ближе к 7г)⁹. Гораздо реже выпускались при Темуре серебряные монеты других достоинств. Известны экземпляры весом 12,4 г (двойная танга), 9,2 г (полоторная танга), 2,8 г (полутанга?), около 0,5 г (треть мира)¹⁰.

Что же касается схемы надписей на серебряных монетах, то она при Темуре не претерпела принципиальных изменений. На аверсе, как и прежде, помещалась калима с именами четырех праведных халифов, на реверсе — упоминания правителей. Отличие от позднегитаидских серебряных монет заключается прежде всего в том, что теперь на оборотной стороне фигурирует не один государь, а два или, намного реже, три лица. Поскольку Темур к потомству Чингиз-хана не принадлежал, то и в официальных указах, и в монетных легендах на первом месте упоминался подставной хан, а затем сам Темур. Содержание монетных надписей с их упоминанием обычно таково: "Повелением Суюргатмыш-хана (или Султан-Махмуд-хана), амир Темур гураган, слово наше". Показательно появление на серебряных монетах монгольских по происхождению слов "ярлыги" (повелением) и "угэману" (слово наше). Иногда, кроме подставного хана и самого Темура, на монетах фигурирует его внук Мухаммад-Султан, официально объявленный наследником. Так, надписи танга Табриза гласят: "ас-Султан Махмуд-хан, ал-Амир Темур гураган, наследник престола амир-заде Мухаммад-Султан — да продлит Аллах его царствование!" На серебряных монетах Темура проставлялись не только надписи — часто (но не всегда) помещалась его тамга в виде треугольника из трех колец.

После смерти Темура Мавераннахр был захвачен его внуком Халил-Султаном, прочие оставшиеся в руках Темуридов земли достались сыну Темура Шахруху. Халил-Султан выпускал танга, мира и медные монеты; все они близки по составу надписей. Из уважения к памяти деда он в монетных легендах первым делом упоминал несовершеннолетнего царевича Мухаммад-Джахангира, поскольку тот являлся сыном наследника Темура Мухаммад-Султана, умершего еще в 1403 г.¹¹ В память деда Халил-Султан помещал на некоторых монетах и тамгу Темура. Вместе с тем никаких следов тюрко-монгольских традиций на его монетах не выявляется, а его монетный титул — "[тот, который]

---

⁸ Д а в и д о в и ч Е. А. О стандартах чистоты и весовых стандартах серебряных монет Тимура и Тимуридов (конец XIV—XV вв.) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М., 1995. С. 137—139.

⁹ М а с с о н М. Е. К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил Султана // ОНУ. 1969. № 8—9. С. 61, 63.

¹⁰ Данные в основном не опубликованы. Исключение составляют монетки наименьшего достоинства, для которых Р. З. Буряшева предложила наименование "нимданговая тангача" (Б у р и а ш е в а Р. З. Клад серебряных тимуридских монет конца XIV — начала XV вв. на городища Куфрук-тобе (Отрарский оазис) // Известия АН Казахстана. Серия общественных наук. 1989. № 2. С. 37—45), что едва ли удачно: в рукописных источниках термин "тангача" всегда предлагается к крупным серебряным монетам.

¹¹ Б а р т о л ь д В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 57, 71—77.

вверяет [себя] Всеславному Судии¹² (т.е. Аллаху) — подчеркивает его мусульманское благочестие.

Исключительную редкость составляют танга, битые от имени одного лишь Мухаммад-Джахангира в Самарканде в 811/1409 г. и выявленные совсем недавно¹³. Появление их связано, очевидно, со следующими событиями. Худайдад Хусайни, бывший атабек (воспитатель) Халил-Султана, 30 марта 1409 г. взял в плен своего воспитанника, а затем обратился к Шахруху с просьбой оставить Мавераннахр за Мухаммад-Джахангиром. Однако Шахрух перешел Амударью и 13 мая 1409 г. вступил в Самарканд¹⁴. Видимо, между 30 марта и 13 мая 1409 г. и были выпущены эти монеты, свидетельствующие о том, что хотя бы формально и непродолжительное время, правителем Мавераннахра считался Мухаммад-Джахангир. Это обязывает пересмотреть общепринятый перечень первых Темуридов, фигурирующий даже в таких авторитетных пособиях по мусульманским династиям, как справочники Ст. Лэн-Пуля, Э. Цамбаура, К. Э. Босворта¹⁵. Традиционно этот перечень выглядит так: 1) Темур (771—807/1370—1405); 2) Халил-Султан (807—812/1405—1409); 3) Шахрух (807—850/1405—1447; до 812/1409г. — только в Хорасане).

Теперь данный перечень приобретает такой вид: 1) Темур (771—807/1370—1405); 2) Халил-Султан (807—811/1405—1409); 3) Мухаммад-Джахангир (811/1409); 4) Шахрух (807—850/1405—1447; до 811/1409г. — только в Хорасане).

Помещенный на монетах Мухаммад-Джахангира титул "уповающий на Величайшего Владыку" (т. е. Аллаха) соответствует тенденции, намеченной его непосредственным предшественником. Весьма существенно, что на этих монетах фигурирует только Мухаммад-Джахангир, причем он назван султаном, т.е. так же, как Шахрух. Иначе говоря, в монетных легендах Мухаммад-Джахангир предстает держателем статуса столь же высокого, как у Шахруха, хотя их реальный статус был, конечно, несопоставим. Именно при Шахрухе утвердилась та форма упоминания государя на темуридских монетах, которая сохранилась до падения династии. Обычно она такова: "султан высочайший Шахрух бахадур (или бахадур хан)¹⁶ — да продлит Аллах его царствование и власть!" Иногда благопожелание иное: "да продлит Аллах его царствование и халифат". Это благопожелание очень точно отразило

¹² Этот титул обычно читают и понимают иначе — "воздающий за добро и зло" "известный правитель", "великий правитель", "завоеватель" (М а с с о н М. Е. К истории... С. 61; Р т в е л а д з е Э. В. Термезский клад монет Тимура и Халил Султана // ОНУ. 1969. № 8—9. С. 98), но объясняется это прежде всего неполной сохранностью данного титула на имевшихся в распоряжении специалистов экземплярах.

¹³ К о ч н е в Б. Д. Новый клад серебряных монет Темура и Темуридов // Ампр Темур ва унинг дунё тарихидаги урни: Тезисы докладов. Самарканд, 1996. С. 15—16.

¹⁴ Б а р т о л ь д В. В. Улугбек... С. 88.

¹⁵ Л э н-П у л ь Ст. Мусульманские династии: Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Перевел с английского с примеч. и допол. В. Бартольд. СПб., 1899. С. 227; Z a m b a u r E. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam. Nanovre, 1927. S. 269; В о с в о р т К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 217.

¹⁶ На выпущенном в Узбекистане в честь "года Темура" календаре с его изображением он назван "бахадур хан", что исторически неверно, ибо первым из Темуридов так титуловался Шахрух, да и то не сразу и крайне редко.

претензии Шахруха не только на светскую, но и на духовную власть. лишний раз подчеркивая его благочестие, о котором сообщают многие рукописные источники¹⁷.

При жизни отца Улугбек не имел права чеканить серебряные монеты. Лишь после смерти Шахруха, когда Улугбек на короткое время (851—853/1447—1449) стал независимым государем, от его имени выпускались танга в Самарканде, Хорезме, Герате и Амуде. На некоторых из них помещена такая же арабоязычная надпись с упоминанием правителя, как и на серебряных монетах Шахруха (но имя, разумеется, иное). Другие танга, помимо тамги Темура в виде трех колец, несут тюркоязычную надпись: "Духовным покровительством Темура гурагана, Улугбек гураган, мое слово"¹⁸. Здесь налицо уважение к традициям, приверженцем которых был Темур, и благоговение к памяти деда. Таким образом, в серебряном чекане Улугбека отчетливо прослеживаются две тенденции. Одна из них восходит к деду, другая продолжает линию отца. После Улугбека никто из Темуридов к монгольским или тюркским монетным легендам не возвращался.

В этом отношении не был исключением и Абдаллатиф, чье кратковременное самостоятельное царствование ознаменовалось выпуском в 853—854/1449—1450 гг. самаркандских серебряных монет, на которых фигурирует "султан высочайший Абдаллатиф бахадур б.Шахрух б.Темур гураган". Как представляется, Абдаллатиф не случайно назван сыном Шахруха, а не Улугбека. Запятнавший себя убийством отца, он, похоже, затем по существу отрекся от него, причем на самом высоком, официальном уровне.

Различными на разных этапах были масштабы серебряного чекана в Средней Азии при Темуре и Темуридах. При Темуре особенно продуктивным был самаркандский двор, специализировавшийся почти исключительно на выпуске мири, которые чеканились в огромных количествах. Иногда серебряные монеты Темура выпускались в Хорезме, еще реже — в Оше и Ясы (Туркестане). Выпуск танга и мири Халил-Султана был сосредоточен в Самарканде¹⁹. Среднеазиатские серебряные монеты Шахруха чеканились преимущественно в Самарканде, хотя в намного меньших масштабах, чем при Темуре, а также в Хорезме и Шахрухии. Впоследствии темуридские танга в Средней Азии выпускались еще реже, в основном в Самарканде, иногда в Хисаре. Потребности в серебряной монете удовлетворялись далеко не только местной продукцией; в среднеазиатских кладах XV в. преобладают привозные монеты, чеканившиеся на десятках темуридских денежных дворов Афганистана, Ирана, Ирака, Малой Азии, Закавказья.

Не оставался неизменным и весовой стандарт темуридских танга. Если при Темуре он составлял 6,4 г (мискал и два данга), то при Шахрухе трижды понижался: до 6 г (мискал и полтора данга), до 5,6 г

¹⁷ Бартольд В. В. Улугбек... С. 120—121.

¹⁸ Бартольд В. В. Монеты Улугбека // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 362—364.

¹⁹ В одном аукционном каталоге фигурирует приписанная Халил-Султану танга, битая в Лахиджане (Münz Zentrum Auktion XLII. Köln, 1980. S. 120. N 1362). Лахиджан, как известно, находится в Южном Прикаспии и никогда не принадлежал Халил-Султану, чье имя, судя по фотографии, прочитано на данной монете ошибочно.

(мискал и данг), до 5,2 г (мискал и полданга). Позднее, во второй половине XV в., он был понижен до 4,8 г (мискал)²⁰. Что касается стандарта чистоты, то серебряные монеты Темура и Темуридов современники считали максимально высокопробными, т.е. практически не содержащими примесей. Анализ действительно показал высокую пробу танга Темура и Темуридов, но все же они содержат обычно 96—98% серебра, иногда меньше (92,6; 93,7%), иной раз даже больше (в гератской танга Султан-Хусайна оказалось 99,98% серебра)²¹.

Если серебряный чекан Темура был чрезвычайно обильным и производился на десятках дворов, то медные его монеты выпускались в гораздо меньших масштабах. В Средней Азии они чеканились в Самарканде в 785—787/1383—1386 гг. На них упомянут только "Амир Темур", помещены его тамга и выпускные сведения. На медных монетах Халил-Султана, как и на серебряных, назван не только он сам, но и Мухаммад-Джахангир. С той поры, как правителем Мавераннахра был назван Улугбек, медный чекан стал безымянным: на монетах помещали только выпускные сведения, иногда также название монеты, изредка благочестивые изречения. В некоторых случаях на медных монетах появлялись совершенно не свойственные темуридскому золотому и серебряному чекану изображения живых существ. Так, на битых в 817/1414—1415 г. монетах Ахси, Бухары, Самарканда, Термеза и Шахрисабза изображен лев с восходящим за спиной солнцем²².

Медные монеты, чеканенные в 818/1415—1416 г. в Андигане (Андиган), Бухаре, Отраре и Самарканде, оформлены характерным квадратным картушем, монеты Андигана, Самарканда, Шахрисабза и Шахрухии 819/1416—1417 г. — фигурным картушем. На других самаркандских монетах 819/1416—1417 г. воспроизведена тамга Темура в треугольнике. Монеты Бухары, Карши, Самарканда, Термеза, Шахрухии и даже Хорезма 823/1420 г. украшены шестиконечной звездой²³.

Приведенные примеры демонстрируют известную двойственность монетной политики, проводившейся в первые годы правления Улугбека. С одной стороны, однотипность медных монет, чеканившихся одновременно в разных среднеазиатских городах, гарантировала их равное обращение независимо от места выпуска, что было благоприятно для торговли, для потребителя. С другой же стороны, частая смена типов свидетельствует о частых, иногда ежегодных курсовых перегруппировках, когда появление монет нового типа по крайней мере лишало монеты предыдущего выпуска части их покупательной способности. Разумеется, такие курсовые перемены, обеспечивавшие дополнительные доходы для казны, оборачивались для населения существенными потерями.

---

²⁰ Д а в и д о в и ч Е. А. О стандартах чистоты... С. 120—142.

²¹ Там же. С. 142—146.

²² К о т с н е в V. D. Les pieces de monnaie au temps d'Ulug Beg le prince astronome. Paris — Samarkand, 1994. P. 77. Здесь допущена (не по вине автора, названного почему-то Кочевым В. Д.) ошибка: 812/1409—1410 г. вместо 817/1414—1415 г.

²³ Д а в и д о в и ч Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983. С. 70, 292.

В 832/1428—1429 г. Улугбек провел важную денежную реформу в сфере медной монеты. На первом ее этапе монеты нового типа выпускались во многих городах — Андигане, Бухаре, Карши, Самарканде, Термезе, Шахрисабзе, Шахрухии. На втором этапе выпуск пореформенных монет сосредоточился в Бухаре и продолжался по крайней мере до конца жизни Улугбека, а может быть, и намного дольше. Все это время медные монеты были не просто однотипными, но вполне единообразными: на протяжении многих лет оставались неизменными и оформление, и все надписи, включая дату (832 г. х.), которая означала, следовательно, не год выпуска, а год декретирования реформы. В результате население Мавераннахра надолго получило единообразную, стабильную, надежную монету, не подвергавшуюся никаким курсовым переменам. При этом, разумеется, казна продолжала получать доходы от производства медных монет. Иными словами, реформа Улугбека гармонично сочетала интересы государства и самых широких слоев населения. В этом отношении данная реформа явно выделяется на фоне обычных для средневековья денежных мероприятий, преследовавших прежде всего выгоды казны в ущерб подданным. Здесь надо особо подчеркнуть, что эта реформа не оставила никаких следов в рукописных источниках, сам факт ее проведения, существо, характер и последствия выяснила Е. А. Давидович²⁴.

После смерти Улугбека возобновилось точное датирование медных монет, которые долгое время чеканились эпизодически и в небольших масштабах. Регулярный и очень интересный выпуск медных монет приходится уже на конец XV—начало XVI в., когда власть Темуридов подходила к концу. Теперь, кроме бухарского, функционировали денежные дворы Андигана, Карши, Кеша, Самарканда, Ташкента, Термеза, Хисара, Шаша.

Еще важнее то обстоятельство, что медные монеты выпускались в нескольких номиналах. Так, на рубеже XV—XVI вв. в Самарканде чеканились монеты четырех достоинств — полтора динара, динар, две трети и треть динара (динаром в то время называлась медная монета).

Другой приметой времени было надчеканивание медных монет, т.е. клеймение временно изъятой из обращения ходячей монеты одним маленьким штемпелем с целью изменить ее курс или узаконить обращение чужих денег на своей территории. Сама практика надчеканивания восходит в Средней Азии к эпохе античности, особый же размах она приобрела именно в темуридское время. Надчеканивание темуридских серебряных монет началось вскоре после прихода к власти Шахруха, медных — позже, но пока неясно, насколько. Особенно активно надчеканивались медные монеты в конце XV — начале XVI в.: на некоторых экземплярах бывает до 5—6 надчеканов. Тем самым одна и та же монета за короткий срок неоднократно меняла курс, принося дополнительные доходы казне — в ущерб потребителю. Иначе говоря, в конце темуридской эпохи практиковалась монетная политика, принципиально отличная от той, к которой в зрелые годы пришел Улугбек²⁵.

---

²⁴ Там же. С. 165—186.

²⁵ Там же. С. 157—164, 180—222, 294—299.

В заключение необходимо подчеркнуть, что история темуридского монетного дела настоятельно требует глубокого, всестороннего изучения, ибо пока что фундаментально исследован (Е. А. Давидович) только медный темуридский чекан, да и то лишь в мавераннахрской его части.

М. И. ФИЛАНОВИЧ

ТАШКЕНТ — ГОРОД НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ АМИРА ТЕМУРА

Ташкент был одним из крупнейших городских центров средневекового Туркестана, как именуют с IX—X вв. арабские источники зону вдоль р. Сырдарья (Сейхуна). Эта полоса городской культуры на границе оседлых земледельцев и кочевых скотоводов на протяжении веков играла выдающуюся роль в развитии экономики, торговых связей, политической истории Центральной Азии. Не раз становясь ареной военных столкновений и династийных феодальных распрей, ее разрушенные и опустошенные города, благодаря своему экономическому потенциалу и расположению на трассах международной караванной торговли, возрождались, как феникс из пепла, и вновь достигали расцвета. В первой трети XIII в. Ташкент, как другие города Туркестана: Сайрам (Исфиджаб), Тараз, Отрар, Сауран, Яссы-Туркестан, Сыгнак,—пал жертвой политики "выжженной земли", проводимой хорезмшахом Мухаммадом, а затем был захвачен татаро-монголами¹.

Однако уже в середине XIII в. сырдарьинские города начинают возрождаться, прежде всего за счет расположения на важных торговых путях. О значительном оживлении торгового обмена говорит деятельность в ряде городов монетных дворов, удовлетворявших нужды коммерции и позволявших упорядоченно, в денежной форме, взимать налоги.

Шаш также был затронут реформой Мас'уд-бека, унифицировавшей монетное обращение на всей территории Чигатайского улуса на базе свободного чекана серебряных монет. В Ташкенте монетный двор начал функционировать во второй половине XIII в.² Город продолжал чеканить серебряную монету и в XIV в., а возросшие потребности в ней рынка подтверждаются попытками изготовления фальшивых монет. В Ташкенте, в Бешагачской части найдена утварь фальшивомонетчика, спрятанная в его мастерской³.

О возрождении города с конца XIII в. можно судить и по письменным источникам. Так, побывавший несколько раз в Ташкенте в конце XIII в. Джамаль Карши сообщает, что это город надежного

---

¹ Бартольд В. В. Сыр-Дарья // Соч. Т. III. М., 1965. С. 222—230; Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 110—124.

² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М., 1972. С. 64.

³ Массон М. Е. Клад утвари фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1933. С. 6.

благополучия, с вкусной водой, умеренным климатом, плодородной землей, с разросшимися пригородами⁴. Закария ал-Казвини добавляет, что Шаш—чистый и превосходный город, покрытый зеленью, очень красивый и приятный. Источники подчеркивают изобилие в нем роз и других цветов⁵.

Иными словами, город был хорошо обеспечен водой и застроен домами с садами. Сообщается о делении его на кварталы, в каждом из которых было по 50—70 домов; в кварталах действовало много мечетей.

Итак, к началу XIV в. Ташкент восстановил свой людской потенциал. Город был окружен селениями (Куи Арифон и др.), составлявшими его округу. В одном из селений находился мавзолей знаменитого шейха, распространителя шафиитского толка ислама в Шаше, уроженца Шаша Абу-Бакра ал-Каффаль аш-Шаши⁶.

К тому времени бывший улус Чигатая, охваченный острым политическим кризисом⁷, распался на два ханата, соперничавших друг с другом.

Восточная часть, с центром на р. Или, — Моголистан — оставалась верной монгольской кочевой традиции и управлялась ханами-Чингизидами. В другой части — Мавераннахре, где власть амиров, представителей тюрко-монгольских родов ("караунас") сменила чингизидскую линию, правители благоприветствовали развитию оседлости, городов и исламизации населения.

Сырдарьинские земли с их городами стали буферной зоной, где постоянно сталкивались интересы двух ханатов и проходили их войска, совершавшие набеги друг на друга. Граница между ними, наконец, установилась примерно на линии Яссы (Туркестан), однако ханы Моголистана неоднократно вторгались в центральные районы Средней Азии, а правители Мавераннахра посягали на земли Моголистана. В этих столкновениях впервые заявил о себе Темур Барлас, поступивший вначале на службу к моголистанскому хану Туглук-Темуру, который помог ему получить власть в его родном тумане Шахрисабзе. Перейдя затем на сторону караунасов, Темур вместе с амиром Хусейном выступил против моголистанского хана. После битвы под Ташкентом (1365 г.) Ташкент в ряду других сырдарьинских городов вошел в орбиту пристального внимания Амира Темура.

Постепенно став правителем всего Мавераннахра, Темур распространил свою власть на южные пограничные районы Моголистана, и сырдарьинские города стали его опорными пунктами в действиях против кипчакской степи и Моголистана. Амир Темур неоднократно бывал в Ташкенте во время походов на Моголистан в 1361, 1363—1364, 1365, 1370, 1375, 1389 и в 1390—1391 гг., во время операции против

---

⁴ Извлечение из "Мушхакат ал-сурах" Джамала Карши // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. С. 124.

⁵ Саидов А. Сведения Джамала Карши о Фергане и Шаше // Позднефеодалный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 32—33.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Aubin Jean. Khanat de Cagatai et le Khorassan (1334—1380) // Turcica: Revue d'études turques. T. VIII/2. Paris—Strasbourg, 1976. P. 17.

кипчаков⁸. В 1396 г. Амир Темура посетил Ташкент, выехав навстречу своей невесте Туккель-ханым, дочери моголистанского хана Хизр-Ходжи, браком с которой закрепились переговоры с Моголистаном. В 1397 г. Амир Темура проследовал через Ташкент в Яссы-Туркестан для личного участия в закладке мемориального комплекса зданий в честь суфия ходжи Ахмада Яссави.

Последний раз Темура был в Ташкенте в 1404 г. Перед этим он раздал северо-восточные уделы своей огромной империи малолетним внукам, сыновьям Шахруха. Сырдарьинские города и Моголистан образовали отдельное наместничество с центром в Ташкенте, во главе которого был поставлен девятилетний Улугбек⁹.

Таким образом, в политике Темура сырдарьинской цепочке городов была предназначена роль укрепленных форпостов на границе империи, где можно было надежно расквартировать войска, прокормить солдат и лошадей. Особое внимание поэтому уделялось поддержанию здесь земледельческого хозяйства, восстановлению или перестройке оборонительных стен городов и постройке дополнительных крепостей. Наследнику престола Мухаммад Султану было предписано укреплять пограничные пункты на северо-востоке: Шахрухию, Ташкент, Сайрам и др. Была построена также крепость на Ашпаре, в восточной части сырдарьинской зоны¹⁰. После смерти Темура в начале 1405 г. в Отраре, когда темуридские царевицы решали между собой вопрос о власти, сырдарьинские города захватили моголистанцы, и Халиль Султану пришлось приложить в 1406 г. немало усилий, чтобы вернуть себе Ташкент.

Впоследствии Ташкент отошел к мавераннахрскому наследству и подчинялся Улугбеку, который должен был постоянно держать под контролем изменчивую ситуацию на Сырдарье. С его действиями (1416, 1417, 1425 гг.) против натиска степных племен Дешти-Кипчака и Моголистана, когда войска частенько собирались в Ташкенте, связаны основные успехи Улугбека.

Во второй половине XV в. Ташкент переходил из рук в руки: ненадолго был захвачен ханом кочевых узбеков Абулхайром (1428—1468), затем подчинялся различным региональным тимуридским правителям и, наконец, был передан во власть Юнус-хана Моголистанского. Чигатайские ханы Моголистана правили им до прихода из Дешти-Кипчака кочевников-узбеков во главе с Шайбани-ханом¹¹.

Что же представлял собой Ташкент, оказавшийся в водовороте политических событий во второй половине XIV—XV вв.?

Скучные сведения письменных источников, результаты археологических работ внутри современной столицы Узбекистана, а также топонимические исследования позволяют в общих чертах воссоздать облик этого важного стратегического пункта-крепости на границе со степью, крупного ремесленного и торгового центра.

⁸ Хавафи Фасих. Муджмал-и Фасихи. Ташкент, 1980. С. 113, 114.

⁹ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 70.

¹⁰ Бартольд В. В. Тимур и Тимуриды // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 160.

¹¹ Бабур-наме: Записки Бабур. Ташкент, 1958. С. 16.

Авторы всех эпох, начиная с X по XIX в., будь то Ибн Хаукаль (X в.), Джамаль Карши и Закария ал-Казвини (начало XIV в.), Зайнаддин Васифи (XVI в.), Нур-Мухаммад (1735 г.), Т.Бурнашев и М.Поспелов (1800 г.) или Юджин Скайлер (1873 г.), единодушны в описании обильного снабжения города водой. Причем в одних и тех же выражениях описывается система его двух каналов и подчеркивается, что они проходят через город и вода поступает в каждый двор. Отмечено изобилие садов, в результате чего воздух в городе чистый, а климат здоровый.

В XIV в. в городе были проведены большие перепланировочные работы, совершенно изменившие его облик. Центральная часть сложилась на руинах Бинкета — Ташкента XI—XII вв., превзойдя его размерами. Стены шахристана домонгольского города в виде глиняных валов местами послужили подиумом для ряда общественных зданий XV—XVI вв. (медресе и мечеть Ходжи Ахрара, затем медресе Кукельдаш). Большая же часть вала была перекрыта домохозяйствами горожан, о чем свидетельствуют пробившие его ретирадные колодцы — бадрабы XV—XVI вв.

Густо застроенный в темуридское время шахристан возвышался над общей панорамой города, но новая городская стена охватывала уже большее пространство. Цитадель, надо полагать, оставалась на старом месте, к северу от бывшего шахристана (Иски Джува XIX в.), где при археологических работах обнаружено большое количество материалов того времени.

Канал Джангоб, древнее русло которого обнаружено к востоку от Иски Джува, был восстановлен и по-прежнему, видимо, служил также рвом, отделяя цитадель от территории собственно города и вынося свои воды на площадь, расположенную к западу от цитадели. Наличие ее в темуридское время зафиксировано при наблюдениях за строительством современного крытого рынка. Судя по тому, что одни из ворот города в XVI в. назывались Регистанскими, сама центральная площадь, подобно другим городам (Бухаре, Самарканду), носила название Регистан. По данным археологии, она существовала на этом месте с конца IX в. и тогда на ней был вырыт водоем — хауз, облицованный булыжным камнем¹². На протяжении веков площадь Регистан фокусировала всю городскую жизнь, от нее разбежались к городским воротам основные улицы, на ней же располагался главный базар. Эта преобладающая сохранилась вплоть до XX в., и сейчас площадь не потеряла своего традиционного значения. На нее выходили лавки и мастерские ремесленников, далее теснились дома горожан. Хауз в XIV—XV вв. уже не функционировал и был засыпан, но через площадь проходил восстановленный в это время арык, который в XIX в. назывался Регистан-арык.

Укрепленный по приказу Темура наряду с другими сырдарьинскими городами Ташкент обладал мощной стеной, способной выдержать долгую осаду, как об этом свидетельствует эпизод взятия

---

¹² Ф и л а н о в и ч М. И. Материалы к исторической топографии средневекового Ташкента // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990. С.41, 42.

города Халиль-Султаном в 1406 г. Ворота в стене, по преданию, назывались по имени тех улусов и племен, отряды которых их охраняли¹³, отзвуком чего служит название одних из ворот — "Чигатайские". В старгородской части Ташкента остатков этой стены не сохранилось, однако трасса ее приблизительно восстанавливается по данным археологических зондажей, рельефа местности и топонимики. Зондажи выявили зону компактного распространения археологического материала XV—XVI вв., т.е. обжитую площадь примерно в 100—120 га. Ее границы намечаются на востоке в 200 м от холма шахристана домонгольского города, на западе — вдоль Джарарыка, на юге — по берегу арыка Чукур-куприк. Их каньоны и служили, видимо, крепостным рвом.

Во всех четырех даха города XIX в. (Сибзар, Кукча, Шейхантаур, Бепагач) есть топоним "Чакар", соответствующий границе обжитой территории в XV—XVI вв., что также указывает на вероятную трассу прохождения здесь стены.

Окраинные районы "старого города" изобилуют такими названиями, как Алмазар, Урикзар, Кадуват, Тупкайрагач, Каттабаг, Хиябан, Арпа, Кыркбирбаг, Джартегерман, указывающими на их пригородное расположение до возведения стены XVIII—XIX вв. Они были пригородами в XV—XVI вв., последующее превращение которых в городские кварталы можно наблюдать по таким названиям, как Янгимахалля, Дарваза Янгишахар, Шатак и др.

Стена темуридского города служила ему и в последующее столетие: Хафизи Таныш упоминает названия некоторых из ее ворот — Паркентские, Самаркандские, Кукчинские, Шавли, а также Регистанские¹⁴.

Судить о фортификационных качествах внешнего укрепления Ташкента и его конструкции можно, привлекая результаты раскопок стен Шахрухий конца XIV—XV в., относящихся к одному циклу строительства и ныне хорошо изученных. Это — стена с полукруглыми выступающими наружу башнями, сочетающаяся со рвом у подошвы. Внутренность башен включала боевую часть с бойницами и помещение для отдыха воинов¹⁵.

Итак, темуридский Ташкент состоял из цитадели, обнесенного стеной шахристана и пригородов.

В шахристане, помимо тесной застройки жилыми домами, можно назвать следующие градообразующие элементы: главную базарную площадь, Регистан, общественные культовые (мечети, медресе) и светские (караван-сарай, бани) постройки.

Значительное строительство в городе связано с именем шейха Ходжи Ахрара, принадлежавшего к суфийскому ордену Накшбандия и сыгравшего заметную роль в политической жизни своего времени. В окрестностях Ташкента он владел многими землями, а в городе —

¹³ М а е в Н. А. Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Ташкент, 1876. С. 112.

¹⁴ Б а р т о л ь д В. В. Сыр-Дарья. С. 220.

¹⁵ Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990. С. 90—93.

лавками, и вообще был очень богат. Кроме городской соборной мечети, ему приписываются также строительство еще двух мечетей, двух медресе и моста в махале Кунчилик в Кукчинской части. Постройки эти не сохранились, последнее медресе (1451 г.) разобрано в 50-х годах XX в.¹⁰

Важнейшее место в жизни города принадлежало ремесленному производству, удовлетворявшему внутригородские нужды, а в основном поставлявшему товары для торговли с кочевниками степи.

Городские ремесленники перерабатывали сырье недр Шапских гор, богатых железом, серебром, свинцом, бирюзой. О богатстве золотом, серебром, ртутью, железом, медью этих гор, расположенных между Туркестаном и Моголистаном, свидетельствует Хафиз-и Абру в XIV в.¹⁷ Веком позже Зайнадин Васифи замечает, что рудники железа и бирюзы продолжали разрабатываться¹⁸.

В городе перерабатывались продукты животноводческого хозяйства (кожи, шерсть, кость и пр.). Ремесленники традиционно селились и располагались на базарах по профессиям, что и отразилось в названиях махала города XIX в.: Дегриз (литейщики), Мискарлик (медники), Парчабаф (ткачи парчи), Игарчи (седельщики), Чархчи (точильщики), Темирчилик (кузнецы), Заргарлик (ювелиры) и др.

Письменные источники дополняют этот перечень — из Ташкента традиционно вывозили "чачские луки", колчаны для стрел, седла из шагреновой кожи, ткани из шерсти и хлопка, шелка, одежды, ковры, войлочные изделия, юрты и пр.

Остатки мастерских и продукция ремесленников XV—XVI вв. изучены археологами в основном в центральной, западной и южной частях города. Здесь жили керамисты и кирпичники, стеклодувы и медники, изготовители облицовочных изразцов для декора архитектурных сооружений. В западном пригороде на Джарарыке традиционно с X в. работали кожевники. Расположившаяся здесь махала и в XIX в. носила название Кунчилик.

Массовая продукция городского ремесла — керамическая посуда с широким ассортиментом форм: чаши-каса, блюда-ляганы, тарелочки, пиалы, горшки, крышки, подсвечники-шомдоны. Весь комплекс глазурированной столовой посуды резко отличался от керамики предшествующего, монгольского периода. Он относится к новому направлению выделки и украшения посуды, установившемуся во всех ведущих керамических центрах Средней Азии со второй половины XIV в. Зарождение его обычно связывается со столицей империи Амира Темура Самаркандом. Появление новых форм орнаментики, т.е. синей кобальтовой росписи и голубой прозрачной поливы, введение новых приемов технологии и вообще повсеместное распространение нового

---

¹⁰ Булатова В., Маньковская Л. Памятники зодчества Ташкента XIV—XIX веков. Ташкент, 1983. С. 47.

¹⁷ Извлечение из "Географии" Хафиз-и Абру // Материалы по истории Средней и Центральной Азии... С. 143.

¹⁸ Зайнадин Васифи. Бада'и ал-вакан. Т.П. М., 1961. С. 1332.

стиля находятся в связи со сложением обширной империи Темура, в рамках которой такое единство оказалось возможным¹⁹.

Посуда, выполненная в стиле кобальтовой росписи в подражание китайскому фарфору династии Мин, проникшему в Мавераннахр при Темуре и вошедшему в моду в придворной среде, дает прекрасные образцы этого стиля в Самарканде. Подражание столичным образцам распространилось на периферии. Китайское заимствование четко проступает в продукции ташкентских керамистов: узнаваемы такие элементы, как "бегунок", лотос, волна, облака и особенно зооморфные мотивы в пейзажном оформлении — плавающие уточки, цапли, журавль на взлете. Птицы переданы реалистично, тонко, но встречается и грубое исполнение, что отражает определенный провинциализм.

Особенности орнаментации и колорита, присущие ташкентской посуде, роднят ее с продукцией ремесленников других сырдарьинских городов (Отрара, Сайрама, Саурана, Яссы-Туркестана). Таким образом, выделяется особая зона производства, где существовала единая школа гончарства.

Кроме изделий местных ремесленников, город наводнялся товарами, вывезенными купцами из других стран: Китая, Ирана, Индии — и следовавшими далее на рынок Золотой Орды, где велась оживленная торговля.

В XIV в. действовал торговый путь, шедший от золотоордынской столицы Сарая через Усть-Урт на Ургенч, Отрар, Ташкент, Алмалык и далее в Китай. Ответвления от него шли от Ургенча на Бухару, Самарканд, Амуль и Хорасан. От Отрара по левому берегу Сыдарьи шел путь к Шашу и Хорезму.

С XV в., начинает приобретать приоритетное значение караванная дорога, идущая от Ташкента на Чардару, затем по левому берегу Сырдарьи, далее после переправы у Аккурмана, через Сауран в Яссы-Туркестан.

В обширном пригороде темуридского Ташкента среди усадеб, садов и пашен также располагались пункты ремесленного производства, базары и караван-сарай. Кроме того, он примечателен несколькими мемориалами, сложившимися вокруг почитаемых святынь и в старых селениях.

Так, к северу от городской стены в довольно пустынной местности располагался мавзолей Абу-Бакра Мухаммада Каффаль Шаши, богослова X в., упомянутый еще в конце XIII в. Джамалем Карши. Он оставался одной из наиболее чтимых святынь. Мавзолей сохранился сейчас в перестройке XVI в. С конца XIII в. и в XIV в. в Мавераннахре и Туркестане вообще усиливаются суфизм и культ святых. Во многих сферах суфии вытесняют улемов суннизма. Среди кочевников-тюрок и монголов был особенно популярен орден бродячих дервишей — Яссавийя, восходящий к Ахмаду Яссави (XII в.). В Мавераннахре растет популярность ордена Накшбандия и его основателя Баха-уд-дина Накшбанди (ум. в 1389 г.). Амир Темур, как и чигатайские правители

---

¹⁹ Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ: Археология Средней Азии. Нов.серия. Вып. XI. Ташкент, 1950. С. 116.

до него, покровительствовал святым шейхам и суфиям и санкционировал строительство мемориальных зданий — мавзолеев, поминальных мечетей, вызванных к жизни развитием суфизма. Его деятельность на этом поприще оставила заметный след в Ташкенте.

Так, в западной части пригорода Ташкента, у селения Арифон, вошедшего затем в рабад позднесредневекового города под названием Куи Арифон (квартал мудрых), почиталось святое место, связанное с именем Зайнуddина бобо (первая половина XIII в.), основателя религиозной школы, к которой позже принадлежал духовник Темура и его отца Тарагая — Шамс-ад-дин Куляль. По преданию, шейх жил в чилля-хане, сохранившейся до сего времени. По распоряжению Темура, небольшой чартак над его могилой был превращен в конце XIV в. в мавзолей.

Как известно, Темур лично ездил на закладку мавзолея Ходжи Яссави в Туркестан. В Ташкенте же, в одном из селений к югу от города, был построен (по преданию, по распоряжению самого Темура) мавзолей у почитаемого захоронения шейха Занги-ата (XIII в.), бывшего мюридом Ходжи Ахмада Яссави. Занги-ата считался покровителем пастухов и исцелителем больных.

Еще один мемориальный комплекс начал складываться в восточном пригороде Ташкента под покровительством шейха Ходжа Ахрара у могилы его родственника, Шейха Хавенди Таххура (ум. в 1355г.). Сначала был построен мавзолей шейха. В XV в. комплекс пополнился мавзолеем Калдыргач-бия, также предка Ходжи Ахрара, и завершился в конце XV в. возведением мемориального здания в честь моголистанского правителя, владевшего Ташкентом, Юнус-хана.

Архитектурно-строительная школа Ташкента не отличалась блеском столичного самаркандского зодчества, хотя, по мнению специалистов, развивалась в общем русле среднеазиатских традиций со своеобразной их трактовкой²⁰. Планировочные и инженерные решения построек отвечали лучшим достижениям творческой мысли эпохи Темуридов (например, мавзолей Ходжа Ахмада Яссави).

В темуридское время селения в округе Ташкента не только снискали славу святых мест. Многие из них, как можно судить по данным археологии, превращались в мощные крепости, рассчитанные на пребывание значительных контингентов войск. Это — ряд пунктов к северу от города вдоль торговой дороги в степь и на окраине оазиса (Бузгонтёпа, Норазтёпа, Аката и др.).

Эпоха Темура и Темуридов была временем расцвета культуры во всех ее проявлениях. При дворах многих темуридских принцев складывалась литературно-художественная среда, работали крупнейшие ученые Востока. Ташкент, несмотря на свое окраинное расположение, также внес свою лепту в общий подъем культуры, науки и литературного творчества. Известен, например, Абу Сулейман ал-Бенакети, поэт и

---

²⁰ История Ташкента. Раздел "Архитектура" / Авт. Л. Ю. Маньковская. Ташкент, 1988. С. 58, 59.

крупный историк XIII— начала XIV в., оставивший труд "Тарих-и Бенакети", посвященный описанию истории стран мира²¹.

В Ташкенте в XIV в. жил и работал уроженец Шаша, ученый и каллиграф Джамшид Шаши. Отсюда происходил знаменитый ученый XV в. Хамиддин Ташканди — философ, филолог, поэт, составивший комментарии к трудам многих ученых, в том числе посвященным грамматике арабского языка. Уроженцем Шаша был один из известных поэтов Востока конца XIII в. Бедриддин Чачи.

В темуридскую эпоху в Ташкенте складывается своя интеллектуальная среда. С ташкентскими поэтами и художниками в тесных дружеских отношениях находился крупнейший поэт XV в. Джами, посещавший в свое время Ташкент²².

Традиции творческой среды Ташкента развивались и в последующую эпоху, когда здесь сложился литературный кружок при дворе первых шейбанидских султанов и сюда приехал, обретая в Ташкенте вторую родину, поэт, сатирик и философ конца XVI в. Зайнаддин Васифи, оставивший нам хвалебные стихи о Ташкенте и ценные исторические записки.

Такова, вкратце, общая характеристика Ташкента XIV — XV вв., свидетельствующая о том, что во времена Амира Темура и Темуридов это был один из важнейших городских центров и опорных пунктов на северо-восточных границах их державы.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ШАХРУХИЯ — ОПЛОТ АМИРА ТЕМУРА НА ВОСТОКЕ

Выдвинувшись на политическую арену в период раздробленности и междоусобиц в Чигатаевом улусе, разделившемся на 15—18 враждовавших между собой уделов, Амир Темур придавал огромное значение всемерной централизации и укреплению своего государства, восстановлению городов как опорных военных пунктов, центров ремесла и торговли, науки и культуры.

Не случайно, придя к власти в 771 (1369/70) г. х., Амир Темур сразу же укрепляет свою столицу. Согласно "Зафар-наме", он в том же году приказал построить кал'а — цитадель, хисар — стены города, а также "высокие здания и золоченые замки". При этом отдельные участки города он распределил между амирами, а общее руководство возложил на амира Акбука. И в течение короткого времени, по Хафизи Абру, постройка была доведена до конца.

Развернув строительство во многих городах страны, Амир Темур обратил особое внимание на восточные районы своей державы, которые были его опорой и оплотом.

В те времена бассейн Яксарта (Сырдарья) и степные районы заселяли в основном кочевые роды монголов. С одной стороны, они

²¹ Чехович О. Д. Рукопись "Тарих-и Бенакети" из библиотеки хивинских ханов // Бюллетень АН Уз. 1947. №10. С. 30 и след.

²² История Ташкента. С. 53—56.

были необходимы как важная часть войска, а с другой, — все время надо было пресекать их своеволие. Осуществляя соответствующие меры, Амир Темур вместе с тем возводит в восточных районах своей державы культовые памятники, посвященные духовным наставникам — пирам кочевых племен. В их числе — монументальный мавзолей-ханака Ходжа Ахмеда Яссеви в Туркестане, мавзолеем над могилой его последователя — Занги Ата и его жены Камбарбиби, под Ташкентом.

Но основное внимание уделялось обороне восточных пределов. Так, по линии Яксарта восстанавливается (но на новом месте) бывшая столица Северной Ферганы Ахсикет, дополнительно укрепляются Ташкент, Отрар.

Большое значение придавалось восстановлению и фортификации одного из важных городских пунктов Средней Сырдарьи — Бенакета — Шахрухии (стационарное исследование которого ведет специальный отряд Института археологии АН РУз).

Как известно, во время одного из восточных походов Амир Темур обратил внимание на выгодное стратегическое положение пункта у переправы через могучий Сейхун. Шарафаддин Али Йазди сообщает: "Прежде (город) назывался Фанакетом (Бенакетом) и был так разрушен Чингиз-ханом, что в нем не осталось следов стен до года Обезьяны, соответствующего 797 г. (1391--1392 г.), когда его величество сохибкиран отдал приказ о его застройке. Уполномоченные согласно приказу отстроили его, возвели вокруг него неприступную крепость и переселили туда всех жителей его окрестностей. Поскольку царственная благосклонность изволила назначить его могущественнейшему царевичу Шахруху, она пожелала назвать его Шахрухией".

Исследования показали, что мощная фортификационная система охватывала город с трех сторон, кроме южной. И сегодня древняя крепостная стена возвышается над оплывшим рвом местами на 25—30 м, а толщина ее у основания достигает 15—18 м. Эта сложная система фортификации создавалась строителями, тонко понимавшими и умело использовавшими прилегающий рельеф, который включал глубокие овраги и лабиринты каньонов, затруднявших доступ неприятеля к крепости. По своей технике и приемам строительства эти стены характерны для других городов эпохи Амира Темура: Шахрисабза, Андижана, да и самой столицы его державы — Самарканды. Внутренний фас стены отвесный, наружный — с небольшим наклоном и утолщением к основанию.

Раскопки подтвердили информацию Али Йазди о том, что крепостные стены возведены на руинах городских домов, разрушенных Чингиз-ханом. При расчистках северного участка фортификационной системы выяснилось, что в тело стены были включены остатки разрушенного в прошлом дома с двумя уровнями полов, выстланных жженым кирпичом XI—XII вв., и коммунальная система в виде водоотливного колодца, перекрытого перевернутым хумом с пробитым дном. На дне колодца найдены фрагменты сосуда начала XIII в. А один участок стены перекрыл разрозненные мужские захоронения, включавшие и вооруженных воинов, и мирных жителей Бенакета, вероятно погибших во время схватки с монголами.

Крупными узлами фортификационной системы города были сторожевые башни, которые выступали за пределы стен на 4,5 м, грозно нависая над рвами. Только в округлом кольце "подковы" мы насчитали более 25 башен. Все они оказались двухъярусными. Нижний ярус перекрывался настилом из бревен, концы которых веером расходились наружу, словно пики. Это был важный технический прием. Во-первых, он препятствовал плотному подводу противником стенобитных машин. Кроме того, он играл, как мы отметим ниже, еще одну важную роль при введении в действие дополнительных оборонительных средств.

Внутри нижнего яруса скрывалась камера-склад. В ней хранились запасы каменных ядер и другого оружия. В одном помещении мы нашли 236 булыжников, аккуратно сложенных в одном из углов. Настоящим боевым помещением был второй ярус, выступающий за пределы стены в виде полуцилиндра или конуса. Отсюда велось непрерывное наблюдение за округой, а во время обороны это было ядро, защищавшее участки стен. Въезд в город-крепость защищали два мощных бастиона, стены которых сложены из пахсы и сырого кирпича, а внутри имелись небольшие помещения для отдыха воинов. Полы в них вымощены жженым кирпичом, вдоль стен — очаги, обломки столовой посуды, котлы, т. е. явные признаки того, что стража находилась здесь постоянно.

Изучая оборонительную систему Шахрухии, мы обратили внимание на то, что отдельные участки ее при общем единстве различаются формами и размерами башен, особенностями строительных приемов и материалов. Удивляет и скорость строительных работ такой могучей системы, возведенной как бы на одном дыхании. Тут нам вспоминается новаторский метод строительства, впервые примененный Амиром Темуром в Самарканде. При возведении стен столицы он разделил их на отдельные участки, которые назывались сари-кор. Строительство велось одновременно на нескольких участках, ответственность за которые поручалась отдельным бекам. Общее же руководство работами возлагалось на одного или двух более крупных военачальников. Этот метод значительно ускорял строительство, так как между беками происходило своеобразное соревнование: быстрота строительства, равно как и качество его, щедро поощрялась.

Современник Темура, описывая аналогичный прием при сооружении мечети Самарканда, отмечал: "...Удивительно, что его (Амира Темура) высокий ум дошел до некоторых вещей, которые не приходили в голову мастерам-строителям". Конечно, башни Шахрухии сохранились до наших дней не полностью; многочисленные ремонтные закладки свидетельствуют о том, что им приходилось не раз сдерживать штурмы неприятельских войск. Представить же их первоначальный вид помогают средневековые миниатюры, иллюстрирующие сцены осады и обороны крепостей, и некоторые документы летописцев.

Сохранилось, например, описание подготовки к защите Самарканда в 1454 г., когда на город двинулось из Хорасана войско Абул Касыма Бабура. Тогда под нажимом жителей города Темурид Абу Саид, по словам историка Абдураззака Самарканди, приказал, чтобы каждую башню заняли три человека — опытный воин и два помощника. Кроме стрел и ядер, было приказано заготовить в каждой из них хум с водой,

сосуд с маслом и запас дров, дабы во время штурма лить кипятком и раскаленное масло на головы атакующих. Вдоль стен были подвязаны на веревках бревна, чтобы в случае необходимости их можно было поднимать и опускать, сбивая штурмовые лестницы и нападающих. Абу Саид приказал также повесить войлочные кошмы, чтобы в них застревали стрелы противника, а затем их могли бы вторично использовать оборонявшиеся. У каждой башни стоял даруга, следивший за действием воинов. "С вечера и до утра у каждой башни горел костер, а внутри башни — светильники, и клич: "Будь наготове!" поднимался к самым небесам ..."

Есть описание и обороны Герата в том же 1454 г. Там, в частности, детально рассказано о специальных подвесных сундуках над башнями, в которых могли поместиться 5—6 воинов. В опасные моменты такие сундуки выдвигались над башнями вперед на 1—2 гяза. Они имели бойницы по бокам для бокового обстрела. В днищах же можно было сдвинуть доски и обстреливать или забрасывать камнями штурмующих прямо сверху. Ящики эти закреплялись на выступах башен. Вот каково было назначение балок, выступавших, как отмечено выше, и из башен Шахрухии.

Напомним, что в 1397 г., ожидая новую невесту из Монголии Тукель Хатун, Темур не только проводит на востоке страны свадебные торжества, демонстрирующие его богатство и могущество, но и назначает своего внука и преемника Мухаммад Султана правителем восточных земель, дав ему указание укреплять крепости вплоть до Моголистана, что отвечало его политическим замыслам на востоке. Это Ашпара и крепости восточнее ее, вплоть до Исык-Куля, в гарнизоны которых были направлены войска из Ирана, Азербайджана, Индии, чигатайских туманов.

Как известно, в 1399 г. Темур двинулся на Египет и Турцию. Успешные действия на западных границах позволили ему обратить свое внимание на восток. Сосредоточенные там к концу 1404 г. войска насчитывали, по одним данным, 200 тыс., а по другим, вместе с подсобными силами, — до 800 тыс. человек. Готовились базы, проводники и продовольствие; в движение была приведена буквально вся страна. Однако зима 1404/5 г. оказалась на редкость суровой. По словам Ибн Арабшаха, много животных и людей погибли. Когда войска дошли до Отрара, разведчики доложили, что далее дорога непроходима. Армия была остановлена и разместилась на зимовку широкой полосой вдоль Сырдарьи, от Шахрухии на юге до Отрара и Туркестана на севере. И хотя дальнейшего развития эти события не получили в связи со смертью Темура, все это ярко свидетельствует о том, какое значение он придавал восточным землям и сколь важное место занимали в этой политике Восточный Мавераннахр и его города, в том числе город-крепость Шахрухия.

Фортификация Шахрухии не случайно отвечала высоким канонам оборонительной техники той эпохи. Амир Темур как выдающийся полководец хорошо понимал всю значимость создания стратегических пунктов на Сейхуне для обеспечения безопасности и целостности своей державы.

К ИСТОРИИ ШАХРИСАБЗА ЭПОХИ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Шахрисабз — один из красивейших городов Узбекистана, где сохранились шедевры средневекового архитектурного зодчества, — вызывает у нас сегодня повышенный интерес, поскольку этот старинный город тесно связан с биографией Амира Темура.

Самые ранние достоверные сведения непосредственно о Шахрисабзе, который турки называли "Кеш" (Низам-ад-дин, XV в.), заключены в "Дневнике" Руи Гонсалеса де Клавихо¹. Некоторые данные о Шахрисабзе приводят историк Амира Темура Шереф-ад-дин, а также Хафиз Абру². Подробная история его изучения после 1870 г. дана М. Е. Массоном, который исследовал Шахрисабз в 1942 г. в историко-археологическом и историко-архитектурном отношении³.

Вслед за ним в 1948 г. Шахрисабз изучался с этнографической точки зрения О. А. Сухаревой⁴. Дальнейшие исследования там были связаны с изучением отдельных архитектурных памятников. К ним относятся работы В. А. Левиной-Булатовой в мавзолее Джахангира, С. К. Кабанова — на территории дворца Аксарай, Я. Г. Гулямова и И. Ахрарова — по вскрытию мавзолея на яккобагском перекрестке дорог⁵.

С 1963 по 1967 г. работы в Шахрисабзе велись кафедрой археологии Средней Азии института ТашГУ по линии Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) под руководством проф. М. Е. Массона⁶. Затем исследования города были возобновлены кафедрой в 1982 г. в целях его археолого-исторического изучения.

С 1973 по 1989 г. параллельно с исследованиями кафедры археологическим изучением архитектурных памятников Шахрисабза занимался Узбекский научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт консервации и реставрации памятников культуры и археологии (УЗНИПИР)⁷.

¹ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406). М., 1990. С. 102.

² Бартольд В. В. Хафиз-Абру и его сочинение // Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 74—94.

³ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке // Труды САГУ. Вып. XLIX. Кн. 6. Ташкент, 1953.

⁴ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 128—146.

⁵ Кабанов С. К. Руины дворца Ак-Сарай в Шахрисабзе // Труды Института истории и археологии: Материалы по археологии Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1948. С. 3—47; Гулямов Я. Г., Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккобаге // ОНУ. 1969. № 8—9. С. 26—30.

⁶ Усманова З. И. Кафедре археологии ТашГУ 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990. С. 11.

⁷ Султанов Х. Т. К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV—XV вв. (По археологическим данным): Автореф. канд. дис. Самарканд, 1990.

В 1989 г. кафедрой археологии ТашГУ был заключен хоздоговор с Горисполкомом Шахрисабза на предмет написания истории города на основе накопленного археологического материала и установления его возраста. Сотрудниками кафедры была подготовлена и опубликована в издательстве ТашГУ коллективная монография (весь тираж которой вывезен заказчиком в Шахрисабз)⁸. В первой части монографии изложены материалы археологического изучения Шахрисабза и памятников его округа, во второй — описаны архитектурные памятники и история города в свете новых данных.

Здесь мы вкратце остановимся на результатах археологического исследования Шахрисабза, позволяющих представить развитие его исторической топографии.

Прежде всего изучению подвергались крепостные сооружения Шахрисабза на всех четырех фасах и выявлено их устройство⁹. Стены охватывают площадь 1,5 x 1,5 км, прямоугольник вытянут с севера на юг. По периметру стен сохранилось около 70 полукруглых башен-бурдж, на расстоянии 50 м друг от друга. Местами на гребне стен видны следы поздних ремонтов ХУП—ХІХ вв. с использованием кувалаков, пахсы, сырца. Первоначальные стены и башни сложены из хорошей слоистой пахсы толщиной 7—11 м. Расчищенная башня на западном фасае выступает за линию стены на 4 м и имеет высоту 13 м. В башне был проход с лестницей на верхнюю площадку, где располагалось внутрибашенное помещение. В этом месте толщина крепостной стены равна 4 м¹⁰.

На всех фасах в основании стен были заложены шурфы. Они показали несостоятельность версии о том, что стены Шахрисабза были построены на месте старых оплывших стен средневекового Кеша, поскольку более древних стен в пределах Шахрисабза не обнаружено. Глинобитные стены возводились на незначительном культурном слое с материалом XI—XII вв., ниже которого всюду идет материк (земля с ракушками). По данным же письменных источников проф. М. Е. Массоном установлено, что возведение стен Шахрисабза относится к 1378/79 г., чему не противоречит находка медной джучидской монеты Хайр Пулата 1361/62 г., выпущенная в Новом Сарае. Она найдена на глубине 10 м в основании слоистой пахсы¹¹.

Город имел четверо ворот: северные — Арка, восточные — Кунчикар, западные — Кушхона и южные — ворота Термеза.

Важным для выяснения исторической топографии города было установление наличия двух стен по южному фасау. Сохранившаяся к

---

⁸ Дресвянская Г. Я., Лунина С. Б., Султанов Х. Т., Усманова З. И. Шахрисабз. Ч. I, П.Ташкент, 1993 (10 п.л.).

⁹ Усманова З. И. Археологическое изучение Шахрисабза //Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 208—215.

¹⁰ Усманова З. И. Историческая топография Шахрисабза в свете новых данных//Археология Средней Азии: Сб. науч. тр. ТашГУ. № 533. Ташкент, 1977. С. 104—108.

¹¹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке. С. 32; Усманова З. И., Столярова Н. П. К стратиграфии средневекового Шахрисабза//Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Труды ТашГУ. Ташкент, 1987. С. 44.

1963 г. стена оказалась поздней (по устройству и строительному материалу); она возведена была в XVIII в. в 500 м севернее разрушенной и оплывшей первоначальной южной стены города Темура. Новые ворота стали называться Чарымгар — по кварталу кожевников¹². Теперь стало понятным, почему в письменных источниках упоминается два названия южных ворот Шахрисабза — "ворота Термеза" и "ворота Чарымгар". Это разновременные ворота двух разных южных крепостных стен города XIV и XVIII вв.

Шахрисабз и памятники его округа подвергнуты тщательному археологическому исследованию. В пределах стен темуридского города было заложено 26 стратиграфических шурфов, давших богатый материал по истории города с V по XIX в. Установлено, что до арабского завоевания на месте Шахрисабза было раннесредневековое поселение с центральным кешком, расположенным к северо-западу от Аксарая, с развитой фортификацией, остатками жилой и культовой архитектуры¹³. Холм высотой до 20 м носит два названия — Баландтепа и Зиндантепа.

В шурфе на одном из всхолмлений в центральной части Шахрисабза отмечен раннесредневековый культурный слой (более 2 м), давший на разных уровнях ряд монет чекана местного правителя Ахурпата и монеты, битые в подражание китайским (с квадратным отверстием). Среди медных монет выявлена одна серебряная согдийского чекана V—VI вв. Весь нумизматический материал из раскопок Шахрисабза определен Э. В. Ртвеладзе¹⁴. Слои с материалами VI — VIII вв. отмечены и в других шурфах, а в шурфе 8 (южнее Чорсу) под слоем XI—XII вв. найдена мастерская стеклодува VII—VIII вв, который изготовлял сосуды типа алабиков для химических реакций¹⁵.

Отмеченные на территории Шахрисабза мощные культурные напластования V—VIII вв. указывают на то, что здесь было довольно крупное поселение, одновременное со столичным городом Кеш, который, как доказал М. Е. Массон, находился на месте современного Китаба¹⁶. Этот район стал последним оплотом восстания 70-х годов VIII в. под руководством Муканны против арабских завоевателей. Багдадский халиф жестоко расправился с восставшими, после чего Кеш стал хиреть¹⁷. Как свидетельствуют арабские географы, в X в. Кеш уже находился в развалинах, и жители, переселившись на другое место, перенесли старое название на новый город¹⁸.

¹² У с м а н о в а З. И. Новые данные к истории Шахрисабза // Материалы по истории археологии Узбекистана. Научные труды ТашГУ. Вып. 441. Ташкент, 1973. С. 50.

¹³ У с м а н о в а З. И., Б а х ш и ц я н Э. Баландтепа в Шахрисабзе // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Сб. науч. тр. ТашГУ. Ташкент, 1988. С. 44—45.

¹⁴ Р т в е л а д з е Э. В. Монеты Кеша // Там же. С. 38—44.

¹⁵ Шахрисабз. Ч. I. Ташкент, 1993. С. 49.

¹⁶ М а с с о н М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 22; К р а ш е н и н и к о в а Н. И. Изучение цитадели Кеша // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 527.

¹⁸ М а с с о н М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области // Археология Средней Азии. Сб. науч. тр. ТашГУ. № 533. С. 21—28.

Учитывая наличие на территории Шахрисабза культурного слоя XI—XII вв., вполне допустимо предположить частичное переселение сюда жителей Кеша после X в. Однако новый Кеш находился вне Шахрисабза. По сообщению Ибн Хаукаля, город был заново отстроен на территории рабада бывшего города Кеша. Дворец правителя находился "вне шахристана и рабада, в местности, называемой Мусалля. Тюрьма и соборная мечеть расположены в разрушенном шахристане (т. е. в старом Кеше), а базары в рабаде"¹⁹.

Далее Ибн Хаукаль отмечает, что новый Кеш был цветущим городом, утопающим в садах, ибо и в рабаде, и в шахристане его было много проточной воды. Однако из этого сообщения Ибн Хаукаля остается неясным, в какой части рабада располагался восстановленный Кеш. Из текста явствует, что новый Кеш XI—XII вв. находился рядом со старым. Можно считать окончательно установленным, что в предмонгольское время Шахрисабз не был столичным городом области Кеш. Он был обычным средневековым поселением городского типа, но расположенным ближе всех других населенных пунктов к столичному Кешу.

При караханидах, в XI—XII вв., роль главного города в долине Кашкадарьи перешла к Несефу, в области Нахшеб, что привело г. Кеш в упадок²⁰. К началу XIII в. он уже, видимо, не представлял для монголов особого интереса как объект грабежа и наживы. Монголы не встретили в Кешском вилайете особого сопротивления и враждебности со стороны местного населения, что и определило их выбор для поселения на привольных пастбищах долины Кашкадарьи. Монголы не раз избирали область Нахшеб и Кеш в качестве своего местопребывания. Так, Чингиз-хан со своим войском все лето 1220 г., до похода на Балх, а затем суровую зиму 1220/21 г. провел в Нахшебе. Барак-хан, отправляясь в поход за Амударью, оставил в Кеше своего сына Бек-Темура.

Кешский вилайет окончательно был населен многочисленными барласами в середине XIII в. Постепенно они ассимилировались с местным населением и многие приняли ислам. С тех пор пройдет более 100 лет, прежде чем развернутся в Мавераннахре значительные политические события, которые приведут Амира Темура при поддержке барласов к власти.

Задолго до возвышения Амира Темура Шахрисабз становится ставкой, центром улуса барласов, во главе которых стоял дядя Темура Ходжи Барлас. И сам Темур дважды (в 1360 и 1361 гг.) назначался монгольским ханом Туглук Темуром правителем Кешского вилайета. В те годы в духовной жизни мусульман важную роль играли шейхи. В Шахрисабзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Куляль, который был духовным наставником Тарагая, отца Темура. Темур также симпатизировал шейху и пользовался расположением последнего, получая в своих деяниях благословение шейха²¹.

¹⁹ Бетгер Е. К. Извлечение из книги "Пути и страны" Абу-л-Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ: Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957. С. 19—20.

²⁰ Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времек. Ташкент, 1973. С. 38.

²¹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Темуре... С. 24, 53.

Впоследствии Темура многие свои успехи приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Куляля. Умер шейх в 1370 г. и его похоронили в Шахрисабзе, близ соборной мечети. Затем рядом с его мазаром возводится купольный мавзолей, куда в 1374 г. было перенесено тело Тарагая, а в 1389 г. здесь была похоронена одна из жен Темура. Археологически установлено, что мечеть Кок-Гумбаз построена при Улугбеке на месте раннего здания соборной мечети. Нельзя забывать о возможности наличия в комплексе Доруттилават остатков строений чигатайдского времени, упоминаемых в письменных источниках. На поверхности они не сохранились, но архитектурный декор от бывших зданий в виде майоликовых глазурованных изразцов, плиток с марганцевой поливой был встречен при расчистке забутовки строительным мусором юго-западной башни южного фаса стен Шахрисабза XVIII в.

К "зданиям чигатайдских султанов", о которых упоминает Мухаммад Бади Малихо, следует отнести мавзолеи, разбросанные по всей территории бывшего улуса барласов. Они строились для знатной прослойки рода барласов, которые были на службе и в окружении Темура; в основном это — военно-феодалная знать, начальники туманов, которые обеспечивали Темура достаточным количеством войск. В урочище Акъяр, под Шахрисабзом, был создан постоянный лагерь войск Темура, оставшийся там и при Улугбеке. Возвращаясь из дальних походов, Темура прежде всего останавливался в своем родном Кешском улусе — Шахрисабзе, где раздавал награды войску, предоставлял военачальникам и воинам возможность отдохнуть в их семьях. Отсюда же Темура уходил в свои дальние походы. Представителей рода барласов хоронили с почестями у себя на родине, о чем свидетельствуют открытые в последние годы богатые мавзолеи в округе Шахрисабза.

Богатый мемориальный комплекс XIV—XV вв. был открыт в сел. Сапарчи, в 17 км к северо-западу от Шахрисабза, на пути из Китаба и Шахрисабза на Чиракчи, Карши и Лянгар²². Из пяти мавзолеев сохранились только два. От первого (в плане — восьмигранник) остался квадратный склеп (3х3,2 м) высотой 1,5 м, перекрытый сводом "балхи". Здание выложено из жженого кирпича (23х23х4 см, 25х25х5 см). Над склепом пол и основание стен гурханы сохранили прекрасные панно наборной мозаики из расписных с позолотой майоликовых плиток, а также с рельефным геометрическим орнаментом.

Второй мавзолей состоял из двух помещений, ориентированных по линии запад—восток²³. Первое помещение (11х12 м) имеет крестообразно расположенные ниши в стенах толщиной 2 м (жженный кирпич размерами 24—25х25х4,5 см). Восточный фас оформлен порталом (3х4,5 м) с входной нишей. В западной стене проход с тремя ступеньками вел во второе помещение, пол которого выше уровня пола первого помещения на 70 см. Стены сохранились на высоту 50 см и облицованы изнутри глазурованными изразцами до самого пола, выложенного крупными глазурованными голубыми плитками (34х34х3 см, 36х36х3 см). На западной стене облицовка идет двумя горизонтальными полосами, сос-

²² Усманова З. И., Грошев А. Е. Мавзолей XIV — начала XV в. в округе Шахрисабза // Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. № 6. С. 10—12.

²³ Шахрисабз. Ч. I. С. 101—103.

тоящими из майоликовых плиток, имитирующих мозаичный набор прямоугольных плиток, образующих геометрический орнамент в виде крестообразной фигуры, набранной на голубом фоне белыми и синими плитками. Выше идет вторая полоса, окаймленная плитками марганцевого цвета; между ними располагался меандровый рисунок, в основе которого — свастика.

Во втором помещении (7 x 6,75 м) пол выложен глазурованными изразцами, под ним находился склеп (3 x 3 м), толщина стен — в один кирпич. Вход в склеп шел с северной стороны через коридор-дромос шириной 1,2 м и длиной 2,6 м. Свод склепа выложен в приеме "балхи" на ганчевом растворе из кирпича размерами 24x 24x 4 см. Если в первом склепе пол выложен из жженого кирпича, то во втором он земляной, с остатками трех захоронений, ориентированных головой на север. Черепа плохой сохранности. Один из них определен антропологом Т. К. Ходжайовым как череп мужчины около 40 лет, тип европеоидный, без монголоидных черт. Он близок черепу из раскопок в Китабе (VII в.) и принадлежит представителю местного согдийского населения Южного Согда. Внешний фасад здания гурханы сохранил майоликовую облицовку в основании стен.

Перед нами — мемориальное сооружение, состоявшее из гурханы и зиаратханы. Подобные мавзолеи с двумя купольными помещениями характерны для архитектуры Средней Азии XIV—XV вв.: Сейфеддина Бахорзи и Буян-Кули-хана в Бухаре; Аллаедина в Хиве; Наджм-ад-дин Кубра в Куня-Ургенче²⁴. Майоликовая облицовка также характерна для этого периода²⁵.

Мемориальный комплекс в Сапарчи не является единственным. Так, в 16 км от Шахрисабза, на Яккобагском перекрестке дорог, находился мавзолей, судя по надгробью, полководца Темура амира Мухаммада бин амир Айюка (ум. в 1419 г.)²⁶. Другой мавзолей того же времени обнаружен в кишлаке Катта Тол Камашинского района²⁷. По мавзолеям можно определить границы расселения барласов в Кешском вилайете. Все мемориальные сооружения в округе Шахрисабза связаны с блестящей эпохой расцвета архитектурного зодчества при Амуре Темуре и Темуридах. Они расположены на землях барласов, знать которых при Темуре пользовалась большими привилегиями и, сосредоточивая в своих руках значительные богатства, была в состоянии сооружать себе еще при жизни усыпальницы, не уступавшие по богатству убранства городским мавзолеям.

При Темуре Шахрисабз превращается во вторую столицу государства, резиденцию барласов, их вотчину. На благоустройство его тратились значительные средства, чтобы превратить этот город в жемчужину Востока. Стоит вспомнить восторженные описания Клавихо великолепия еще незаконченного дворца Аксарай, комплексов Дорутилават и

---

²⁴ Б о р о д н а И. Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X—XV вв. // Архитектурное наследство. 22. М.; 1974. С. 119—124.

²⁵ Д е н и к е В. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1949. С. 148.

²⁶ Г у л я м о в Я. Г., А х р а р о в И. Раскопки мавзолея в Яккобаге. С. 29.

²⁷ У с м а н о в а З. И. Раскопки мавзолея в Кашкардарьинской области // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 602.

Доруссиадат. В последнем находились усыпальница сына Темура Джанхангира и строившийся мавзолей для самого Темура, склеп которого сохранился до настоящего времени. При Клавихо усыпальница еще не была закончена, переделывался портал и велись отделочные работы "золотом, лазурью и изразцами"²⁸. Неожиданная смерть Темура и погребение его в Самарканде приостановили работы по оформлению усыпальницы; крыша огромного каменного саркофага в склепе Темура так и осталась без плиты с эпитафией.

При раскопках вокруг склепа Темура среди многочисленных глазурованных изразцов найден майоликовый диск диаметром 41 см с изображением на синем фоне рельефного растительного побега, из которого как бы появляется чешуйчатый, желтого цвета с позолотой дракон. Побеги выполнены зеленой, белой, красной и золотистой красками. Этот необычный диск украшал одну из стен парадной гурханы, он соперничает с красочным гербом (лев в солнечных лучах) Темура во дворце Аксарай. Вместе с диском найден квадратный майоликовый изразец, на котором в миндалевидном картуше изображен китайский иероглиф "да", означающий большой, великий.

Думается, что изображения дракона и иероглифа как-то связаны с политической деятельностью Темура, стремившегося покончить с территориальными притязаниями Китая на Мавераннахр и Восточный Туркестан, а также установить контроль над путями мировой караванной торговли в интересах развития экономики городов и укрепления мощи своего государства.

Итак, археологические исследования, проведенные в Шахрисабзе и его округе, позволяют говорить о сложении на этой территории в период феодальной раздробленности крупного раннесредневекового поселения V—VIII вв., которое обживается в развитом средневековье и предмонгольский период. Поначалу кочевая аристократия держалась в стороне от управления, получая лишь долю доходов, собираемых с городского населения. Но в конце XIII в. улусные власти Кешского вилайета, на примере Золотой Орды, осознают значение городов и начинают способствовать росту экономической мощи и процветанию своего местопребывания. Заметим, что с середины XIII в. появляется наименование "Шахрисабз", запечатленное на крупных серебряных динарах чигатайдского чекана, выпущенных в правление подставного хана Буян-Кули в 1351 г. Подобная монета из клада, выбитая в Шахрисабзе, была найдена в Таласе в 1928 г. Известны монеты того же правителя с обозначением места чекана — Кеш, как тюрки называли г. Шахрисабз²⁹.

Окончательное оформление нового Кеша — Шахрисабза в городской организм происходит при Темуре. Удивительно простая и вместе с тем четкая планировка города в виде правильного прямоугольника с центром Чорсу на пересечении двух главных уличных магистралей, связанных с четырьмя главными воротами, сохранилась до 60-х годов XX в. Его памятники восхищают нас и заслуживают дальнейшего глубокого исследования и бережной охраны.

²⁸ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия... С. 102.

²⁹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Темуре... С. 22.

VI. Шарият илмлари. 1. Қуръон қироати илми. 2. Ҳадис ривояти (айтиш) илми. 3. Тафсир илми. 4. Ҳадислар билиш илми. 5. Калом илми. 6. Фиқҳ асослари илми. 7. Фиқҳ илми.

Тошкунпри-зода асарида зикр этилган илмлар номларини қайд қилишнинг ўзи ҳам бизга катта маълумот беришини алоҳида таъкидлаш ҳамда уни шубҳасиз ўрта асрлар илмлар тараққиёти ҳақида қиммат баҳо манба сифатида ҳар томонлама тадқиқ қилиш лозим деб ўйлаймиз.

Бу эса диёримизда ўша вақтдаги илм-фан ривожланиши нафақат ўз ватанимиз тараққиёти, балки бошқа мамлакатлар Афғонистон, Эрон, Озарбайжон, Туркия, Миср, Ҳиндистондаги маданият, алаҳусус, илмлар тараққиётига ҳам таъсир этганлигини курсатади¹⁴. Улугбек мактаби Осиё мамлакатлари билан бир қаторда Ғарбий Оврупа мамлакатларида математика ва астрономия ривожланишига ҳам таъсир этди¹⁵.

Баён этилган маълумотлар асосида Амир Темур ва Темурийлар даврида илм-фан тараққиёти ўзининг ўрта асрлардаги ривожланиш жараёнини давом эттиргани, кенгайгани ҳамда кўпгина илмлар, айниқса астрономия [Қози-зода Румий (вафоти тахминан 840/1436 й.), ал-Коший (вафоти тахминан 840/1436 й.)], риёзиёт [Али Қушчи (вафоти 879/1474 й.), Чагминий (вафоти 745/1345 й.)] ва адабиёт [Саккокий (XV аср боши), Лутфий (1369–1465 й.), Навоий (1441–1501)] каби соҳаларда янги катта ютуқларга эришганлиги камоли ишонч ила таъкидлаб, аждодларимиз меросини, мақоламизда таҳлил этилган манбаларни илмий муомалага киритиш, тулиқроқ ўрганиш ва халқимизга етказиш учун шу жабҳада олиб борилаётган изланишларни кенгроқ ва чуқурроқ давом эттириш лозим деб ҳисоблаймиз.

¹⁴ Розенфельд Б. А. Указанная статья.

¹⁵ Hunger Н., Vogel К. Ein Byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. Text, Übersetzung und Kommentar, Wien, 1963; Воронцовский Д. Г. Указанная статья; Соборов Г. Положительные и отрицательные числа у ал-Кушчи // Вопросы истории и методики элементарной математики, вып. 2. Душанбе, 1965. С. 72–77; Щеглов В. П. Распространение “Зиджа” Улугбека в европейской печати // Труды XIII Международного конгресса по истории науки, секция 3–4. М., 1974. С. 135–138; Невская Н. И. Труды Улугбека в работах членов Петербургской Академии наук (XVIII в.) // Доклады АН Уз. 1971, №12, С. 5–7.

Д.Ю.ЮСУПОВА

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

С именем и деятельностью Амира Темура тесно связан взлет в духовном развитии народов Центральной Азии. Создание крупного централизованного государства, рост его экономического потенциала благоприятствовали и развитию науки и образования, культуры и искусства.

Высокий уровень развития науки и культуры определил необходимость дальнейшего развертывания деятельности высшей школы, где готовились квалифицированные кадры для страны. Очагами высшего образования были медресе. На территории Мавераннахра и Хорасана существовало много медресе, построенных в основном на средства государства и состоятельных людей.

Медресе представляли собой прежде всего духовные учебные заведения. Но наряду с теологией в них преподавались и светские науки: юриспруденция, логика, математика (рийазийат), геометрия (хандаса), астрономия (илм-и хаййа), медицина (тиббийет), история, география, литература, поэтика (илм-и аруз), арабский язык, морфология и т.д. Преподавателями выступали наиболее известные в своих областях знания ученые. Им платили особое жалованье. В "Уложениях Темура" по этому поводу сказано: "Я отдал приказ, чтобы саййиды, табибы, старцы, ученые, дервиши и все монахи, которые избрали для своего жительства мои владения, получали пособия и жалованье, чтобы бедные или не имеющие средств к существованию люди получали пропитание и, наконец, чтобы преподаватели медресе получали отдельное содержание..."

В 1404 г. жена Амира Темура Сарай Мулк-ханум с разрешения мужа на свои личные средства, полученные от отца, Казанхана, построила в Самарканде, напротив главного портала Масджид-и Джаме (ныне мечеть Биби-ханым) медресе, отличавшееся от других сооружений того времени своим великолепием. К преподаванию в нем были привлечены известные ученые.

По сведениям Хондамира, только на территории Герата существовало 36 медресе. На учебу в эти медресе и ханака (обители ордена суфиев, частично служившие и как учебные заведения) приезжали выходцы из разных стран.

Наибольшей известностью пользовались медресе Амир Феруз-шаха и ханака, расположенные за пределами Герата. Еще в 1351 г. там было построено медресе Сабзараман.

В гератское медресе Ихласийа, расположенное на берегу канала Инджил, напротив больницы Дар аш-шифа, и в ханака Халасийа во времена правления Султан Хусейна приезжали учиться со всех концов мусульманского мира. За 20 лет там прошли обучение около тысячи студентов¹. Многие из них сами стали преподавателями. Здесь выучились известные мударрисы того времени, как амир Бурхан ад-Дин Атааллах Нишапури, кази Ихтийар ад-Дин Хасан Турбати, амир Муртаз, мавлана Фасих ад-Дин Мухаммад Низами. Учеба велась на конкурсной основе: каждый месяц по результатам отбора отсеивались слабые студенты, продолжать учебу могли лишь те, кто проявлял надлежащие способности и усердие.

Внук Амира Темура Улугбек стремился превратить ведущие города Мавераннахра Самарканд и Бухару в развитые центры науки и просвещения.

---

¹ Х о н д а м и р. Ма'асир ал-мулук, л.175; е г о ж е. Хуласат ал-ахбар, л. 475 а, 482 аб, 487 б.

Способствуя развитию науки и искусства, Улугбек построил четыре медресе: по одному в Бухаре (1417 г.) и Гиждуване (1433 г.) и два в Самарканде. Одно из них входило в ансамбль Гур-и Амир и имело 64 кельи-худжры (класса). Видимо, это было крупнейшее из четырех медресе. Второе медресе (годы строительства—1417—1424) было размещено в центре Самарканда, на площади Регистан. Оно представляло собой одну из лучших построек средневекового Востока. Первым мударрисом его, как сообщает Зайнадин Васифи (XV—XVI вв.), был Мавлана Мухаммад Хавафи.

По утверждению исторических источников, только в знаменитом медресе Улугбека в Самарканде одновременно проживали и получали знания более 100 учеников (талаба). Здесь преподавали такие известные ученые средневековья, как Мавлана Шамс ад-Дин Мухаммад Хавафи (ведущий мударрис, наставник), Кази-заде Руми, Гийас ад-Дин Джамшид Каши, Улугбек и его ученик Ала ад-Дин Али Кушчи. Они читали лекции по различным отраслям науки.

В 1436 г. знаменитый поэт и выдающийся мыслитель XV в Абд ар-Рахман Джами (1414—1492) приехал для продолжения учебы в Самарканд, где он прослушал несколько лекций Кази-заде Руми.

Улугбек, обладавший незаурядными способностями в области математики и астрономии, также читал прекрасные лекции по "Памяткам Насир ад-Дина" ("Тазкире") и "Шахским подаркам" ("Тухфе") Кутб ад-Дина Махмуд ибн Ма'суда Ширази (ум. в 1311 г.) — известного врача, математика, астронома, философа, юриста, ученика Насир ад-Дина ат-Туси².

В Самарканде того времени, кроме возведенных Улугбеком, функционировали и другие медресе — Ханум, Кутб ад-Дин садр, Мухаммад султан.

Бухарское медресе, построенное Улугбеком, сохранилось до нашего времени. На его дверях вырезаны слова из хадиса: "Стремление к знанию является обязанностью каждого мусульманина и мусульманки".

Слушатели медресе и ханака штудировали книги по разным областям знаний. Многие из них имелись там же. При дворе Амира Темура и его потомков тоже содержались богатые библиотеки, в которых коллекционировались редкие сочинения разных авторов эпохи античности и средневековья.

Существовали библиотеки: в Самарканде — Амира Темура и Улугбека, в Герате — Байсункара и Алишера Навои. Здесь была восстановлена также библиотека, в свое время принадлежавшая Шахруху, для которой Султан Бади'аз-Заман пожаловал в вакф ценные книги. В Балхе была открыта библиотека Бади'аз-Замана. Правители постоянно пополняли эти собрания новыми книгами.

---

² Ю с у п о в а Д. Ю. Письмо Гийас ад-Дина Каши к своему отцу в Кашан // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979. С. 46.

Делами библиотек ведали специальные люди, назначенные владельцами. Они следили за порядком содержания книг, регулировали их изготовление, распоряжались финансами, выделенными на эти цели, занимались поиском ценных трудов, постоянно пополняя библиотеки новыми книгами.

Так, Мавлана Хаджи Мухаммад Наккаш долгое время находился на должности управляющего библиотекой Алишера Навои³, а после него, в 1499 г. управляющим библиотекой Навои был назначен Хондамир. Мавлана Хаджи Мухаммад, покинув Герат, прибыл на службу к Бади аз-Заману и получил должность заведующего библиотекой в Балхе⁴.

Выдающийся художник средневековья, крупнейший мастер миниатюрной живописи Камаладдин Бехзад (1456—1537) в 1500 г. был назначен главой придворной библиотеки Султан Хусейна, а затем, когда он уехал из Герата в Тебриз, — шаха Исмаила I. Копия указа Исмаила I о назначении Бехзада главой придворной библиотеки от 24 апреля 1522 г. была представлена в образчике эпистолярного жанра литературы — "Намайти нами" ("Именная книга") Хондамира⁵. На должности главы библиотеки Султан Хусейна работал некоторое время учитель Бехзада Ходжа Мирак наккаш (ум. в 1507 г.).

Многие авторы специально посвящали свои труды библиотекам. Так, Гийасаддин Каши, как он отмечает в предисловиях к своим трудам, посвящает их библиотеке Улугбека.

В библиотеках не только хранились разные книги, но и велось обучение искусству письма.

Библиотеками широко пользовались ученые различных отраслей знания. Например, библиотекой А. Навои пользовались Мирхонд, Хондамир, библиотекой Улугбека, созданной при Самаркандской обсерватории (где хранилось более 15 000 томов книг), — все представители его астрономической школы и т. д.

Библиотеки активно способствовали развитию науки, образования, литературы и искусств, которые достигли высокого расцвета в государстве Амира Темура и Темуридов.

А.РУСТАМОВ

ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИДА ТИЛ ВА АДАБИЁТ

Инсон маънавий савияси қанча юксак бўлса, илмий, фаний, сиёсий, иқтисодий ва маданий тараққиёт шунча илгор бўлади.

Темур ва Темурийларга хос бир муҳим хусусият уларнинг ҳар

---

³ Х о н д а м и р. Хуласат ал-ахбар, л. 497 аб.

⁴ Там же.

⁵ Х о н д а м и р. Нама-йи нами. Рқп. ИВ АН РУз, инв. № 801, л. 188 б—190 а.

ликларнинг ҳаммасини киритмасдан икки талабга жавоб берадиганларинигина киритган: биринчидан нутқ учун зарур бўлган бир маънони англашиш керак, иккинчидан, форс тилида шу маънони ифодалайдиган восита бўлмаслиги керак.

Туртинчи хусусият — ўзбек тилининг товуш хусусияти қофия учун форс тилинигига нисбатан қулайроқдир. Унлиларнинг қатордаги фарқи ва талаффуздаги яқинлиги қофияда бир турдаги сўзларни кўпроқ келтириш имкониятини беради, ҳамда сўз танлашда қофия талаби билан буладиган маҳдудликнинг камайишига олиб келади.

Шундай қилиб, Темурийлар даврида Соҳибқироннинг маърифатга асосланган сиёсатининг натижаси ўлароқ тилу тилшунослик, адабиёту адабиётшунослик авжга кўтарилди.

Н.Н.ХАБИВУЛЛАЕВ

О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РУКОПИСНОЙ КНИГИ В ЭПОХУ АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

Народы Средней Азии внесли значительный вклад в сокровищницу мировой цивилизации в эпоху средневековья. Их богатейшее духовное, культурное наследие запечатлено в многочисленных рукописных памятниках, которые являются ныне объектом общенационального уважения и самого пристального изучения специалистов.

Прежде всего важно отметить совпадение широкого производства относительно дешевого высококачественного писчего материала — бумаги и расцвета литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг. Техническое новшество открыло возможности для создания множества книг большого объема и сложной структуры. "На бумаге "самаркандского" или "восточного" типа, технология изготовления которой не претерпела, очевидно, изменений на протяжении веков"¹, написаны многие известные нам рукописные книги эпохи Амира Темура и Темуридов.

Среди письменных принадлежностей, необходимых для создания таких книг, первое место занимал калам — тростниковая палочка со срезанным концом, — острая сторона которого затачивалась, еще раз срезалась и расщеплялась посередине. Каламу в арабской литературе воздавалась всяческая хвала как предмету, сопричастному к творчеству и красоте. Качество калама, очень ценимое в те времена, зависело от умелого выбора тростника (по толщине, цвету, месту произрастания), от его выдержки, хранения, обработки. Очинка калама требовала особой искусности и считалась делом чести, а иногда и личным секретом писца. Взамен калама использовали также плоскую дощечку с заостренным концом, птичье перо, пальмовую веточку.

Другой важной принадлежностью писца была чернильница — дават. Собственно, это был целый чернильный прибор, род пенала или продолговатого ящичка с крышкой, в котором помещались чернила и

---

¹ Халдов А. Б. Рукописная книга в арабской культуре // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. I. М., 1987. С. 292.

калам. Другие орудия и принадлежности письма — это ножик для очинки калама, тампон для впитывания чернил и защиты их от высыхания, коробочка для клея, шило, скрепка (зажим), тряпочка, линейка и др. Письменные принадлежности рекомендовалось изготавливать из материалов лучших сортов, но скромными и неброскими по внешнему виду.

К качеству чернил предъявлялись высокие требования, при этом особо подчеркивалось, что они должны быть густого черного цвета и блестящими. Существовали разные сорта чернил, получавшие названия по месту их происхождения; сохранилось много рецептов их изготовления, но в основном использовались два вида: железистые ореховые чернила, приобретающие со временем черный оттенок, и чернила из сажи (копоти) устойчивого цвета, типа туши. Реже применяли цветные чернила — красные, желтые, синие, фиолетовые разных оттенков.

Таким образом, изготовление писчих материалов и письменных принадлежностей требовало множества разнообразных веществ и материалов, встречающихся в природе или предварительно обработанных, и соответственно — участия ремесленников разных специальностей. В этом народы Центральной Азии периода Амира Темура и Темуридов были преемниками древневосточных цивилизаций; используя опыт предшествующих поколений, они аккумулировали, развили и поддерживали его на высоком уровне в течение многих веков.

Как известно, рукописная книга является синтезом творчества ряда мастеров — хаттата (каллиграфа), наккаша (орнаменталиста), музах-хиба (позолотчика), рассома (художника) и саххаба (переплетчика)².

Художественная рукопись эпохи Темуридов, как и другие виды искусства того периода, развивались на основе творческого освоения лучших традиций мастеров предшествующих веков. В общественных и частных библиотеках древнего Самарканда, Герата, Бухары, Тебриза, Шираза XIV — XV вв. было немало художественно оформленных и иллюстрированных списков "Шахнаме" Фирдоуси, "Джам ат-таварих" Рашид ад-дина, "Хамсы" Низами и других уникальных рукописей, переписанных в XIII — XIV вв. Они не могли не оказать влияния на дальнейшее развитие и формирование стиля оформления рукописей эпохи Темуридов.

При создании нового списка художественной рукописи характер стиля, тип оформления книги, даже ее формат определялись прежде всего ее содержанием и назначением. Не иллюстрировались, в силу религиозного запрета, Коран и богословская литература, а также подавляющее число научных и философских трудов. Иллюстрации в виде миниатюр с давних времен широко применялись в художественных произведениях и исторических трудах. Не случайно основные художественно оформленные и иллюстрированные уникальные рукописи почти во всех крупных рукописных фондах состоят из списков "Шахнаме" Фирдоуси, сочинений Низами, Саади, Хафиза,

---

²Х а б и б л и а е в Н. Н. Ёрта Осиёда қозғоз яшлаб чиқариш тарихи. Тошкент. 1992. С. 91.

Джами, Навои, "Джам ат-таварих" Рашид ад-дина. "Зафар-намайи Темури" Шараф ад-дина Али Йазди и т.п. В противоположность миниатюре, сфера применения которой была ограничена, использование орнамента не знало границ. Начиная с Корана, орнамент применялся во всей духовной и светской литературе. Даже небольшие каллиграфические фрагменты (кыт'а) Султана Али Мешхеда, Мир Али Херави, Мир Имада и другие роскошно оформлялись художниками-орнаменталистами и ценились не меньше, чем превосходные миниатюры.

Исторические документы подтверждают, что драгоценные художественные рукописи создавались по заказу состоятельных людей и владельцев придворных библиотек — Темура, Шахруха, Улугбека, Байсункура, Султан Хусейна — и ими же приобретались за большие деньги. Их нередко преподносили в дар правителям других государств. Но заказчик никогда не мог предопределить художественное решение оформления рукописи в целом, ее эстетические нормы и т.д. В лучшем случае он мог оценить по достоинству художественное качество уже готового произведения и вознаградить художников по заслугам. Идея оформления рукописей зарождалась и формировалась в мастерских художников при тесном творческом контакте мастеров всех отраслей книжного искусства. Высокое мастерство каллиграфа, позолотчика, художника-миниатюриста, переплетчика эпохи Темуридов создавало непревзойденные образцы художественной рукописи, которыми и поныне восхищается весь мир.

А.А.ХАКИМОВ

ЭПОХА АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Духовное наследие эпохи Амира Темура и Темуридов — поистине одна из ярчайших страниц в истории мировой культуры. Блестательный взлет наук, архитектуры, градостроительства, изобразительного и прикладного искусств — уникальный феномен мирового масштаба. Генезис и типология этого явления требуют углубленного, фундаментального изучения.

Благодаря политической энергии и целеустремленной деятельности Амира Темура были возрождены и усовершенствованы институты государственного, социального и военного управления, на основе продуманных и плодотворных финансово-денежных и налоговых реформ получили бурное развитие производительные силы общества, экономика и торговля, шел активный процесс градостроительства.

В эпоху Амира Темура возродился и получил импульс исконный принцип культурной традиции народов Центральной Азии — ее приверженность к взаимодействию с другими культурами, трансконтинентальный, "синкретический" характер форм и стиля искусства региона. Вместе с тем в этой культуре, открытой для различных типов взаимодействия, основополагающую роль играла местная традиция. Значение центральноазиатского культурного и художественного субстрата сохранялось на всем многовековом пути развития этого трансконтинентального по характеру искусства.

Процесс взаимодействия культур ярко проявился здесь уже в доисламский период. Тогда через этот регион культура буддизма проникала в Восточный Туркестан, Китай, затем на Дальний Восток, оставив в Центральной Азии превосходные образцы художественного симбиоза. Творческие идеи эллинизма и культурные традиции Ирана, оплодотворенные своеобразным, динамичным искусством народов Центральной Азии, ретранслировались на Восток — в Индию и Китай, придавая своеобразный облик всей картине мирового искусства античной и раннесредневековой поры.

С приходом ислама в Центральную Азию в VII — VIII вв. произошли кардинальные изменения в художественной культуре региона. В IX — XIII столетиях изобразительные формы искусства уступили место орнаментальному стилю, возникла новая в конструктивном и функциональном аспектах архитектура. Исчезли настенная живопись и скульптура. Господство обрело художественное ремесло, в произведениях которого преобладал абстрактно-отвлеченный узор, по своему символизирувавший наступление нового мировоззрения.

Возникшая на сколках древних цивилизаций, мусульманская культура с учетом интересов новой религии адаптировала их культурные традиции. Это сочетание инноваций, динамизма новой культуры с использованием интеллектуального опыта предшествующих эпох дало мощный импульс развитию градостроительства и архитектуры, художественного ремесла, литературы, поэзии, искусства миниатюры, книжного дела, музыки, зрелищных искусств, естественных и гуманитарных наук в первые века ислама.

Новый период в развитии духовной культуры народов, вошедших в орбиту ислама, отмечен осознанием одинаковой важности как прошлого, так и настоящего. Не случайно при характеристике культуры IX — начала XIII в. нередко применяется термин "мусульманский Ренессанс".

Идеей универсализма была пронизана и культура народов Центральноазиатского региона данного периода, которая не только сохранила свой трансконтинентальный характер, но и усилила процесс взаимодействия с другими культурами благодаря интегрирующей роли ислама.

В культуре и искусстве того времени сочетались черты глобальности и локального своеобразия. Ареал новой культуры был чрезвычайно широк — от Средиземноморья до берегов Индийского океана.

В орбиту этого поистине мирового художественного процесса, во многом обусловленного быстрым распространением ислама, было вовлечено и искусство народов Центральной Азии. Для истории культуры то была эпоха "стирания границ" и создания нового, синкретического, "мусульманского" искусства. Каждый регион сохранял свои особенности культуры и искусства, но общее все же доминировало.

Таким образом, вся история культуры и искусства Центральной Азии домонгольского периода была пронизана идеями универсализма и

носила поистине открытый, трансконтинентальный характер, не теряя своего локального, самобытного звучания.

В XIV — XVI вв., с приходом на арену мировой истории Амира Темура и его наследников — Темуридов, в Центральной Азии наступает своеобразный Ренессанс государственного строительства и культурного развития, плодотворная полоса которого была прервана ранее, в начале XIII в., разорительным нашествием орд Чингиз-хана.

В правление Амира Темура и его преемников по Великому шелковому пути возобновилось движение торговых караванов с Запада на Восток и обратно; возрождались и формировались на ином историческом этапе новые формы трансконтинентальной культуры. Здесь происходил уникальный процесс симбиоза культурных традиций Ирана, Китая, Индии, арабских стран и местных, центрально-азиатских художественных черт и особенностей.

Как и в предшествующие века, Центральная Азия вновь стала не только местом пересечения торговых караванных путей, но и центром, где возникали оригинальные идеи, формировались новые стили, художественные нормы и инновации, расходившиеся затем в качестве эталонов по всей империи.

Следовательно, можно говорить о том, что восстановление Амиром Темуром древних караванных путей и обеспечение безопасного продвижения по ним имели не только торгово-экономическое значение, но и сыграли выдающуюся роль во взаимообогащении и взаимодействии культур на огромной территории его империи и далеко за ее пределами.

Мотивы, идеи и формы искусства различных стран и регионов, получив в Центральной Азии новую художественную интерпретацию, нередко перемещались по всему пространству Евразийского континента, активизируя всемирно-исторический процесс культурного диалога Запада и Востока.

Процесс универсализации художественных, творческих идей, стирание локальных культурных традиций и интеграционные явления в искусстве, обусловленные в IX — начале XIII в. объединяющей ролью ислама, в эпоху Амира Темура и Темуридов получили новый импульс. Теперь основным консолидирующим фактором стала деятельность Амира Темура, направленная на создание единого централизованного государства.

При всей любви к своему краю, Амир Темур прекрасно осознавал важность и значение высоких культурных достижений сопредельных стран и народов. И здесь уместно вспомнить высказывание Н. Конрада о том, что в Амуре Темуре проявился "дух Македонского и Канишки как локального выражения вселенской идеи".

Глобальные устремления Амира Темура выразились в его целенаправленных действиях по превращению Самарканда в столицу, так сказать, вселенского масштаба. Поэтому здесь были собраны лучшие мастера, архитекторы, поэты, ученые из разных стран Среднего и Ближнего Востока.

На долгие годы и десятилетия Самарканд и другие города Центральной Азии стали законодателями мод в искусстве, ремесле, зодчестве, поэзии и литературе, музыке, формах проведения празднеств

и массовых зрелищ, превратившись в своеобразные эпицентры культурного и научного прогресса.

Тот период характеризовался приобщением значительных слоев населения к ценностям духовной культуры, что было важной особенностью данной эпохи. Общий духовный подъем был присущ не только отдельным одаренным личностям, но и различным социальным прослойкам. Особую роль играли представители городских ремесленно-торговых кругов, которые были создателями и распространителями разнообразных видов материальной и художественной культуры.

Мастерские ремесленников и лавки торговцев служили местом общения и встреч, где велись беседы на возвышенные темы, зачастую связанные с поэзией. Наряду с профессиональными поэтами здесь читали свои стихи и простые горожане, т.е. поэзия звучала не только на придворных празднествах и изысканных маджлисах городской элиты, но и среди широких кругов населения.

Безусловно, такая демократизация культурной жизни и ее широкий просветительский характер могли иметь место лишь при поддержке и поощрении правителей государства. И здесь основополагающие принципы культурной политики, стимулировавшие общий подъем духовного, просветительского начала, со всей очевидностью просматриваются в деятельности Амира Темура. Его личность была своего рода гарантом всеобщей стабильности в государстве, а его политика содействовала сбалансированному взаимоотношению религиозного и светского начал.

Как дальновидный политик Темура прекрасно сознавал огромное значение ислама как цементирующего, дисциплинирующего и консолидирующего фактора государственного строительства и общественной жизни. Он строго следил за соблюдением законов шариата и предписаний ислама и неукоснительно следовал им сам. В то же время он хорошо осознавал и высоко оценивал роль светской культуры — наук, литературы, архитектуры, различных видов пластических и зрелищных искусств, всячески поощряя их развитие.

Такая политика привела к своеобразному феномену — в государстве Амира Темура и его преемников параллельно сосуществовали ярко выраженное религиозное начало и высокоразвитая светская культура.

Основополагающая роль ислама выражалась в развитии богословия, религиозного законодательства, пронизывавшего всю социальную инфраструктуру общества, широком строительстве религиозно-культурных сооружений, появлении большой плеяды религиозных деятелей, глубоко почитавшихся Амиром Темура и его преемниками.

Секуляризм, возникший в правление Амира Темура и впоследствии ставший существенным социальным и духовным фактором в государстве Темуридов, выразился в бурном развитии естественных (математика, астрономия, медицина) и гуманитарных (история, историография) наук, дворцовой архитектуры, миниатюрной живописи, поэзии, литературы, зрелищных и музыкальных искусств.

В эту эпоху виртуозное искусство пришлых мастеров, архитекторов и художников, изысканное творчество поэтов тесно соприкасались и взаимодействовали с высокими традициями местной художественной

культуры, которая, в свою очередь, имела своеобразный генезис. Она была возвращена в условиях многовекового симбиоза культуры кочевого, скотоводческого и оседлого, земледельческого населения. В этой культуре на протяжении многих столетий осуществлялось плодотворное взаимодействие традиций тюрко- и ираноязычных народов региона, составлявших этносоциальное ядро государства Амира Темура и определивших самобытность его культуры и искусства.

Эпоха Амира Темура и Темуридов стала временем активизации процессов этногенеза народов региона. В ту пору происходило интенсивное развитие и окончательное закрепление литературных норм таджикского и узбекского языков, завершилось формирование основных жанров и видов поэзии и художественной литературы.

Вместе с тем продолжалось дальнейшее развитие языка фарси, служившего официальным дворцовым языком. Он становится также языком литературы, поэзии и наук, вытеснив из этой области арабский. При Темуридах сложилась и получила огромное развитие историография на языке фарси.

Одновременно бурно развивались литература и поэзия на староузбекском языке, сформировался узбекский литературный язык — тюрки, ставший благодаря гению Алишера Навои языком изящной поэзии и литературы.

Эпоху Амира Темура и Темуридов можно назвать поистине эпохой Ренессанса, когда происходит возрождение лучших традиций предшествующих столетий, основанных на творческом освоении опыта прошлых эпох и создании новых подходов, внесении смелых инноваций в решение задач, стоявших перед учеными, архитекторами, ремесленниками, художниками-миниатюристами, поэтами, музыкантами, представителями зрелищных искусств.

Жизнеутверждающая философия культуры эпохи Амира Темура и Темуридов, ее высокие художественные достижения оказали плодотворное воздействие на развитие искусства последующих эпох.

Генезис культуры государств Бабура и Бабуридов в Индии, Шейбанидов и Аштарханидов в Центральной Азии, Сефевидов в Иране и т.д. также восходит к богатейшим духовным традициям и искусству эпохи Амира Темура и Темуридов. Эти традиции давали новые всходы благодаря созидательной деятельности Амира Темура и его наследников.

Т. ГАФУРБЕКОВ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ВО ВРЕМЕНА АМИРА ТЕМУРА И ТЕМУРИДОВ

В эпоху Амира Темура и Темуридов певцы, музыканты были обязательными участниками не только официальных дипломатических, военных и других торжеств, но и массовых празднеств, большинства народных зрелищных представлений, и музыка занимала видное место в ряду других искусств. Источники свидетельствуют, что наряду с узбекской народной, военно-церемониальной музыкой, последовательно

развивались классическое макомное искусство, а также музыкальный фольклор других тюрко-, арабо- и персоязычных народов.

Более того, музыкальная атрибутика становится символом доблести и мужества. "Я повелел, — говорится в "Уложениях Темура", — если один из моих амиров... победит войско противника, его следует наградить тремя вещами: почетной грамотой, знаменем и ногора (местный тип двойных равнозвучащих литавр) и объявить богатырем"¹.

Следующий раздел цитируемого источника вообще воспринимается как высокая дань Амира Темура народным музыкальным инструментам: "Я повелел выдать каждому из двенадцати амиров по одному знамени и ногора. Командующему — знамя и ногора, малый туг и чортуг (специальные воинские пики, указывающие на положение их владельца в табели о рангах). Тысячнику — один туг и ногора (нафир). Сотнику и десятнику — по одному большому (табал) ногора. Амирам аймаков — по одному бургу (сурнай). Каждому из четырех бегларбеги — по одному знамени, ногора, чортуг и бургу"².

Как видим, обычные, широко бытующие в народе музыкальные инструменты законодательно закрепляются в качестве наглядных символов — показателей общественного положения правителей и военачальников.

Всеобъемлющий духовный подъем эпохи Амира Темура породил особо интенсивное развитие основополагающих сфер всего музыкального искусства: инструментального и певческого исполнительства, творчества бастакоров (авторов монодийных произведений), науки о музыке и того традиционного базиса, на котором все они произрастают, — веками апробированной системы профессионального обучения, именуемой (и в других отраслях) "устоз— шогирд" (мастер — ученик). Поистине ренессансный по уровню проявления, этот процесс протекал не только в столичном Самарканде, при самом Амуре Темуре, но и в Бухаре, Хиве, Герате, Балхе, Кабуле, при его преемниках — Шахрухе, Улугбеке, Хусейн Байкаре, Бабуре.

Традицией средневекового города было расселение по отдельным кварталам мастеров определенных профессий. Признанные деятели музыкального искусства, по указам правителей, также расселялись по профессиям: "улица певцов", "квартал музыкантов", "улица бастакоров" и т.п. Вокруг наиболее авторитетных из них формировались специальные исполнительские, творческие и научные школы.

Наставника в области музыкального искусства — устаза — великий Алишер Навои (получивший музыкальное образование и сам создававший музыкальные сочинения) в своей поэме "Саб'а-йи сайёр" возводит на подиум учителя всех учителей:

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе — ремесло мое,
Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах.
Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей"³

¹ Темур тузуклари. Тошкент, 1991. С. 80.

² Там же. С. 82 — 83.

³ Н а в о и А л и ш е р. Семь плакат. М., 1954. С. 325.

Музыка не случайно занимала исключительное место в жизни, деятельности и творчестве самого Алишера Навои, творческий псевдоним которого происходит из семантики музыкального термина наво — напев, мелодия. С детских лет, наряду с алфавитом, он изучает теоретические основы музыки у известного бастакора и музыковеда Ходжа Юсуфа Бурхана, о чем мы узнаем из "Мажолисун-нафоис" ("Собрания изящных"): "Был предводителем всех суфиев. Он хорошо знал музыкальное искусство, и я являюсь его учеником в этом деле. Большею частью он сочинял музыку на свои стихи"⁴.

Приводя далее двестише своего учителя, Навои сообщает, что к этим стихам тот сочинил мелодию "Исфакон", что свидетельствует о прямой причастности Ходжа Юсуфа к искусству макомов, ибо названная мелодия, а точнее ладоструктура, на которой ее создавали, была во времена Амира Темура и Темуридов десятой в контексте цикла "Дувоздахмаком" ("Двадцать макомов").

Столь детальные характеристики музыкального творчества, а шире — музыкальной культуры своего времени в целом — со стороны А.Навои обусловлены не только его прилежными занятиями у Ходжа Юсуфа Бурхана, но и, несомненно, тем, что великий поэт едва ли ни всю жизнь был окружен представителями музыкального искусства. Среди них — его дядя Мухаммад Али Гариби, который "хорошо играл на многих инструментах. Тембр и ритм хорошо удавались. Был он также осведомлен в теории музыки"⁵.

В круг ближайших друзей Навои входили бастакоры Абдулла Марварид, Хафиз Шарбати, Пахлавон Мухаммад, певцы Мавлоно Айни, Хофиз Козок, инструменталисты Ходжа Камалиддин Уди, Али Кармал, Ходжа Абдулла Садр, авторы трактатов о музыке или ритмике Джамии, Бинаи, Мавлоно Салими, Мавлоно Риязи. О каждом из них и о многих других деятелях музыкального искусства эпохи Амира Темура и Темуридов мы находим профессиональные характеристики, авторитетное описание отдельных произведений, в частности в семи из восьми мажлисов уже цитированного научно-художественного труда Алишера Навои "Мажолисун-нафоис". Поразительно, что в 7-м мажлисе, вырисовывая достаточно меткие штрихи к обликам самого Темура, Шахруха и последующих 20 Темуридов, автор особо отмечает приверженность того или иного из них к искусству, науке, добродетели: "Дарование у него проникновенное, а способности блестящие, — пишет он о Байсункуре Мирзо (третьем сыне Шахруха. — Т. Г.). В управлении он снисходителен к бедным и щедр. Он любит науки и искусство и покровительствует успехам людей искусства. Имея склонность к поэзии, он иногда занимался ею"⁶.

Последовательный, обостренный интерес к интеллектуальной личности, в частности к ее творческому потенциалу, чрезвычайно характерен для поэтических и отдельных прозаических произведений Навои.

---

⁴ Н а в о и А л и ш е р. Соч.: В 10-ти томах. Т. IX. Ташкент, 1970. С. 47.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Там же. С. 150.

Так, его монументальную "Хамсу" ("Пятерицу") мы воспринимаем как пять песней, а именно "Хайратул аброр" („Смятение праведных") — как философско-этическую песнь, "Фархад и Ширин" — как героико-патриотическую песнь, "Лайли и Маджнун" — как песнь одержимой любви, "Саб' айи сайёр" ("Семь планет") — как песнь верности и, наконец, "Садди Искандарий" ("Вал Искандера") — как эпическую песнь.

Собственно, и пожизненная тетралогия Навои — "Хавойин-ул-маоний" ("Сокровищница мысли") может интерпретироваться как свод текстов песней, ибо подавляющее большинство из трех с лишним тысяч стихотворений в прошлом (начиная с современников поэта) и настоящим действительно распеваются, вновь и вновь переключаются на музыку очередным поколением творцов. В отдельных из этих стихов, как, скажем, "Ёрдин айру ..." ("Без любимой ..."), последовательно и четко прослеживаются прямые параллели с типичными структурами узбекской классической музыки. Данная газель написана в поэтической форме тадридж, основанной на цепочном нанизывании одной мысли на другую, что чрезвычайно характерно для развернутых макомных форм типа сарахбор или талкин, где также можно слышать последовательное "прививание" одной интонации на другую. И там, и тут налицо сквозное, если можно так выразиться, "эстафетное" разворачивание мысли — для удобства восприятия слушателями ее сложнейшего глубинно-философского содержания.

Благодаря Бабуру (через его "Бабур-наме") имеется авторитетное свидетельство о прямой причастности к музыкальному творчеству самого Алишера Навои, которому принадлежат хорошие накши (вокально-инструментальные сочинения), равно как и пешравы (сугубо инструментальные композиции). Доступность для творческого диапазона поэта столь сложных музыкальных произведений сама по себе — редкость в истории культуры как Востока, так и Запада. Более того, спустя немногим более полувека ученый рубежа XVI — XVII вв. Дарвиш Али Чанги сообщает, что из 24 распространенных в его времена ритмов (усулей) некоторые принадлежат Улугбеку, 12 — Хусейну Байкара, а 7 — Алишеру Навои.

Не удивительно поэтому, что в произведениях книжной миниатюры конца XV — начала XVI в., иллюстрирующих эпизоды из "Хамсы" и стихи так называемого "Сборного дивана" Навои, представлена подавляющая часть музыкального инструментария: № 8 — сато, гиджак, чанг; № 11 — уд, най, дойра; № 13 — танбур, най, дойра⁷.

Стихотворные строки Навои полны специфических терминов, которые полнокровно отражают музыкально-творческий процесс (туз, кургуз, тут, эт, кил), ведущие жанры и формы музыки эпохи Темура и Темуридов (пешрав, савт, нагма, накш, кушик, суруд, чангу), редкие, даже для музыкальных трактатов, словообразования из единого корня (наво, навосоз, навобахш, навогар, достоннавоз).

Словом, вчитываясь в интонационно безграничные строки Навои, вслушиваясь в его певучий по природе псевдоним, мы можем без преувеличения, с профессиональным удовлетворением сказать, что они

---

⁷ Миниатюры к произведениям Алишера Навои/Автор-составитель Хамид Сулаймон. Ташкент, 1981.

донесли до нас ценнейшие, а главное — вполне достоверные сведения о музыкальной практике, творчестве и науке XIV — XV вв.

Чрезвычайным разнообразием и многофункциональностью отмечен музыкальный инструментарий эпохи Амира Темура и Темуридов. Так, из струнно-щипковых плекторных инструментов уд (от названия дерева, из которого он изготавливался), некогда вывезенный арабами и распространенный ими не только на Востоке, но и в Европе (преемники — люто, лютня и др.), в данный период в равной степени используется в теории музыки (трактатах о музыке — для определения интервалов, тетра-пентахордов и звукорядов), сольном и ансамблевом музицировании. За танбуром закрепляется вся система макомата и макомного исполнительства — сольная интерпретация исключительно всех инструментальных частей макомов и сопровождение всех вокальных их частей вместе с дойрой.

Формируются типичные инструментальные и вокально-инструментальные ансамбли прикладного назначения: военно-церемониальные, придворно-церемониальные, массово-бытовые и т.п.

Динамичная музыкально-практическая деятельность, интенсивный творческий процесс и углубляющаяся от поколения к поколению наука о музыке стали выдвигать как мастеров каждой из этих сфер, так и уникальных корифеев, представлявших их в совокупности.

Несомненно, одним из самых высоких авторитетов в области музыкального искусства был Ходжа Абдалкадир Мараги (1340 — 1435 гг.). Значительную часть своей жизни он прослужил при дворах Амира Темура и Темуридов. Прослышав о незаурядных способностях музыканта, Амир Темур в 1393 г. переселил его из Багдада в Самарканд, в свой дворец, где Мараги активно занимается исполнительством, творчеством и исследованием музыки иранских и тюркских народов. Затем Мараги продолжал службу во дворцах Шахруха, Халил-Султана и других Темуридов.

Как бастакор Мараги создал более 200 произведений, в том числе — многочастные циклические сочинения, собственные версии усулей-ритмических формул — "Зарб ал-фатх", "Чахар зарб", "Майатайн", а также разделы к макомам "Тасниф-и Ходжа Абдалкадир", "Амал-и Тарана", "Амал-и Бустан", "Амал-и Гулистан", "Амал-и Харистан". До нас дошли лишь их названия.

Более известны музыкально-теоретические труды Мараги: "Гина ва алхан" ("Пение и мелодия"). "Макарид ал-алхан" ("Цели, происхождение мелодий"), "Жаваме алхан" ("Свод мелодий"), "Канз ал-алхан" ("Сокровищница мелодий"), "Шарх ал-адвар". Они имеют важное значение для исследования монодийного творчества XIII — начала XV в., определения терминологии музыки народов Центральной Азии. В отличие от своих предшественников (Сафиаддина Урмави, аш-Ширази), Мараги более основательно, как в качественном, так и в количественном отношении, рассматривает проблемы ритма, мелодии, инструментоведения.

Крупнейшим авторитетом в музыке эпохи первых Темуридов был Абдаррахман Джами (1414 — 1492 гг.), один из наставников Алишера Навои. Он был автором редчайшего "Рисала-йи мусики" ("Трактата о

музыке")⁶, отдельных музыкальных произведений. Трактат Джами имеет фундаментальное теоретическое содержание и подразделяется на две части — "Илм-и та'лиф" ("Учение о композиции") и "Илм-и ика" ("Учение о ритме"). В начальных разделах автор скрупулезно разбирает традиционные для музыкальных трактатов вопросы — происхождение музыки, этимологию термина "мусика", предназначение этого искусства. По его мнению, составляющие музыку компоненты изучаются для того, чтобы "создавать новую и более совершенную красоту". В ряде случаев Джами прямо ссылается на музыкальную науку прошлого (Абу Насра Фараби) и музыкально-творческую практику своего времени, а затем самостоятельно развивает собственные идеи. Во второй части трактата, подробно охарактеризовав "общеупотребительные" среди профессионалов усули, Джами дает детальное описание более 20 из них, подчеркивая, что в деле создания новых ритмов "нет предела и запрета" и что "всякий желающий может произвольно образовывать" собственные усули.

"Трактат о музыке" А. Джами, имевшего прямое отношение к музыкальному творчеству (ему приписывается сочинение "Накши Имама") и, по некоторым сведениям, создавшего свой труд по просьбе и настоянию Навои, принципиально отличается от предшествующих ему работ скрытым творческим потенциалом; он ориентирован на индивидуальное самовыражение исполнителей, бастакоров, а также ученых, пишущих трактаты.

Большой эмоциональный заряд, заложенный в музыке, достаточно умело и с большой фантазией использовался Амиром Темуром. Современники отмечают, что на многочисленных торжествах он сосредоточенно слушал певцов и музыкантов, умел оценить вновь созданное произведение. В этом его примеру следовали не только прямые приемники, но и приближенные по двору и армии. В историю вошли редчайшие в военной практике случаи "взятия" небольших населенных пунктов Темуром — внезапной оглушительной игрой среди ночи карнаев и ногора, рассредоточенных внутри кварталов во время глубокого сна жителей. Любовь Темура к этим инструментам подтверждают и многочисленные миниатюры, на которых они представлены при изображении его военных походов.

Предпочтение, отдаваемое музыкальному искусству при Амуре Темуре и Темуридах, проявилось и в том, что над главными воротами дворцов непременно сооружались специальные ногорахана, где и музицировали придворные ансамбли. Руководителей этих вокально-инструментальных ансамблей назначали сами правители и, как правило, это были исполнители на ногора или сурнае. Их называли мехтар (руководитель, господин). Эти ансамбли выступали и на различных народных торжествах и празднествах, к примеру во время месяца рамазан на ночном базаре (базар-и шаб).

На миниатюрах к рукописям "Зафар-наме" Шарафаддина Али Йазди, произведениям Джами, Навои, Бабура зачастую изображены

---

⁶ А б д у р а х м а н Д ж а м и. Трактат о музыке /Пер. с перс. А. Н. Болдырева. Комментарий В. М. Беляева. Ташкент, 1960.

большие и малые инструментальные ансамбли. При этом они показаны в прямом действии, а не как элемент оформления книги.

Многочисленные рукописи донесли до нас ценнейшие, вполне достоверные сведения о музыкальной культуре XIV — XV вв. Отличительной чертой ее было доминирование живого, динамичного начала. Это и привело к самому главному из музыкальных достижений эпохи — началу формирования монолитного макомного цикла "Шашмаком" ("Шесть макомов"). Не исключено, что на появление музыкальной "Шестерицы" определенное влияние оказали литературные "Пятерицы", в том числе цикл поэм Навои. В обоих случаях решающую роль играет обобщающее начало, вбирающее творческий опыт предшественников. Если для поэтических циклов отправным толчком были "Пятерицы" Низами Ганджави (1141 — 1209 гг.) и Хусрава Дехлеви (1253 — 1325 гг.), то для "Шашмакома" аналогичным стал цикл "Дувоздахмаком", современный этим двум "Пятерицам".

Разумеется, прорастание одного веками бытовавшего цикла в другой — процесс, сложный в творческом и длительный в хронологическом отношении. "Дувоздахмаком", сформировавшийся в XII — начале XIII в., в наиболее стабильном виде предстает именно в эпоху Амира Темура и первых Темуридов, что наглядно просматривается по содержанию трактатов Абдалкадира Мараги, Абдаррахмана Джами и Зайн ал-Абидина Хусайни. А примерно с XVI в. идет интенсивный процесс формирования цикла "Шашмаком", не исключая при этом функционирования и цикла "Дувоздахмаком", но используя и активно вбирая из него отдельные макамы.

Первоначально "Дувоздахмаком" был характерен для подавляющего большинства культур Ближнего и Среднего Востока в целом. В период же Амира Темура и Темуридов от него отпочковываются локально дифференцированные, приобретающие специфические "национальные" черты, жанровые циклические произведения. В отличие от первоначального цикла, они более свободны в конструктивно-композиционном и количественном отношении: это 12 арабских макамов, 12 уйгурских мукамов, семь иранских дастгахов, семь азербайджанских мугамов, шесть узбекских и таджикских макомов. В свою очередь, каждый из подобных циклов породил внутринациональные версии себе подобных исходных моделей, как это произошло на узбекской почве в связи с формированием хорезмских макомов, фергано-ташкентских макомных циклов, многочисленных многочастных инструментальных произведений.

Эпоха Амира Темура и Темуридов, в силу динамичного развития музыкального творчества и исполнительства, оставила целую галерею специальных, во многом беспрецедентных трактатов по музыке. Это, например, труд Зайн ал-Абидина ал-Хусайни "Канун-и илми ва амали мусики" ("Научные и практические законы музыки"), написанный на фарси и посвященный А. Навои. Он интересен тем, что автор впервые дает научное описание народного музыкального инструмента дутар, широко бытующего в среде узбекских женщин. Приведенная им информация свидетельствует о надуманности построений российского востоковедения (В. Наливкин, М. Наливкина, Н. Остроумов) и музыкознания (С. Векслер, Т. Вызго) о загнивании узбеков, отсутствии связи между

придворной и фольклорной музыкой, оторванности содержания трактатов от бытовой музыкальной практики.

Наджмаддин Кавкаби (1480 — 1535) — крупнейший ученый и музыкант, поэт и наставник, оставил два важных труда — "Рисала-йи мусики" ("Трактат о музыке") и "Рисала-йи дар байани Дувоздахмаком" ("Трактат, повествующий о двенадцати макомах"). Он утверждал, что "музыка — тончайшее искусство... обладает божественными тайнами, а потому доступна только избранным людям".

Истолкование музыки как искусства в науке эпохи Темуридов — поворотный этап не только в исследовательской мысли, но вообще в творчестве и исполнении того времени. Кавкаби стал первооткрывателем и в области классификация видов мелодий, а также в изложении сложнейших теоретических вопросов науки о музыке в стихотворной форме.

К числу авторитетнейших источников познетемуридского периода относится труд многогранно одаренного автора конца XVI — начала XVII в. Дарвиша Али Чанги — "Тухфат ус-сурур" ("Дары радости"), обычно называемый также "Рисала-йи мусики" ("Трактат о музыке")⁹. Хронологически он охватывает реалии более чем двенадцати веков и наряду с освещением традиционных для эпохи вопросов содержит ценнейшие сведения о жизни и деятельности около 350 бастакоров, певцов, музыкантов-инструменталистов и их покровителей, в том числе Амира Темура и Темуридов. Любопытны, например, рассказ о взаимоотношениях Амира Темура и Абдалкадира Мараги, казнь которого была отменена Темуром под воздействием его "напевного чтения Корана", или подробности "раздора" между двумя внуками Темура: Байсункар Мирзой и Ибрахим Мирзой из-за известного музыканта и бастакора Ходжа Йусуфа Андижани.

Все это свидетельствует о том, что эпоха Амира Темура и Темуридов стала одним из самых значительных периодов развития и расцвета музыкального искусства, причем не только узбекского, но и многих других народов Ближнего и Среднего Востока, которые в свое время, составляя население огромного государства, поддерживали активные культурные контакты с крупнейшими странами Азии и Европы.

---

⁹ Д а р в и ш А л и Ч а н г и. Трактат о музыке/ Пер. с перс. Д.Рашидовой: Рукопись. Библиотека НИИ искусствознания им.Хамзы. Инв. № 879. Ташкент, 1989. 209 с.

Г.А.ПУГАЧЕНКОВА

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУМАН-АГА

Примечательную черту эпохи Темура и Темуридов в Центральной Азии составляет участие женщин темуридского дома в строительных начинаниях. Такая деятельность их, казалось бы, не согласовывалась с правилами шариата, ограничивавшего бытие женщины рамками гарема. Однако в ту пору духовенство относилось к этому снисходительно, поскольку сооружаемые объекты либо носили культовый или мемориальный характер, либо пополняли вакуфное имущество.

Одной из таких активных строительниц была Туман-ага, "женщина знатного происхождения" — дочь амира Мусы, на которой Темур женился в 1378 г. и для которой им тогда были созданы в Самарканде парк с дворцом Баги-Бехишт ("Раеподобный")¹. Поскольку в ту пору девушек выдавали замуж примерно с 12 лет, она родилась, очевидно, где-то в середине 60-х годов XIV в. По свидетельству испанского посла Клавиho, в ряду жен Темура во время большого праздника 1404 г. на Кани-гиле Туман-ага была второй вслед за ее теткой Сараи-Мульк-ханым (Канье, т.е. "ханшей", как ее именует Клавиho)². Им обоим Темур поручал воспитание своих внуков — наследников.

Первой крупной постройкой Туман-ага было здание — тим, возведенное в торговых рядах на площади Регистан в Самарканде и переданное ею в вакф. Историки сообщают, что когда Улугбек уже во втором десятилетии XV в. решил предпринять большие работы по оформлению площади Регистан, этот тим по своему местоположению оказался помехой. По мусульманскому законодательству, объекты вакфа неприкосновенны. Однако самаркандское духовенство нашло выход. Улугбеку было предложено возвести точно такой же тим на другом месте, отдав его духовенству, а этот снести; так и было исполнено. Что это был за тим, мы не знаем, но сравнение, например, с тимом Абдулла-хана в Бухаре XVI в. позволяет предполагать, что тим Туман-ага являл собой обширное замкнутое здание с кирпичными устоями, несущими арки и купола кирпичными столбами, между которыми располагались лавки и прилавки³.

В начале XV в. Туман-ага предпринимает строительство объектов мемориального характера в ансамбле Шахи-Зинда. В его верхнем отделе, возле главных святынь — мавзолея и зиарат-ханы Кусамы ибн Аббаса — уже к началу политической карьеры Темура существовало два мавзолея: смежно со входом к святыне — мавзолей некоей скончавшейся в 1361 г. знатной девицы и перпендикулярно к нему — мавзолей Ходжи Ахмада, судя по стилю покрывающей оба здания резной терракоты, близкий по времени⁴. На последнем сохранилось имя мастера — Фахри-Али, судя по отсутствию нисбы (указания места рождения), — местного жителя, самаркандца. Участок же с западной стороны между мавзолеем Ходжа Ахмада и лежащим южнее мавзолеем Амира Бурундука оставался незастроенным. Это пустое место и было использовано при строительстве, предпринятом Туман-ага. Оно включило два смежных помещения — мавзолей и поминальную мечеть при нем⁵.

Мавзолей, очевидно, должен был стать фамильной женской усыпальницей. И хотя Туман-ага была еще молода, она могла предполагать в нем и место своего будущего упокоения. Такого рода

---

¹ Ф а с и х и А х м е д Муджиллис-Фасихи (Фасихов свод)/Пер. Д. Юсуповой. Ташкент, 1980. С. 100; Бартольд В. В. Улугбек и его время// Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 53—54.

² Клавиho Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-1406 гг.)/Пер. И. С. Митроковой. М., 1990. С. 127.

³ Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950. Рис. 301.

⁴ Немцева Н. Б. и Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи-Зинда. Ташкент, 1979. С. 104. Рис. 125—128.

⁵ Там же. С. 115. Рис. 145.

прижизненное строительство усыпальниц практиковалось на Среднем Востоке. Так, мавзолей Султана Санджара был возведен им еще при жизни, то же — Дорус-Сиадат, сооруженный Темуром в Шахрисабзе, в главном склепе которого он предполагал быть погребенным (но, как известно, был похоронен в Самарканде, в Гур-Эмире). И хотя на мавзолее в Шахи-Зинде обозначено имя Туман-ага, она была захоронена не здесь. После смерти Темура его жены были отданы Халил-Султаном в жены амирам. В частности, Туман-ага была отдана Нуреддину, увезшему ее в Сауран⁶. Хафиз Аbru рассказывает, как затем она жаловалась на судьбу и горько плакала, вспоминая Темура. Вскоре, однако, Нуреддин был убит, и Туман-ага вернулась в Самарканд, в 1412 г. уехала в Герат. Здесь ее встретила с великим почетом жена Шахруха Гаухар-Шад, а потом Туман-ага переехала в сел. Кусайа (ныне Кухсан), в Гератской провинции, отданное ей в сойургал⁷. Там она и скончалась и, вероятно, была похоронена в прекрасном мавзолее с датой 1440 г. на нем⁸. Местное предание приписывает этот мавзолей Гаухар-Шад, видимо, она и была его строительницей, возведя мавзолей для почитаемой жены Темура. Но, может быть, инициатива его создания принадлежала самой Туман-ага?...

Мавзолей, построенный Туман-ага в Шахи-Зинде, представляет собой одно из лучших мемориальных сооружений этого ансамбля. Его стиль явно отличен от обоих расположенных рядом мавзолеев XIV в., как и других строений в средней группе ансамбля, принадлежащих мавераннахрской школе зодчества и архитектурного декора. Но он близок к постройкам иранских мастеров (комплекс медресе — ханака Мухаммад-Султана у Гур-Эмира, мавзолей Шири-бика-ага в Шахи-Зинде). В мозаичной надписи на мавзолее Туман-ага сохранилось имя мастера — Шейх б.Мухаммад Ходжи Бендкари из Тебриза, а также приведена дата — 1405 г., т.е. строительство было завершено в год смерти Темура.

Отметим, что если купола построек мавераннахрских мастеров одинарные, на невысоких переходах, то в мавзолеех Ширин-бика-ага и Туман-ага они приподняты на высоких барабанах. В декоре же их — не резная терракота и майолики, а кашинные наборные мозаики. В интерьерах обоих мавзолеев — росписи синим по белому с изображением деревьев и кустов, аналогии которым дают миниатюры Ширазской школы. Это тема фирдауса — райского сада — обиталища праведных душ.

В помещении мечети Туман-ага характерны куполки, основанные на арках, и угловые паруса — прообраз будущих щитовидных парусов, которые получают распространение с 30-х годов XV в. Мечеть эта, закрывшая пространство напротив входа к могиле Кусамы ибн Аббаса, определила создание верхнего чартака Шахи-Зинды. Тогда же при входе из него к усыпальнице была установлена дверь, покрытая прекрасной резьбой с датой 1405 г. и именем иранского мастера Юсуфа Ширази.

⁶ Ф а с и х и. Указ.соч. С. 131; Бартольд В. В. Улугбек...С. 85.

⁷ Ф а с и х и. Указ.соч. С. 161—162.

⁸ Х а н ы к о в Н.Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С.116; П у г а ч е н к о в а Г. А. Страница из истории тимуридской культуры (мавзолей Гаухар-Шад в Кухсане)// Народы Азии и Африки. 1984. № 4. С. 129—135.

В числе более ранних построек Туман-ага была ханака. Для той эпохи специфичны два вида ханака: одни — скромные обители для странствующих дервишей, а другие, возводившиеся у мест погребения видных деятелей ислама, главным образом пиров — настоятелей орденов, — сооружались у мест собрания членов этих орденов, где свершались их радения и встречи. Здесь проводились собеседования на сложные темы, которые нередко привлекали и представителей городской элиты. Такой, например, была ханака шейха Садреддина в округе Герата⁹, глава которой славился своим красноречием и к чьим беседам стремилось избранное общество, в частности здесь нередко бывал А. Навои. После смерти Садреддина его похоронили рядом с ханакой. Среди самаркандских ханака особенно славилась ханака, возведенная Улугбеком на Регистане, купол которой, по словам Бабура, был одним из самых больших в мире. Рядом с ней находилась почитаемая могила имама Мухаммад ибн Джафар-Садыка. Несколько ханака XVI—XVII вв. при почитаемых могилах сохранились в Бухаре и Бухарской области.

Ханака Туман-ага принадлежала к категории элитных, коль скоро, по свидетельству историков, в ней останавливался сам Темур. В частности, он побывал в ней и в 1399 г., после возвращения из Индии, что дает указание на возведение ханака до этой даты. Позднее, по данным Шараф ад-дина Али Йезди, во время возведения в начале XV в. соборной мечети (так называемой мечети Биби-Ханым) Темур останавливался, чтобы проследить за ее постройкой, в расположенном напротив медресе Сарай-Мульк-ханым или в ханаке Туман-ага¹⁰, что указывает на ее сравнительно близкое расположение от места строительства.

Возведение ханака почиталось богоугодным делом, нередко осуществлявшимся правителями и знатью как свидетельство почитания духовенства. Выше уже отмечена ханака Улугбека в Самарканде. Позднее Навои возвел ханаку в комплексе Ихласие в округе Герата. Ханака Туман-ага была, очевидно, дарована ею в вакф. Известно также, что ею был передан в вакф участок в Самарканде между торговыми рядами медников, продавцов птиц, пирожников и продавцов верхней обуви — т.е. где-то на бойком месте, на одном из рынков города¹¹.

В отношении местонахождения ее ханаки еще в начале XX в. высказывалось предположение, что она размещалась где-то близ ансамбля Шахи-Зинда. В. Л. Вяткин даже принял за ханаку упомянутую выше поминальную мечеть у мавзолея Туман-ага¹². Но этому не соответствует не только архитектура самого здания, но и появление его значительно позже самой ханаки, выстроенной уже к концу XIV в.

---

⁹ Пугаченкова Г. А., Хакимов З. А. Ханака шейха Садреддина, малоизвестный памятник тимуридского времени в Афганистане // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 140—144.

¹⁰ Бартольд В. В. О погребении Тимура // Соч. Т. II. Ч. 2. С. 432—433.

¹¹ Чехович О. Д. Самаркандские документы XV—XVI вв. Ташкент, 1974. С. 271—272.

¹² Абу Тахир Ходжа. "Самария": Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда / Пер. В. Д. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VI. Самарканд, 1899. С. 250.

О возможности расположения ханаки близ Шахи-Зинды говорит, например, упомянутый выше эпизод: когда Темура по возвращении из Индии осуществил зиарат у погребения Кусамы ибн Аббаса, то он направился оттуда в ханаку Туман-ага, где принял также прибывшего к нему внука—Мухаммад-Султана. Относительно небольшие раскопки, проведенные к западу от мавзолеев Ходжа Ахмада (XIV в.) и Туман-ага (1405 г.), выявили следующую в западном направлении улочку и вдоль нее остатки каких-то мавзолеев — их стен, декора¹³. Не исключено, что где-то далее вдоль этой улочки окажутся и остатки ханаки, но выявить их — это уже дело будущего.

Между тем в вышедшей в 1996 г. книге П. Ш. Захидова "Архитектурное созвездие Темура" выдвинуто утверждение, якобы ханака Туман-ага — это та постройка, которую именуют мавзолеем Биби-Ханым.

Отметим, что еще в 50-е годы у мавзолея Биби-Ханым проводились археолого-архитектурные работы, в которых участвовал и П. Ш. Захидов, осуществивший тогда обмеры памятника. Позднее он написал о нем специальную статью именно как о мавзолее¹⁴, а теперь, коренным образом изменив свою точку зрения, объявляет, что это ханака Туман-ага.

Обратимся к историческим свидетельствам. Как мы уже отмечали выше, Шараф ад-дин Али Йезди писал, что для наблюдения за строительством мечети Темур останавливался то в медресе Сарай-Мульк-ханым, то в ханаке Туман-ага. Предполагать их существование в одном месте нереально. Показателем того, что так называемый мавзолей Биби-Ханым является именно мавзолеем, служит наличие в нем склепа с тремя захоронениями, которые, как показали археолого-антропологические вскрытия, были именно женскими. Разумеется, немислимо было бы сочетание ханаки с женскими захоронениями — это противоречило бы самим установкам суфизма, обряды и радения которого исключают всякое участие женщин. А потому мавзолей Биби-Ханым остается тем, чем его считали в народе, что показали и исследования памятника, — фамильным мавзолеем, созданным близ медресе Сарай-Мульк-ханым.

Что касается ханаки Туман-ага, то важное указание на ее местоположение дает эпизод, изложенный Абдураззаком Самарканди. В 1454 г. при осаде Самарканда один из военачальников занял эту ханаку и производил оттуда осадные работы¹⁵. А это значит, что ханака находилась вне городских укреплений, но недалеко от строившейся мечети Темура, т.е. где-то на Афрасиабе. Здесь ее и следует искать.

В заключение надо сказать, что строительная деятельность Туман-ага не была присуща только ей. Среди женщин из семьи Темуридов, осуществлявших строительство престижных зданий, следует назвать старшую жену Темура Сарай-Мульк-ханым, жену Шахруха Гаухар-Шад, жену Абу-Саида Хабиба-Султан-бегум, архитектурное наследие которых входит важным слагаемым в общую сокровищницу среднеазиатского зодчества эпохи Амира Темура и Темуридов.

¹³ Немцева Н. Б. и Шваб Ю. З. Указ. соч. С. 75—76. Рис. 93.

¹⁴ Захидов П. Ш. Темур даврининг меъморий. Архитектурное созвездие эпохи Темура. Architectural glories Temur aga. Ташкент, 1996. С. 60—61.

¹⁵ Бартольд В. В. О погребении Темура. С. 433.

ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ТЕМУРИДОВ В ШАХРИСАБЗЕ

На юго-восточной окраине Шахрисабза высятся руины монументального сооружения — мавзолея Хазрати-Имам. По средневековым литературным источникам М.Е.Массо́й определен, что в нем похоронен сын Темура Джахангир¹.

Если представить себе это отдельно стоящее здание, встроенное в пилон громадной арки, с шатровым остроконечным куполом, обозреваемым со всех сторон, то мавзолей кажется очень высоким. Если осматривать мавзолей изнутри, ощущение его высоты становится еще более явным.

В плане мавзолей почти квадратный (6,3х6,35 м), со стрельчатыми нишами со всех четырех сторон. Западная ниша по сравнению с остальными более глубокая — здесь устроен михраб.

Внутренний объем мавзолея представляет собой высокий параллелепипед. Верхнюю часть его венчает шестигранный барабан, завершающийся коническим шатровым куполом.

Г.А. Пугаченковой установлено, что мавзолей имел три купола: первый — наружный конический шатер, основанный на барабане с 16 ребрами жесткости внутри; второй — внутренний, конструктивный, стрельчатой формы, основанный на перспективных парусах, образованных 12 перспективно-смыкающимися арочками; третий — внутренний, декоративный, алебастровый, сохранившийся лишь частично на юго-восточном парусе и образующий здесь сложную сталактитовую поверхность над фризом с надписью.

По мнению Г.А. Пугаченковой, он держался по контуру силой сцепления, а выше как бы висел на заделанных в толщу кладки деревянных "пальцах", сохранившихся до сих пор. На вертикальных поверхностях стен частично сохранились следы росписи².

Обращают на себя внимание чрезмерная толщина южной стены мавзолея и наличие мощной круглой башни в северо-западном углу, чем нарушается симметрия общего объемного решения. Это было отмечено Б.Н. Засыпкиным³. На сохранившейся верхней грани южной стены заметен напуск нескольких рядов кирпичной кладки, как это делается для пят свода; сохранившаяся часть представляет собой

¹ М а с с о в М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке // Труды САГУ. Ташкент, 1953. С. 62.

² П у г а ч е н к о в а Г. А. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Саодат, тимуридской усыпальницы в Шахрисабзе // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1950. С. 62—63.

³ З а с ы п к и н Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии: Проблемы консервации и реставрации. М., 1927. С. 60—61.

массивный пилон какого-то большого здания с угловым минаретом, в середине которого помещен описанный выше столбообразный мавзолей.

Южный фасад — левая щека громадной порталной арки, уцелевшей лишь в своей вертикальной части. На поверхности стены частично сохранилась облицовка из кирпичной мозаики.

Западная часть стены южного фасада — пилястр шириной 2,15 м, выступающий от плоскости стены на 0,2 м. В углу между западным и южным фасадом встроена трехчетвертная колонна, прежде, возможно, оформленная в виде жгута.

Восточная часть южного фасада (ширина — 2,7 м) выступает вперед от плоскости стены на 0,25 м. Эта часть не имеет законченного края. Кладка сильно разрушена.

В конструкциях средней части стены хорошо сохранились следы разновременной кладки. Первая — восточная ее сторона имела по вертикальной оси две арки-ниши, расположенные одна над другой. Верхняя арка заложена заподлицо с поверхностью стены. Между аркой и закладкой заметна глубокая трещина.

Вся плоскость южного фасада, как и западного, была облицована глазурированной архитектурной керамикой с геометрическим орнаментом, основанным на системе диагонально поставленных квадратов. Плоскость внутри них заполнена куфическими надписями "Аллах". Часть из них исполнена голубыми глазурированными кирпичами, а другая — кирпичиками синими и голубыми.

Северный фасад мавзолея был обращен в сторону обширного двора, где сейчас располагается мечеть XIX в. Он также отличался высокохудожественной отделкой, сочетающей кирпичную мозаику с расписной майоликой. Его северо-восточный угол имеет богато оформленный вход в зиарат-хану, расположенный перед входом внутрь мавзолея.

Восточный фасад фактически не сохранился. Его остатки законсервированы на уровне цоколя.

В 28,5 м к востоку от мавзолея Хазрати-Имам расположен склеп, определенный первоначально как "склеп сына Темура Джахангира"⁴, хотя М.Е. Массон установил, что он был предназначен для захоронения самого Темура⁵.

Склеп был рассчитан на захоронение одного человека. Его размеры с учетом глубоких (1,5 м) ниш составляют 6,4х6,1 м. Центральный квадрат со срезанными углами равен 3,5х3,5 м. Пол склепа, его стены и перекрытие сплошь облицованы шлифованными каменными блоками из мраморовидного известняка. На поверхности стен, в архивольтах и четырех настенных медальонах имеются надписи коранического содержания, выполненные разновидностями "сульса". Потолок склепа сложен в виде пологого шатрового купола, в его квадратный плафон

---

⁴Гулямов Я. Г. Склеп Джахангира в г. Шахрисябзе // Известия АН Уз. Ташкент, 1949. № 2. С. 106.

⁵Массон М.Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Тимуре... С. 59—80.

вписаны последовательно меньшие по размеру квадраты. Последнее завершение не сохранилось. Но, судя по углам, образующим предшествующие квадраты, оно имело восьмигранную форму.

В центре склепа находится прямоугольный каменный саркофаг (2,5x1,4x0,73 м), перекрытый массивной плитой толщиной 0,11 м, по скошенному верхнему краю которой проходит полоса арабского текста с религиозной легендой.

В середине крышки саркофага имеется прямоугольное панно с необработанной поверхностью. По четырем углам и в середине сохранились металлические штыри.

В южной нише находится вход длиной 0,91 м, шириной 1,5 м. Спуск в склеп осуществляется с помощью ступеней, сделанных из крупных мраморных блоков, кроме верхнего.

По мнению М.Е. Массона, данный склеп по своей архитектуре и внутреннему убранству относится к наиболее уникальным и крупным памятникам такого типа в Центральной Азии⁶. Г.А. Пугаченкова считает его самым великолепным из склепов на мусульманском Востоке⁷.

Исходя из имеющихся научных данных, многие ученые едины во мнении, что эти памятники являются лишь фрагментами крупных архитектурных комплексов, восстановить которые возможно лишь путем сопоставления археологических и историко-архитектурных материалов.

С целью выявления остатков данного комплекса, в его северной и восточной частях были проведены широкомасштабные археологические раскопки, а также заложены разведочные шурфы. Толщина культурных слоев земли составила от 1,5 до 3 м. В результате раскопок установлено, что к так называемой зиарат-хане, расположенной с восточной стороны мавзолея Хазрати-Имам, примыкает коридор, ведущий со двора комплекса в сад, расположенный в северной части всего ансамбля. Длина коридора 11 м, ширина 2,5 м. Очевидно, перекрытие было сводчатым. Он был сложен из жженого квадратного кирпича. Фундамент стен коридора сложен из бутового камня и облицован известняковым мрамором. Восточнее коридора располагается неизвестный двухкамерный мавзолей со сторонами 2,5x4 м каждая. Он тоже имел сводчатые перекрытия. Возможно, первая камера служила зиарат-ханой, вторая — мавзолеем.

Восточнее указанного мавзолея находился довольно обширный айван (9x6,5 м). В отличие от ранее вскрытого мавзолея он не оформлен входной нишей, что говорит и об отсутствии входного портала. Мавзолей и айван имеют общую стену толщиной 1,4 м, также сложенную из жженого кирпича.

Далее к востоку вскрыта худжра размером 6,5x3 м. Входная часть оформлена порталом с нишей глубиной 1,9 м. Интерьер был перекрыт сводом.

---

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Пугаченкова Г. А. К вопросу о реконструкции... С. 66.

К восточной стороне худжры примыкал еще один мавзолей, состоявший из промежуточной камеры, к северу от которой через дверной проем располагалось маленькое помещение. Вход в мавзолей также оформлен входным порталом шириной 2,5 м, глубиной 1,9 м. Центральный зал — 4,5х3,9 м. Под полом вскрыт небольшой склеп, сложенный из жженого кирпича и перекрытый системой "балхи". Данных о принадлежности мавзолеев не обнаружено.

В 2 м восточнее описанного склепа вскрыт еще один мавзолей. В плане это восьмигранник со сторонами 8,5 м. Вход в мавзолей осуществлялся через коридор, расположенный в юго-восточной части и оформленный в свое время входным порталом. Данный портал и мавзолей располагались на северо-восточном углу всего комплекса. Глубина коридора — 4 м. Мавзолей состоит из двух камер (1,5х2,5 м), соединенных небольшим коридорчиком.

Примечательно, что во всех сторонах восьмигранника устроены ниши глубиной 1,2 м. Стены восьмигранника были облицованы известняковым мрамором, остатки которого сохранились в юго-западной и западной частях мавзолея.

В центре мавзолея под полом вскрыт склеп, сложенный из жженого кирпича традиционного формата. Склеп в плане почти квадратный, со сторонами 3,5х3,5 м. Не исключено, что кроме основного входа, мавзолей имел служебные входы с северной и восточной сторон.

Дальнейшие археологические раскопки проводились в зоне склепа, предназначенного для самого Темура.

В задачу исследования входили археологическое изучение всего склепа; выявление архитектурных остатков и планировочных особенностей надсклепного сооружения; определение взаимосвязи склепа Темура с Дорус-Саодат.

Археологические шурфы показали, что основание склепа находится на глубине 5,36 м от дневной поверхности. Наружные стены его сложены из бутового камня, а основание из жженого квадратного кирпича. Склеп по своей внешней форме — круглый, толщина стен с учетом внутренней облицовки — 1,25 м.

Склепы круглого плана в Центральной Азии встречаются редко. Так, в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде практически исследовано большинство мавзолеев XI—XV вв. Выявлены их планировочные и конструктивные особенности, однако наружные конструкции остались без внимания⁸. То же самое можно сказать и в отношении склепа в мавзолеех Гур-Эмир в Самарканде⁹, Ходжа Ахмада Яссави в г.Туркестане¹⁰, Гаухар-Шад в Герате¹¹ и др.

Очевидно, эти склепы были органически слиты с конструкцией мавзолея, чего не наблюдается в склепе Темура в Шахрисабзе. Его

⁸ Немцева Н. В., Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи-Зинда. Ташкент, 1979.

⁹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 119—120.

¹⁰ Массон М. Е. Мавзолей Ходжа Ахмада Яссеви. Ташкент, 1930. С. 16.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Термез, Шахрисабз, Хива. М., 1976.

особенность, в отличие от других, не только в беломраморной отделке, но и в конструктивной независимости от надсклепного мавзолейного сооружения. Такой строительный прием не встречался ни в более ранних, ни в более поздних памятниках архитектуры Центральной Азии. В этом методе строительного мастерства зодчих XIV в., очевидно, кроется "секрет" того, что склеп оказался целым и в первоначальном виде дошел до наших дней, хотя от надсклепного сооружения — мавзолея практически ничего не сохранилось, кроме остатков фундамента и пола мавзолея.

Изучение научных материалов показывает, что склепы с разными элементами планировочного и конструктивного решения в Центральной Азии и в Азербайджане имеются. Но совершенно точных аналогов склепу Темура в целом нет. Все перечисленные выше склепы имеют определенные сходства, но, как правило, намного уступают парадностью и внутренней отделкой склепу Темура. Общим для всех них является лишь крестообразный план.

Далее археологические раскопки показали, что над склепом располагался крестообразный в плане мавзолей площадью 7,5x7,5 м в центральном квадрате и с почти 2-метровыми глубокими нишами по всем четырем сторонам.

Западная ниша одновременно служила входом в мавзолей и была оформлена, судя по архитектурным остаткам, богато декорированным и хорошо развитым порталом. Его ширина равна 6,5 м при глубине около 2 м. Пилоны портала были облицованы мраморными плитами, а стены сплошь покрыты резной мозаикой и поливной майоликой. Свод был оформлен сталактитами, а также резной мозаикой и позолотой.

При обследовании остатков интерьера мавзолея Темура нами было обращено внимание на узенькую изразцовую ленту шириной 9 см, которая начиналась у самого входа в лестничный коридор склепа на уровне пола в кладке стены и уходила на юг от ступенчатой лестницы. Дальнейшие раскопки показали, что здесь располагалось крестообразное в плане помещение с нишами по всем сторонам глубиной до 1 м. Стороны центрального квадрата — 4,5 м. Пол данного помещения на 0,25 м ниже уровня пола мавзолея Темура. Возможно, верхняя кладка пола была выбрана.

Оси мавзолея Темура и вновь вскрытого по линии север — юг точно соответствуют оси усыпальницы. В южной нише мавзолея Темура был устроен проем, ведущий в описываемый мавзолей.

Под полом этого мавзолея также был сооружен склеп. В плане это восьмигранник, сложен из жженого квадратного кирпича. Стены склепа сохранились на высоту 0,7—0,8 м. Стороны восьмигранника равны 1,25 м при общей ширине 3,25 м. Захоронение в склепе отсутствует.

Учитывая, что архитектурные памятники эпохи Темура и Темуридов имели строгую синхронность, было решено произвести археологические раскопки к северу от мавзолея Темура. Как показали результаты исследований, и в данной части ансамбля, точнее между описанным выше восьмигранным мавзолеем, расположенным в углу

изучаемого архитектурного комплекса, и мавзольем Темура, имелось еще одно крестообразное в плане помещение. Центральный квадрат его равен 5 м с неглубокими (0,7 м) нишами по сторонам. Функциональное назначение данного культового помещения пока не определено, возможно, оно также служило мавзольем. Оба вскрытых мавзолея были, как и сам мавзолей Темура, оформлены входными порталами и богато декорированы. Они образуют восточный, главный дворовой фасад ансамбля Дорус-Саодат. Все описанные мавзолеи, расположенные в восточной и северной частях ансамбля, входили в единый архитектурный комплекс и возводились по заранее разработанному плану.

Чтобы убедиться в том, что здесь действительно функционировал огромный архитектурный культово-мемориальный комплекс, были произведены археологические раскопки южнее мавзолея Хазрати-Имам, на месте предполагаемого главного входа портала ансамбля Дорус-Саодат. В результате установлено, что непосредственно к южной стене мавзолея Хазрати-Имам примыкает пол, выложенный из блоков красного песчаника. Вся площадь порталного проема была разделена на соответствующие квадраты и прямоугольники. Края их обрамлены белокаменными блоками, отчего прекрасно читаются. В юго-восточном углу мавзолея вскрыты остатки щипцовой стены портала и входной коридор, ведущий с улицы во двор комплекса. Щипцовая стена с западной и восточной сторон была оформлена суфой, возвышающейся над уровнем дневной поверхности на 0,4 м. Западная ее часть, более парадная, облицована мраморовидными блоками. Восточная, дворовая, выложена квадратным кирпичом. Между ними, очевидно, существовала перегородка в виде декоративной панджары. Панели щипцовой стены и коридорчика, ведущего во двор Дорус-Саодат, были облицованы резными каменными блоками, причем почти каждая плоскость панели имеет определенную композицию орнамента в виде крестообразной розетки с закругленными, обращенными внутрь углами. В середине их высечена четырехлучевая звездочка.

Поверхность каменных панелей сохранилась плохо, местами имеет разрушения и легко отслаивается. На щипцовой стене сохранились панели и с другим орнаментом. Их композиция построена на основе 12-конечной звезды. На торце пилона, обращенного к коридорчику, сохранились плиты с орнаментом из 16-конечных звезд. Все они заключены в прямоугольную рамку. Панели с аналогичным орнаментом хорошо сохранились в зиарат-хане мавзолея.

На расстоянии 10,15 м к югу от мавзолея Хазрати-Имам на полу выстилки в направлении запад — восток проходит осевая линия порталного проема (вымощенная белыми мраморными блоками), условно делящая его на две пропорциональные части. Северная часть сохранилась без повреждений, южная — частично. Определение осевой линии позволяет сейчас с большой точностью установить ширину проема арки портала Дорус-Саодат — 20,3 м, что всего на 1,7 м меньше пролета арки дворца Ак-Сарай и больше, чем у всех известных для данного периода памятников архитектуры Центральной Азии.

Полученные данные подтверждают, что в юго-восточной четверти г. Кеш, там, где по данным средневековых историков, находилась "внутренняя медина", Темуром был построен громадный культово-мемориальный комплекс, получивший название Дорус-Саодат.

Главный вход состоял из крупной порталной группы (60 м), что ставит его в один ряд с темуридским дворцом Ак-Сарай¹², мечетью Биби-Ханым¹³, мечетью Калян¹⁴, мавзолеями Ходжа Ахмеда Яссави в Туркестане и Сарай-Мульк-ханум в Самарканде¹⁵.

Остатки щипцовой стены, выстилка пола южнее северного пилона, внутри которого располагается так называемый мавзолей Хазрати-Имам, и, главное, сохранившаяся разбивочная осевая линия из белого мрамора, убедительно свидетельствуют о наличии в прошлом второго пилона. Очевидно, он был аналогичен сохранившемуся, имеющему внутри столбообразное сооружение. Осевая линия из белокаменных блоков, разделяющая порталный проем на две равные части, как архитектурный декор в средневековом зодчестве Центральной Азии отмечена впервые.

Вместе с тем надо сказать, что части западной панели и углового выступа южного фасада носят иной характер, чем панель пилона и часть южной стены. Это говорит не о одновременности строительства Дорус-Саодат и его пештока, а о одновременности оформления нижних частей здания, связанной с изменением в ходе возведения как мавзолея Джахангира, так и оформления входа в Дорус-Саодат. По свидетельству источников того времени, Темур имел обыкновение контролировать все исполняемые по его приказу мероприятия, тем более когда дело касалось строительства зданий. Не исключено, что и в данном случае мастера и зодчие проводили переделки по его замечаниям. По свидетельству Шараф ад-дина Али Йазди, портал мечети Биби-Ханым, который был построен в отсутствие Темура, показался ему низким и небольшим. Последовало высочайшее распоряжение разрушить портал и устроить его обширнее и выше¹⁶.

То же самое засвидетельствовал Клавихо, сообщающий, что по окончании строительства мечети Биби-Ханым царь остался недоволен передней стеной, которая была слишком низкой, и приказал ее сломать¹⁷.

Вероятно, нечто подобное произошло и в период строительства Дорус-Саодат. По данным Клавихо, и там по приказу Темура производились работы по переделке дверей¹⁸.

---

¹² М а с с о н М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Шахрияба при Тимуре...

¹³ Р а т я Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым. М., 1950. С. 83.

¹⁴ G o l o m b e k L. The Timurid shrine at Gazur-gah. Toronto, 1969. P. 133.

¹⁵ М а н ь к о в с к а я Л. Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. I. Ташкент, 1962. С. 92 — 94.

¹⁶ Ш а р а ф а д - д и н А л и Я з д и. Зафар-наме. Ташкент, 1972. С. 15 а, б.

¹⁷ К л а в и х о Р у и Г о н с а л е с д е. Дневник путешествия ко двору Тимура/Перевод Селезнева. СПб., 1880. С. 319.

¹⁸ П у г а ч е н к о в а Г. А. Термез, Шахрияба, Хива. С. 70.

В процессе исследования нами не установлены факты перестроек здания или его отдельных частей, поэтому, возможно, свидетельство Клавихо относится именно к входному portalу Дорус-Саодат. Переделка нижних частей здания повлекла за собой и переделку щипцовой стены северного пилона, а в результате южная сторона мавзолея была вторично облицована поверх имевшейся облицовки. Но так как здесь уже отсутствовала связь с первоначальной конструктивной стеной, то, естественно, спустя некоторое время, а возможно и после землетрясений, последний облицовочный слой начал отпадать.

Нами установлено, что вход во двор Дорус-Саодат, подобно входам в многочисленные здания этого типа, закрывался ажурной панджарой или воротами для зрительной изоляции. Прямые боковые проходы вели в обширный, близкий к квадрату, двор. Аналогичного типа вход имеется в зданиях того же периода — медресе Мухамеда Султана в Самарканде¹⁹, мавзолее Ходжа Ахмеда Яссави в Туркестане²⁰.

На оси запад — восток располагалось главное сооружение всего комплекса — мавзолей Темура с четко выраженным и богато декорированным порталом, обращенным на запад, ко двору.

По данным раскопок, мавзолей — квадратный в плане (7,5х7,5 м) с глубокими (1,8 м) нишами по всем четырем сторонам. Его интерьер, судя по находкам, был расписан лазурью и позолотой. Этот зал, подобно мавзолее Гур-Эмир, вероятно, служил и зиарат-ханой. Мавзолей Темура, расположенный на востоке дворового фасада ансамбля, не был единственным — южнее его располагался другой, ранее неизвестный, крестообразный в плане мавзолей, а к северу находилось еще одно подобное здание, функции которого нуждаются в определении.

Таким образом, весь комплекс Дорус-Саодат представляет собой архитектурный ансамбль с замкнутой (28 х 28 м) дворовой планировкой со скошенными углами; с северной и восточной стороны его шли ряды двух- и однокамерных мавзолеев с продольно-осевой структурой. На главной оси—запад—восток находился мавзолей самого Темура, на северной—айван. В северо-восточном углу комплекса располагался восьмигранный мавзолей. Имеет ли ансамбль зеркальное повторение своего плана на южной половине, — покажут археологические раскопки в дальнейшем.

Композиции продольно-осевых комплексов известны давно. Л. Ю. Маньковская связывает их распространение в XI — XII вв. с культом святых в исламе. Образование разнообразных суфийских сект и дервишеских орденов привело к усложнению структуры мавзолеев, блокировке их между собой, со специальными поминальными мечетями (зиарат-хана) или входными помещениями. Усложнение функций, в свою очередь, дало толчок к образованию серии новых

---

¹⁹ Маньковская Л. Ю. К изучению... С. 92 — 95.

²⁰ Маньковская Л. Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX — XIII вв. Ташкент, 1983. С. 40.

пространственных композиций, решающих новые задачи со множеством соответствующих форм, подходящих к данному конкретному случаю²¹.

К более ранним многокамерным мавзолеям с продольно-осевой структурой можно отнести мавзолей Буян-Кули-хана²². Позднее этот тип мавзолеев получает распространение и в Ферганской долине. К ним относятся двухкупольные мавзолеи XV—XVI вв. Бустан-Бува и Биби-Бувайда²³.

Ранние образцы многокамерных мавзолеев мы встречаем и в Хорезме; к ним относится мавзолей Наджим-ад-дин ал-Кубра. Наиболее близким аналогом, предшествующим Дорус-Саодат, был некрополь Султан-Саодат в Термезе²⁴.

Примечательно, что в Дорус-Саодат, подобно некрополю Султан-Саодат, на главном фасаде устроены мавзолеи по сторонам громадной входной арки.

Близким по типу к Дорус-Саодат является хазира Абдаллаха Ансари в Афганистане. Это сооружение, как отмечает Л. Голомбек, построено на месте домонгольского медресе в виде монументального здания дворового типа с мечетью, общественным залом и худжрами по сторонам двора. Двор, ограниченный кирпичной оградой, замыкается крупным зданием с порталом, обращенным во двор, перед которым установлена дахма, принадлежащая Абдаллаху Ансари²⁵. По нашему мнению, это сооружение послужило исходной точкой для зодчих, строивших царские некрополи.

Но кульминацией развития подобных сооружений стали темуридский некрополь Дорус-Саодат в Шахрисабзе и усыпальница Ходжа Ахмеда Яссави в Туркестане.

---

²¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 72 — 73.

²² Азимов И. М. Мавзолей Биби-Бувайда в Ферганской области // Сб. науч. тр. ТашПИ им. Беруни. Вып. 159. Ташкент, 1977. С. 112.

²³ Маньковская Л. Ю., Булатова В. А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978. С. 75 — 78.

²⁴ Пугаченкова Г. А. Новые материалы по архитектуре ансамбля Султан-Саодат // САУ. 1965. № 9. С. 39 — 41; Хакимов З. А., Шваб Ю. З. Султан-Саодат // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. IV. Ташкент, 1969. С. 25 — 30.

²⁵ Голомбек Л. Указ. соч. С. 139, 208.

К. С. КРЮКОВ

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДВУХ УСЫПАЛЬНИЦ МЕДРЕСЕ ДОРУТТИЛОВАТ В ШАХРИСАБЗЕ

Большинство публикаций различных авторов по архитектурному комплексу Доруттиловат (вместилище чтецов Корана) детально проанализированы М. Е. Массоном, уточнены и дополнены его собствен-

ными исследованиями¹.

По его данным, на месте соборной мечети Шахрисабза существовала мечеть, которая была построена до правления Амира Темура.

Шейх Шемс-ад-дин Куляль (ум. 28 ноября 1370 г.) был похоронен в мавзолее, построенном на оси з.—в. соборной мечети с восточной ее стороны. Смерть шейха, духовного патрона амира Тарагая (ум. 31 октября 1360 г.), подтолкнула Амира Темура к перезахоронению своего отца в более почетном месте. Амир Тарагай первоначально был похоронен в сел. Ходжа Илгор, в усыпальнице рода барласов. С южной стороны усыпальницы шейха Шемс-ад-дина Куляля по указанию Амира Темура в 1373/74 г. возвели новый купольный мавзолей с перенесением туда праха амира Тарагая, положенного в ногах его духового пира.

Произведенный М.Е. Массоном перевод надписи на четверике стен мавзолея Гумбазы Сейидан имеет следующее содержание: "Повеление сооружения этой усыпальницы (макборат) 'потомков благословенного султана, великого ученнейшего и...превосходнейшего из (султанов?)...в законе и знании...религии и веры, Улугбек Куроган, да продлит Аллах всевышний его царствование и его султанство, в месяцы лунные года 841 (хиджры)", т.е. в 1437/8 г.² Таким образом, пишет М.Е. Массон, Гумбазы Сейидан является не мавзолеем термезских сейидов, а одной из усыпальниц династии Темуридов, и здание было построено Улугбеком для своих потомков в 1437 г.

Мы полагаем, что до усыпальницы "потомков Улугбека" на этом месте существовал мавзолей амира Тарагая, построенный по указанию Амира Темура.

Х.Т. Султанов привел уточненный перевод надписи на стенах мавзолея, именуемого "Гумбазы Сейиди": "Повелел соорудить этот мавзолей, именуемый "Авлад ал-Мубарак" (т. е. Благословенные потомки)". По нашему мнению, новый перевод не меняет смыслового содержания — мавзолей "потомков благословенного султана" или "Благословенных потомков". И в том, и в другом текстах подразумевается династическая усыпальница Темуридов, проживавших в Шахрисабзе.

Когда Улугбек приступил к полной реконструкции (или строительству) мавзолея Тарагая, в нем, видимо, уже были захоронены представители шахрисабзской знати, которых могли именовать и сейидами. Называет же Мухаммад Бади Малихо Улугбека хаканом сейид шахидом.

Сейид переводится с арабского как господин, глава племени, человек, выдающийся своими личными качествами, имуществом или происхождением. В Иране, Афганистане, Пакистане, Индии, Ираке это почетный титул лиц, ведущих свое происхождение от Мухаммада, через его внука Хусайна, а потому они имеют право носить чалму зеленого цвета. А вообще-то в странах Среднего Востока в средние века сейидами называли всех представителей местной знати, независимо от их происхождения⁴.

¹ М а с с о н М.Е., П у г а ч е н к о в а Г.А. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке // Труды САГУ: Археология Средней Азии. Гуманитарные науки. Кн. 6. Ташкент, 1953. С.50—55.

² Там же. С.64.

³ С у л т а н о в Х. Т. К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV—XV вв.: Автореф. канд. дис. Самарканд, 1990. С. 12.

⁴ ВСЭ. Вып. 2. Т. 38. С. 380.

В 1435—1438 гг. по указанию Улугбека была произведена реконструкция всего комплекса медресе Доруттиловат — полностью перестроена соборная мечеть, заново построен мавзолей амира Тарагая, реконструирована усыпальница шейха Шемс-ад-дина Куляля. Результаты нашего анализа построения и пропорциональности архитектурных форм медресе Доруттиловат опубликованы ранее⁵.

Здесь нам хотелось отметить следующее.

М.Е. Массон писал по поводу захоронения амира Тарагая: "Вероятно, это не был изолированно стоящий мавзолей и скорее всего, что гурхана отца Темура представляла собой одно из помещений здания, упоминаемого позднее под названием Доруттиловат, или медресе Доруттиловат"⁶.

Анализ архитектурных форм монументальной застройки комплекса у соборной мечети показал, однако, что медресе Доруттиловат с художниками в период строительства мавзолея Шемс-ад-дина Куляля еще не было, ибо мавзолей строился как отдельно стоящее здание с художественным оформлением боковых фасадов декоративными аркатурами и порталом, обращенным к portalу соборной мечети. Сведение в единое архитектурное целое соборной мечети, мавзолея шейха и усыпальницы амира Тарагая с пристройкой худжр и образованием внутреннего двора могло произойти не ранее предпринятой Улугбеком строительной деятельности.

Сложение комплекса медресе с внутренним двором не было подчинено единому архитектурному замыслу, медресе складывалось постепенно.

Возможно, усыпальница Тарагая была слишком скромной, либо же мавзолей получил значительные разрушения, что и побудило Мирзо Улугбека возвести на месте гурханы Тарагая мавзолей, предназначенный для потомков Улугбека.

По поводу захоронения Тарагая представляет интерес сообщение Мухаммада Бади Малихо (XVII в.): "Мечеть джума-доре имеется, основанная хаканом сейид шахидом Мирзо Улугбеком. Могила хазрета шейха Куляля около нее. И около нее медресе, именуемое Доруттиловат. Гурхана эмира Тарагая в том медресе"⁷.

Следует обратить внимание на то, что Бади Малихо из комплекса медресе Доруттиловат называет лишь соборную мечеть, мавзолей шейха и гурхану Тарагая, но даже не упоминает усыпальницу Гумбази Сейидан, в которой, надо полагать, находилась гурхана амира Тарагая.

После проведенной Улугбеком реконструкции мавзолей отца Амира Темура стал одной из усыпальниц Темуридов. Вероятно, один из первых исследователей Шахрисабза, А.Л.Кун действительно мог видеть в так называемом Гумбази Сейидан и плиты над могилой амира Тарагая, и захоронения сейидов XV—XVI вв⁸.

⁵ К р ю к о в К. С. Пропорции в архитектуре (Анализ памятников древнего Египта, Греции, Рима, Центральной Азии). Ташкент, 1995. С. 150—157.

⁶ М а с с о н М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Указ. статья. С. 53.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ К у н А. Л. Очерки Шахрисабзского бекства// ЗРГО по отделу этнографии. Т. VI. СПб., 1880. С. 201—238.

Таким образом, анализ всего изученного материала показывает, что мавзолей Шемс-ад-дина Куляля находится напротив главного входа в мечеть Кок-Гумбаз, а с южной стороны к этому мавзолею Амиром Темуром была пристроена усыпальница его отца, позднее реконструированная Улутбеком.

И. АЗИМОВ

ВЗАИМОВЛИЯНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ УЗБЕКИСТАНА И ИНДИИ В ЭПОХУ ТЕМУРИДОВ

Как известно, Амир Темур оставил после себя весьма продолжительную династию. Его потомок Бабур, будучи праправнуком Мираншаха — одного из сыновей Темура, в XVI в. основал обширное государство, включавшее территории Ферганской долины, Афганистана и Северной Индии¹. В историческую литературу оно вошло как государство Великих Моголов, или Бабуридов.

Пятнадцать поколений потомков Бабура прожили в Северной Индии на протяжении 332 лет². Среди них заметный след в истории этой страны оставили Шах Жахон (1627—1658 гг.), Аурангзаб (1658—1707 гг.), Акбар II (1837—1858 гг.) и др. По существу все они представляли новую ветвь Темуридов, которая просуществовала в Индии до середины XIX в., т.е. до полного захвата страны англичанами³.

Бабур и его потомки уделяли много внимания благоустройству городов, способствовали созданию садов и парков, крупных зданий различного назначения.

Именно в XVI в. наиболее ярко проявляются взаимовлияния в архитектуре Узбекистана и Индии. Вместе с тем следует отметить, что эти контакты уходят в глубь веков. Это видно уже по памятникам эпохи Кушан (I—III вв. н.э.), затем периода развитого и позднего средневековья. Содружество зодчих двух стран продолжается и в наши дни. Чтобы убедиться в этом, проследим развитие градостроительства и архитектуры Индии и Узбекистана в хронологическом порядке.

В период расцвета Кушанского государства на территорию Центральной Азии из Индии проник буддизм, который наложил отпечаток на развитие культового зодчества и формирование городов той поры⁴. С ростом их количества заметно увеличивались площади и плотность застройки. В их структуре выделялись цитадель, город и пригород. Они становились центрами идеологической жизни, где концентрировались культовые здания, которые под влиянием местных строительных традиций обретали новые формы, конструктивные и композиционные решения.

¹ Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1993. С. 464.

² Хафиз Таныш Вухарн. Абдулла-наме. Т. II. Ташкент, 1969. С. 356.

³ Ашрафян К. З. Дели: история и культура. М., 1987. С. 203.

⁴ Литвинский Б. А. Кушанский город в Средней Азии и Индии // Народы Азии и Африки. 1979. № 3.

Процесс урбанизации наблюдался и в индийской части государства, чему способствовали развитие производства и транзитная торговля⁵. Согласно индийским трактатам, города делились на секторы и блоки, окруженные стеной, которые имели собственные водоемы, святыни и храмы, посвященные локальным божествам⁶. Невольно вспоминаются гузары и махалля средневековых городов Узбекистана⁷. Сравнение древнеиндийских (Сиркап, Сирсух) и средневековых центрально-азиатских городов (Бухара, Ташкент) выявляет их близкий параллелизм. По предположению специалистов, в кушанское время города Центральной Азии (Халчаян, Топраккала) тоже имели квартальное членение, причем локальные общины играли в жизни поселений заметную роль⁸.

Как свидетельствуют письменные источники, в Центральную Азию для оформления буддийских сооружений приезжали индийские мастера, а некоторые элементы центральноазиатского зодчества проникали в Индию⁹. В результате происходит синтез индийских и бактрийских традиций. На формирование облика городов обеих стран серьезное влияние оказывали буддийские культовые постройки, которые в значительной степени определяли силуэт города.

Судя по археологическим материалам (золотые бруски из Дальварзина, находки в Термезе), жители центральноазиатских городов владели древнеиндийской письменностью кхарошти¹⁰. В то же время в Индии проживали выходцы из Бактрии, о чем свидетельствуют надписи из Таксилы¹¹. В Индии и Центральной Азии параллельно использовался санскрит, что подтверждает единство культуры письменности уже в ту пору.

В Индии различные группы населения, в частности ремесленники одной специализации, селились в строго определенных районах города¹². Жилище служило им также мастерской, а смежно размещались торговые лавки. Такова, скажем, планировка в Таксиле. Подобное расселение и связь жилья, мастерских и лавок для сбыта зафиксированы и в городах Центральной Азии (Топраккала, Мерв, Бухара)¹³. Соответственно специализации назывались кварталы и торговые сооружения; например, в средневековом Ташкенте или Бухаре: укчи (изготови-

---

⁵ Д а н и А., Х а н Ф. Кушанская цивилизация в Пакистане. Пешавар, 1974 (на англ.яз.).

⁶ А р т х а ш а с т р а / Пер. с санскрита. Изд. подготовил В.П. Кальянов. М.; Л., 1959.

⁷ С у х а р е в а О. А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары. М., 1967; Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. В., Б о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

⁸ П у г а ч е н к о в а Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966; Т о л с т о в С. П. Древний Хорезм. М., 1949.

⁹ Ф у ш е А. Греко-буддийское искусство Гандхары. Париж, 1922. С. 33 (на франц.яз.); Л и т в и н с к и й Б. А., З е й м а л ь Т. И. Аджина-тепа. М., 1971.

¹⁰ Р т в е л а д з е Э. В., Л и в ш и ц В. А. Памятники древней письменности. Ташкент, 1985.

¹¹ В о р о б ь е в а - Д е с я т о в с к а я М. А. Новые надписи письмом кхарошти из Термеза // Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 118—120.

¹² М а р ш а л л Д. Таксила. Кембридж, 1951.

¹³ К о ц у р и с К., Б у р я к о в Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гаур-кала // Труды ЮТАКС. Т. XIII. Ашхабад, 1962.

тели стрел), такачи (изготовители подков), заргарон (ювелиры) и т.д. Таким образом, и здесь при расселении учитывалась специализация ремесленников.

При возведении буддийских культовых комплексов важное место занимают ступы — места хранения реликвий. Таковые имеются в индийском городе Сиркап и монастыре Фаязтепа в Сурхандарьинской области. По нашим наблюдениям, они идентичны по форме и размерам, отличаются лишь строительным материалом: в первом случае ступа построена из местного известняка, во втором — из сырцового кирпича. И скульптурное оформление буддийских построек на территории Узбекистана и Индии (храм в Куве, святилище в Старом Термезе, монастыри Гандхары) не вызывает сомнений в культурных связях представителей этого вида искусства¹⁴. Техническое и художественное развитие различных отраслей центральноазиатского ремесла, включая архитектуру и монументально-декоративное искусство, отражает их весьма высокий уровень.

Названные кушанские города Центральной Азии и Индии, их структура, планировка и особенности расселения показывают наличие единства строительных традиций.

Возможно, центрическая композиция жемчужины зодчества X в. — мавзолея Саманидов в Бухаре послужила прообразом для усыпальниц Мухаммада Адил-шаха в Биджапуре XVII в., Махмуд-шаха в Манду XV в., где кубический объем с угловыми башнями и арочной галереей по периметру здания перекрывает полусферический купол¹⁵. Своеобразна и уникальна декоративная кладка в бухарском памятнике, придающая ему легкость и величие. При единстве объемной композиции индийский памятник отличается более монументальными размерами и формами угловых башен, исполненных в местных традициях.

Еще один яркий аналог — минарет в Джаркургане начала XII в. и Кутуб минар в Дели конца XII в. По мнению исследователей, джаркурганский минарет, представляющий собой 16 полуколонн, объединенных в единую композицию, мог служить прообразом для индийского минарета. Кутуб минар возведен позже джаркурганского минарета и сохранность его лучше, ибо он неоднократно реставрировался. Это пятиярусное сооружение (высота — 72 м, диаметр в основании — 14 м) возведено из красного песчаника. Он может служить образцом при восстановлении объемной композиции минарета в Узбекистане. Позже, в XVII в., аналогичная композиция нашла воплощение в другой постройке в Дели — Хэштсэл минар. К сожалению, он, как и джаркурганский минарет, сохранился лишь частично. Во всех упомянутых постройках поражают виртуозность, высочайшее мастерство зодчих, исполнивших фигурную кладку минаретов.

Красива объемная композиция, именуемая чор-минар. Она нашла свое отражение в Бухаре (дарвозахана с библиотекой в медресе Халифа Ниязкула), в Хайдарабаде (ворота города), в суфийском центре штата

---

¹⁴ Будатова-Левина В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972; Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М., 1982; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.

¹⁵ Воронина В. Л. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги // Архитектурное наследие. М., 1985. № 33. С. 191—197.

Бихар (дарвозахана мемориального ансамбля) и т.д. Эти постройки имеют по четыре минарета, сквозной проход и используемые помещения над ним. Если в бухарском памятнике архитектура решена в глухих формах, то в индийских постройках в Хайдарабаде легкая арочная верхняя часть контрастирует с упрощенными формами нижнего яруса, а в суфийском центре дарвозахана имеет очень стройные пропорции с многоступенчатыми изящными минаретами. В названных памятниках заложена единая объемно-пространственная идея — чор-минар.

Испытанная и проверенная временем конструкция двухслойных куполов с жесткими диафрагмами, получившая развитие в темуридских постройках Самарканда (Гур-Эмир, Туман-ага, Чупан-ата), нашла воплощение и в средневековых сооружениях Индии (в мавзолеях Тадж Махал в Агре, Сабз Бурдж в Дели). В углах подкупольных пространств в обеих странах широко использовались наряду с щитовидными и сетчатые паруса (в Бухаре хонако Файзабад, медресе Кукельдаш, в Дели мавзолее Хумаюна, в Агре мавзолее Акбара). То есть конструктивные приемы средневековых зодчих Индии и Узбекистана были едины. В отличие от сфероконических куполов памятников Узбекистана, индийские постройки нередко перекрыты куполами луковичной формы (в Дели мечеть Джамии, мавзолее шейха Низамуддина), что придает им большую выразительность.

Самобытно развивалась архитектура в государстве Бабура, когда продолжала внедряться идеология ислама. Соответственно на территории Индии возводились общественные и культовые постройки, характерные для мусульманского мира, — монументальные мечети, минареты, усыпальницы и т.д.¹⁶ Их объемно-пространственные композиции, конструктивные решения, декоративные приемы и пропорциональный строй перекликаются с постройками того же рода на территории Узбекистана.

Сходны симметричные прямоугольные планы монументальных соборных мечетей Самарканда, Бухары, Ахмадабада, Дели с замкнутыми дворами, куда обращены многоколонные галереи (Биби-Ханым, Калян, Джамии). Выделяется единый прием в устройстве стройных минаретов, фланкирующих углы зданий в культовых постройках Узбекистана и Индии (мечети Биби-Ханым в Самарканде, Джамии в Дели, ворота к усыпальнице Акбар-шаха в Сикандре).

В декоративном убранстве средневековых памятников обеих стран использовались майолика, мозаика, резное дерево и расписной ганч. В отделке зданий выделяются растительные и геометрические орнаменты, переплетающиеся с монументальной эпиграфикой. В этом сказалось влияние идеологии ислама, которая приветствует изображение садов, цитаты из Корана, написание стихов и хадисов. Примечательно, что в ряде памятников Индии отделка исполнена в оригинальной технике инкрустации по мрамору из цветных камней. Это редкая и очень трудная техника украшения. Тончайшая работа художников весьма эффектна.

Особую страницу в истории искусств рассматриваемых стран представляет садово-парковая культура. К сожалению, на территории

---

¹⁶ А ш е р К. Архитектура могольской Индии. Кембридж, 1992 (на англ. яз.)

Узбекистана не сохранились великолепные сады, описанные в источниках и запечатленные на средневековых миниатюрах¹⁷. В Индии же они бережно сохраняются и используются по сей день. Это красивейшие парки при мемориальных комплексах Тадж Махал в Агре, Сафдар Джанд в Дели, Рабика Даурани в Аурангабаде и т. д. Зеленые партеры со стриженными кипарисами и стройными пальмами, с каналами и фонтанами, экзотическими птицами и животными составляют неотъемлемую часть индийских парков.

Геометрический анализ пропорций памятников архитектуры Узбекистана и Индии позволил определить, что зодчие этих стран использовали идентичные методы, основанные на модульной сетке, золотом сечении и египетском треугольнике. К примеру, планы делийского ансамбля Кувват уль Ислам и бухарской мечети Калян построены на основе пропорций золотого сечения. Другой пример: модулем для вертикальных расчетов в мавзолеях Тадж Махал и Гур-Эмир послужил диаметр подкупольного пространства¹⁸.

Таким образом, явно вырисовывается целый ряд точек соприкосновения в творчестве средневековых зодчих Узбекистана и Индии, которые свидетельствуют об их контактах, заимствовании лучших достижений архитектуры обеих стран.

---

¹⁷ Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. 23. Ташкент, 1951; Булатов М. С. Сады и парки Темура и Темуридов // Маскал. Ташкент, 1993. № 1, 2.

¹⁸ Брюков К. С. Пропорции в архитектуре. Ташкент, 1995.

О.А. ПАПАХРИСТУ

ДОСПЕХИ ВОИНА ИЗ ЦИТАДЕЛИ АМИРА ТЕМУРА

В 1988 г. сотрудниками Института археологии АН РУз Э.Ю. Буряковой, Т. И. Лебедевой и А. В. Елдзаровой были произведены археологические наблюдения стратиграфических наслоений и раскопки в юго-восточной части цитадели Амира Темура в Самарканде в связи со строительством там современной гостиницы "Кук-Сарай". Археологами были открыты остатки жилого дома конца XIV—XV в., в полуподвальном помещении которого обнаружены детали железного доспеха тяжеловооруженного воина-всадника.

Остатки доспеха зафиксированы в виде скопления большого количества пластин из "железа" квадратной (5x5,5 см), круглой (диаметром 4—5,5 см), овальной (3x4,5; 4x6 см), ромбической (4x7,3 x3 см) и неправильной четырехугольной формы, прикрепленных железными или бронзовыми заклепками к кожаной основе с матерчатой прокладкой. Другая часть пластин в слое располагалась вертикально, наклонно и плашмя, повторяя контуры складок брошенной в угол попоны лошади. Рядом обнаружены две крупные нагрудные пластины сердцевидной формы (17x17,5; 15,5x18 см), налобная пластина (24 см), значительное количество фрагментов деталей конской сбруи (фрагменты стремени арочного контура, фрагменты удил), плоские железные наконечники стрел листовидной (5 см) формы; четырехгранные наконечники, фрагменты кольчуги, мелкие пряжки, кольца, гвозди и масса заклепок.

По краю разброса деталей доспеха в юго-восточной части помещепил археологи обнаружили костяные накладкн колчана с резным геометрическим орнаментом и прорисовкой резьбы черной и красной красками; на двух фрагментах сохранилось изображение оленей¹.

Как полагают Т. И. Лебедева и К.А. Касимова, "большая часть железных предметов изготовлена методом послойнойковки, поэтому в результате длительного пребывания в земле они подверглись сильной коррозии и имели рыхлую структуру. Часть панцирных пластин расслоилась и распалась на мелкие фрагменты..."²

Из описанных выше материалов нами было отобрано два наиболее сохранившихся фрагмента пластин доспеха, имевших металлические зоны, достаточные для проведения металлографического исследования, которое было осуществлено в металлографической лаборатории на кафедре технологии металлов Курганского машиностроительного института доктором техн. наук, проф. Ю. Г. Гуревичем.

После полировки образцов пластин доспеха поверхность шлифов покрывается защитной пленкой. Кристаллическую структуру длительным травлением 3%-ным раствором азотной кислоты выявить не удалось.

Под микроскопом (с увеличением в 200 раз) на шлифах отмечается слоистое строение материала, полосы располагаются в продольном направлении. Гомогенные зоны чередуются с гетерогенными. Выявляются три структурные составляющие, имеющие разный цвет и микротвердость. Кроме железа, химическим анализом обнаружены $Si < 1,0\%$ и $Cr = 0,8\%$.

Светлая структурная составляющая обладает высокой микротвердостью ($16000 - 18000 \text{ МПа}^3$), средняя толщина — до 75 мкм, доля в общей массе — 23%, что характерно для карбидов. Химический состав материала дает основание полагать, что эта составляющая содержит большое количество цементита (карбида железа), легированного карбидами хрома. Форма карбидной составляющей — монолитная, иногда встречаются вкрапления более мягких структур.

Светло-серая составляющая представляет собой многофазную структуру. Ее микротвердость — $7000 - 7200 \text{ МПа}$, средняя толщина — до 150 мкм, доля в общей массе — 40%. Такая микротвердость характерна для закаленной высокоуглеродистой стали (мартенсит); в структуре имеются включения вторичного цементита.

Темно-серая составляющая мягкая, микротвердость — $4000 - 4200 \text{ МПа}$, средняя толщина — до 150 мкм, доля в общей массе — 37%; характерна для низкоуглеродистой эвтектоидной стали, имеющей перлито-ферритную структуру.

Итак, металлографическое исследование показывает, что доспех конца XIV—XV в. представляет собой композиционный материал, который должен сочетать в себе пластичность железа и прочность углеро-

¹ Абдуразаков А. А., Лебедева Т. И. Реставрация жилого дома XIV—XV вв. в цитадели Темура // Амир Темур ва унинг дуё тарихидаги урни (Тезисы докладов). Самарканд, 1996. С. 91—92; Лебедева Т. И., Касимова К. А. Реставрация железного доспеха с цитадели Темура // Там же. С. 92—93.

² Лебедева Т. И., Касимова К. А. Указ. статья. С. 93.

³ МПа (Мегапаскаль) — единица измерения давления и механического напряжения.

дистой стали. Современные технологи предполагают два основных метода изготовления, которые могли придавать металлу эти особые свойства. Первый — когда предметы вооружения и доспехи изготавливали из цельного куска стали, полученного плавкой в тиглях (специальных металлургических сосудах). Это так называемая литая сталь или "чистый дамаск", индийский вутц, древнеперсидский "пулад". Материал имел естественный узор, полученный в процессе плавки. Такой металл обладает очень высокими механическими свойствами; именно о нем складывались легенды. Вторым методом — многократная сварка кузнечным способом различного рода сталей или стали и железа между собой. Вооружение и доспехи, приготовленные этим способом, получили название предметов из "дамасской стали" или "наварного дамаска". В технической литературе "наварной дамаск" в последнее время чаще называют сварочным булатом. Изобретатели холодного оружия и доспеха из сварочного булата быстро обнаружили, что, хотя качество его уступает изделиям из настоящего булата, вместе с тем оно несравнимо выше качества клинков из обычной стали. Именно поэтому вооружение и доспехи из сварочного булата ценились очень высоко⁴.

М. Е. Массон, посвятивший исследованию истории железоделательного производства на территории Узбекистана специальную работу⁵, отмечал упадок железорудного промысла в Средней Азии в начале XIII в. в связи с монгольским нашествием. Однако, по его мнению, спрос на железо для военных целей не падал, хотя для удовлетворения потребностей в сырье прибегали к таким мерам, которые отнюдь не способствовали развитию и процветанию даже ремесла оружейников. "Свободных кустарей буквально разоряли все усиливавшиеся поставки в принудительном порядке предметов вооружения для армии. Промысел их, как и горняков, перестал быть выгоден и привлекал к себе все меньше и меньше лиц. Чтобы поддержать его, монголы заставляли работать на рудниках и в оружейных мастерских военнопленных..." Анализ имеющихся материалов привел М. Е. Массона к мнению, что "только создание в конце XIV века мощного государства Тимура вызвало резкий... подъем всех производительных сил страны. Он объясняется на первых порах, главным образом, ввозом из покоренных земель золота, серебра и других материальных ценностей, а также... привозом в Мавераннахр большого числа ремесленников и специалистов разных отраслей... В числе предметов военной добычи... поступало в огромном количестве оружие и другие железные изделия... Из далекого Дамаска в Самарканд переселили всех оружейников, издавна славившихся специалистами своего дела. Вместе со многими другими собратьями по ремеслу из городов Персии, Азербайджана, Герата и других стран они были размещены в самаркандской цитадели. Собранные тут в количестве около тысячи человек мастера круглый год работали на Тимура в специальной оружейной государственной мастерской, изготавливая латы, шлемы, луки, стрелы и другие предметы вооружения"⁶.

---

⁴ Гуревич Ю. Г. Загадка булатного узора. М., 1985; Айтей А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.

⁵ Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947.

⁶ Там же. С. 39—40.

В "Дневнике похода Тимура в Индию" Гийасаддина Али при описании первого появления Амира Темура в Самарканде говорится, "что [Темур] выступил [туда]... с армией, одетой не в железные доспехи, но сокрушающей железо"⁷.

Выступив против Моголистана, Амир Темур пополнил там свой арсенал оружием, изготовленным, судя по техническому и технологическому исследованию археологического материала, в сложной технологии кузнечнойковки, включающей многократную сварку железа со сталью, а также с использованием в железообрабатывающем производстве высокофосфористого железа и чугуна⁸.

Как известно, Амир Темур привозил из разных стран в Самарканд высококвалифицированных мастеров, в том числе оружейников. У нас нет данных относительно уровня технологии, применявшейся ими в производстве доспехов в XIV—XV вв., но в домонгольских средневековых письменных источниках Дж. Аланом выделено три известнейших центра производства доспехов — Трансоксания, где упомянуты Фергана и Исфиджаб; Хорасан, где отмечены Тус и район Гур. Интересно, что из Гура Султану Санджару ежегодно отправляли такие вещи, как нагрудные пластины, кольчуги, шлемы и др. Такая же дань ранее посылалась Газневидам. Гур играл очень важную роль в производстве вооружения в XI—XII вв. в Северо-Восточном и Восточном Иране, причем технология производства военной продукции была несомненно высокого уровня⁹. В этом контексте необходимо упомянуть и существование тигельного производства в Герате, зафиксированное Беруни. Продукция данного производства — литейные тигельные слитки были предметом экспорта в Мульта, где из них изготовлялись предметы вооружения¹⁰.

В Индии Амир Темур обрел большое количество холодного оружия и доспехов из знаменитой традиционной индийской стали "вутц", которую, как считают исследователи, производили со II в. н. э., в том числе на экспорт¹¹.

Славился своими оружейных дел мастерами и Дамаск. Однако свое название дамасские клинки получили не по месту происхождения, а по тому району, где европейцы впервые увидели их во время крестовых походов. Сталь для клинков изготовлялась в Индии и известна, как уже сказано, под названием "вутц". Считалось, что лучше клинки и доспехи из индийского вутца куют в Персии¹².

---

⁷ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию/ Перевод с персидского, предисловие, примечания и пояснения А.А.Семенова. М., 1958. С.28.

⁸ Гийасаддин Али. Указ. соч. С. 30—31; Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов// СА. 1974. № 1. С.69—78; ее же. Железообработка в древнемонгольских городах // СА. 1985. № 3. С. 72—79.

⁹ Allan J. W. Persian metal technology 700—1300 A. D. Oxford, 1979. P. 98.

¹⁰ Бирунн Абу Рейхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Перевод А.М. Веленицкого. Л., 1963. С. 235.

¹¹ Вронзон В. The making and selling of wootz, a crucible steel of India // Archaeomaterials. V. I. № I. Fall 1986. P.14—20. См. также: Гийасаддин Али. Указ. соч. С.143.

¹² Шербин О. Г., Уодсворт Дж. Дамасская сталь// В мире наук. 1985. №.4. С.74.

Неслучайно многие дамасские оружейники были собраны Амиром Темуром в Самарканде.

Таким образом, в государственной оружейной мастерской Амира Темура были сосредоточены лучшие мастера, владевшие высокими профессиональными навыками выделки и термообработки железа. Амир Темур очень гордился таким богатством. "Подбитое красным сукном и изящно отделанное оборонительное оружие выглядело очень эффектным. При одном из въездов Тимура в его столицу во время парадного шествия несли до 3000 пар этих лат. Они поражали своей пышной внешностью и красотой..."¹³

Вместе с тем "видевший их испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо", как отмечает М.Е. Массон, почему-то записал в своем "Дневнике", что эти изделия "не отличались достаточной прочностью, уступая в этом отношении европейским. Он же отметил в своем дневнике, что тогда мастера в Самарканде не умели хорошо закалять железо", хотя известно, что еще "за три-четыре столетия до того... мавераннахрские клинки далеко за рубежом выдерживали рыночную конкуренцию с лучшей дамасской сталью"¹⁴.

Что же дает нам анализ археологического материала? Как уже отмечалось, технологическое исследование пластин доспеха из цитадели Амира Темура показало, что перед нами — композиционный материал — образец лучшей стали того времени, называемой сварочным булатом, с использованием в качестве одной из составляющих, по-видимому, природнолегированной хромом стали, приготовленной в тигле. Композиция, представляющая собой объемное сочетание разнородных компонентов, один из которых пластичный, а другой обладает высокой прочностью, есть неоднородный металл, который больше подвержен коррозии, чем однородный, и время служит надежным индикатором в определении такого металла.

Наличие в одной из составляющих композиционного материала большого количества цементита, легированного карбидами хрома, свидетельствует о том, что средневековые ремесленники умели распознавать и пользоваться рудами сложного геохимического состава. В современной металлургии хром как легирующий компонент широко используется технологами, ибо небольшие добавки его придают стали твердость и износостойкость¹⁵. Интересно, что современные кустариножевщики Ферганской долины при производстве традиционных ножей чаще всего используют сталь подшипников¹⁶. В настоящее время техниками разработан способ создания многослойной "кольчуги" для особо ответственных деталей, используемых в противопожарном деле. А исследованные фрагменты пластин от доспеха конца XIV—XV в. по своим физико-механическим свойствам соответствуют материалу современных бронежилетов.

¹³ М а с с о н М. Е. Указ.статья. С. 40—41.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ В е н е ц к и й С. И. Рассказы о металлах. М., 1985. С. 64—69.

¹⁶ С в е р ч к о в Л. М., П а п а х р и с т у О. А. Традиции мастеров-ножевщиков Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 7. С. 46—53.

Умение средневековых ремесленников пользоваться рудами сложного геохимического состава, в частности природнолегированным ванадием, зафиксировано в Средней Азии в связи с анализом археологических материалов IX—XII вв. по тигельному производству высококачественных сталей на городище Эски Ахсы (Ахсикет) в Фергане¹⁷. Характерно и то, что материал пластин доспеха конца XIV—XV в. из цитадели Амира Темура близок по композиции "рабочей" части напильника XI в., обнаруженного на городище Эски Ахсы¹⁸. В этой связи следует полагать, что в Средней Азии существовала глубокая местная традиция производства высококачественной стали и сварочного булата, а также издревле ремесленниками использовались руды сложного геохимического состава, что пока не отмечено в других регионах.

Последние материалы позволяют заключать, что, сосредоточивая оружейников в своей цитадели, Амир Темура стремился не столько улучшить качественные характеристики и блеск оружия своего арсенала (что, впрочем, само собой разумеется), сколько сконцентрировать центробежные силы оружейного рынка в Самарканде. Известно, что Амир Темура для процветания своего государства хотел восстановить торговые пути между Востоком и Западом через Мавераннахр. Так, купцы из Ирана следовали в те времена в Султангию, оттуда, через Герат и Балх, в Самарканд, а затем через Тараз в Монголию¹⁹.

Вновь возвращаясь к качеству исследуемого доспеха тяжеловооруженного конного воина конца XIV—XV в., следует отметить, что такого материала для защитного костюма Европа не знала вплоть до недавних времен. Остается лишь догадываться — искренне или намеренно ошибался испанский посол Рюи Гонзалес де Клавихо, утверждая, якобы изделия среднеазиатских оружейников уступали по качеству европейским.

---

¹⁷ Папакристу О. А. Опыт реконструкции черной тигельной металлургии Ахсикета IX—XII вв. // Общественные науки в Узбекистане. 1995. № 9. С. 86—90.

¹⁸ Папакристу О. А. Ферганский инструментарий // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994. С. 71—73.

¹⁹ Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV в.: Сношения Тимура с Византией и Францией // Труды УаГУ. Вып. 61. Ташкент, 1956; История Самарканда. Т. I. Ташкент, 1969. С. 173—189.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

"АЛЬБОМ НАВОИ" КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК К ИЗУЧЕНИЮ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В ХОРАСАНЕ XV ВЕКА

В рукописном фонде Института востоковедения АН РУз наряду с другими ценнейшими рукописями хранится уникальный памятник истории и письменной культуры народов Центральноазиатского региона — "Альбом Навои"¹. Составленный великим Навои в 90-х годах XV в. этот сборник эпистолярных документов содержит 594 письма-автографа 16 авторов, живших в Хорасане и Мавераннахре во второй половине XV в. и имевших широкую переписку с гератским двором Темуридов по многим актуальным вопросам политической, социально-экономической и культурной, духовной жизни современного им общества.

Среди авторов писем — такие известнейшие исторические личности, как Абдаррахман Джами, Ходжа Убайдаллах Ахрар и др. Судя по содержанию писем, в целом их можно датировать 1469 — 1492 гг., т.е. периодом между приходом к власти в Хорасане Султана Хусайна Байкары (1469 — 1506), назначением Алишера Навои на высокую должность при гератском дворе (1469 г.) и кончиной А. Джами (1492 г.).

Каждое письмо альбома помечено порядковой нумерацией позднего происхождения. Но в ней допущен ряд ошибок, и нам пришлось перенумеровать все письма заново (поэтому далее мы указываем при ссылках на то или иное письмо двойную цифру: первая — по нашей нумерации, вторая — по имевшейся в альбоме ранее).

Собранные в альбоме письма представляют большую научную ценность, ибо содержат интереснейший материал по самым различным аспектам жизни Мавераннахра и Хорасана XV в. Здесь мы, отнюдь не претендуя на исчерпывающий анализ всего комплекса исторических

---

¹ Альбом представлен в фондах ИВ АН РУз в оригинале — рукописи XV в. (инв. № 2178) и двух копиях с нее, выполненных в 1939 г. И. Адильовым (инв. № 4245, 5136). См. о них подробнее: Письма-автографы Абдаррахмана Джамии из "Альбома Навои". Ташкент, 1982. См. также нашу статью в сб. "Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины". Вып. 3. М., 1995. С. 121 — 157.

фактов, содержащихся в этих письмах, остановимся лишь на сведениях, касающихся истории налогообложения в государстве Темуридов второй половины XV в.

Как известно, системе налогообложения и ее терминологии в Хорасане и Мавераннахре XV в. посвящены специальные исследования А.А. Молчанова² и Н. Махмудова³. Она освещена в обобщающих трудах по истории народов Центральной Азии, Ирана и Афганистана, затрагивается также в работах В.В. Бартольда⁴, П.П. Иванова⁵, И.П. Петрушевского⁶, А.А. Али-заде⁷, С.А. Азимджановой⁸, Б.Г. Гафурова⁹, О.Д. Чехович¹⁰ и др., написанных на основе большого количества нарративных и документальных источников. Однако письма из "Альбома Навои" в этом плане, не считая двух-трех из них¹¹, к историческому исследованию не привлекались.

Здесь нас особо интересуют фигурирующие в письмах специальные термины, обозначающие разные виды налогообложений. Эти термины можно разделить на две большие группы:

I — термины, обозначающие определенный вид налога. Они, в свою очередь, подразделяются еще на две категории: а) налоги, признанные мусульманским правом, так называемые шариатские налоги, и б) налоги, не основанные на мусульманском праве, вводимые государством или правителями областей в разное время по разным случаям;

II — термины, обозначающие совокупность нескольких видов налогов, а также связанные с системой налогообложения вообще.

Рассмотрим эти термины конкретно, по материалам из "Альбома Навои".

I а. Из пяти видов признанных мусульманским правом налогов¹² в письмах альбома встречаются два: закят и мал (харадж). **З а к а т**

---

² Молчанов А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои // Родоначалник узбекской литературы: Сб. Ташкент, 1940. С.153 — 169.

³ Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV—XV вв. Душанбе, 1966.

⁴ Бартольд В. В. Персидская надпись на стене Ангийской мечети // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 313 — 338.

⁵ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI — XVII вв. М.; Л., 1954. С. 35 — 40.

⁶ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV ввек. М.; Л., 1960. С.340 — 378.

⁷ Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956. С.193 — 253.

⁸ Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957. С.69 — 92; ее же. Экономические взгляды Захириддина Мухаммада Бабура // Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV — XVI вв.: Сб. Ташкент, 1960. С. 68 — 113.

⁹ Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.489 — 492.

¹⁰ Самаркандские документы XV — XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане)/Факсимиле, критич. текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974.

¹¹ См.: Баратова М. Развитие общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV в.: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1968.

¹² 1) закят — подать с торговли, скота и недвижимого имущества, взимаемая с мусульман; составляла 1/40 стоимости облагаемого предмета; 2) ушр — десятинный сбор с земель; 3) харадж (во времена Джами-мал) — поземельная подать, более высокая по

упомянут в письме-ходатайстве Абдаррахмана Джами (№ 396/402) в известном его значении поимущественного налога. Порядок и сроки его сбора устанавливались государством согласно предписаниям шариата. Содержание же письма свидетельствует о нарушениях, допускаясь при сборе заката. Так, Джами пишет, что "податель [сей записки] выплатил закат в Нишапуре и имеет на руках документ, выданный сборщиком заката Нишапура. И хотя еще не истек срок до следующего сбора, с него стали взимать закат и здесь, [в Герате]. Поскольку издан августейший указ о том, чтобы закат собирали согласно шариату, если Вы, оказав милость, предпримете что-нибудь, дабы вопреки шариату с ним не обошлись жестоко, это не кажется неосуществимым".

Термин *м а л* фигурирует в четырех письмах Джами в значении поземельной подати, синонима *х а р а д ж а*. Как установлено в научной литературе¹³, в зависимости от развития или упадка товарно-денежных отношений, а также от видов земли и местности мал взимался то деньгами, то натурой или в форме смешанной ренты (в натуре и деньгами). Размер мала составлял в среднем треть урожая. Отмечено также, что если централизованная рента-налог определялась в деньгах, то на практике во многих случаях это означало только исчисленную в деньгах, на основании официальной таксировки, стоимость взимаемых натурой продуктов¹⁴. Но как свидетельствует письмо-ходатайство Джами (№ 103/105), вопреки требованию шариата об уплате мала натурой, в правление Султана Хусайна Байкары в Хорасане мал взимался преимущественно деньгами, что для налогоплательщиков было гораздо труднее. Замена его натурой могла произойти лишь в исключительных случаях, возможно в зависимости от местности и условий земледелия.

Так, Джами сообщает, что в вилаете Гарджастан проживал некий маулана Шайх Мухаммад, который имел "богарную [землю размером] на одну пару волов". Он просил, чтобы "согласно священному шариату с него брали мал натурой, потому что взимание [мала] деньгами приведет его к разорению".

В другом письме (№ 150/155) Джами дано точное название налога — "мал с продуктов земледелия" (мал-и джузви-йи зираати). Из этого письма видно, что замена денежного сбора натурой могла быть произведена по особому указу султана (фарман-и хумайун) и на определенный срок.

Письмо Джами за № 140/145 подтверждает правильность высказанного в научной литературе мнения, что имущество, завещанное в вакф, оставаясь в целом налоговым объектом, в то же время по особому указу правителей могло освобождаться от уплаты мала в государственную казну, ибо распорядители вакфов (мутавалли) были в основном

сравнению с ушром; 4) *джнафе* — подушная подать с зимнев, т. е. с последователей терпимых мусульманским государством религий; 5) *хумс* — пятая часть военной добычи (Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 360.)

¹³ История Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1967. С. 483—484; Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 373 — 374; Махмудов Н. Указ. соч. С. 69 — 77; Молчанов А. А. Указ. статья. С. 162; и др.

¹⁴ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 342.

духовными лицами и шейхами дервишеских орденов, пользовавшихся поддержкой верховной власти¹⁵.

Анализ содержания письма Джами № 96/101 говорит о том, что налог мал принадлежал к числу тех податей, уплата которых была обязательной для всех владевших подлежащими обложению видами земель. Если некоторые лица могли освободиться от других, не предусмотренных шариатом налогов, то от мала уклониться они не могли. Имеющиеся в "Альбоме Навои" письма Джами содержат ходатайства об освобождении от уплаты лишь не предусмотренных мусульманским правом налогов и сборов. Джами проводит четкую грань между предусмотренными и непредусмотренными шариатом налогами¹⁶.

I б. В указанной выше научной литературе по социально-экономической истории Средней Азии и сопредельных стран Востока времени Темуридов, кроме основных пяти видов шариатских налогов, названы еще окбло 30 постоянных или налагаемых единовременно по разным случаям налогов и повинностей, утвержденных центральным правительством или взимаемых местными властями¹⁷. В "Альбоме Навои" из обложений этой категории встречаются: пишкаш, дуди, сарана, тамга, расм ас-садара, пийада, лашкар, мадади, мадад-и намбардар (или просто намбардар).

П и ш к а ш (букв. подарок, личное подношение) — широко применявшийся при Темуридах сбор средств с крестьян и городского населения для подношения государю или высокопоставленным чиновникам¹⁸. В письме же Джами (№ 520/526) этот термин приобретает несколько иной оттенок, чем обычный сбор с населения. Джами пишет, что "вышло предписание на имя господина Ходжи Камаладдина Музаффара, чтобы он преподнес определенную сумму в качестве пишкаша. [Однако] до сих пор не было известно, чтобы он брал что-нибудь у кого-нибудь, [наоборот], многие люди говорят, что он ничего не берет. Просьба состоит в том, чтобы Вы... отменили бы это [предписание], иначе можно опасаться, что [впредь] он позволит себе брать что-нибудь [у людей]".

Здесь наше внимание привлекает, во-первых, то, что пишкаш в данном случае налагался не на население какой-либо области, как обычно, а на определенную личность, видимо занимавшую какую-то высокую должность. Во-вторых, этот термин приведен в письме еще в его словарном значении — "взятка". В-третьих, в письме подчеркнута возможность негативных последствий этого сбора — должностное лицо, принужденное уплатить его, в конечном итоге могло восполнить

---

¹⁵ Молчанов А. А. Указ. статья. С. 164 — 165; Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.: По материалам "Вахф-наме". Ташкент, 1966. С. 73 — 75.

¹⁶ См. о них: Молчанов А. А. Указ. статья. С. 160; Абдалвасиан-Низам и. Макамат-и маулави Джами. Реп. ИВ АН РУз, изв. № 1354, л. 83 аб.

¹⁷ По исследованию Н. Махмудова (Указ. соч. С. 69 — 111), эти налоги следующие: авариза, сар дарахт, даругана, забитана, мухассалана, мушрифана, хакк ал-авариджа, мир-хазарана, сахиб джам'ана, дуди, сар-шумар (сарана), сар-каллаги, улаг, ясаули, пишкаш, намбардар-и кушуня, зар-и лашкар, джихади, бигар, джиэйе, тамга, паи-гавана, дах-и йаадах, дах-и ним, дарубаст, габезана, сад-и йак, чил-и йак, харадж-и сабун.

¹⁸ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 392 — 393; Махмудов Н. Указ. соч. С. 84 — 85.

нанесенный ему ущерб за счет поборов с населения подвластной ему области.

Д у д и — подымный налог, взимался с населения для восстановления войска и его вооружения. Сбор его производили деньгами¹⁹. Из письма Джамии № 5 видно, что дуди — один из чрезвычайных сборов (тауджихат) — ложился тяжким бременем на плечи населения. В истории Хорасана известно восстание (сентябрь 1469 г.) населения Герата, вызванное произволом должностных лиц при сборе этого налога и окончившееся строгим наказанием этих лиц по решению Навои, который был назначен Султаном Хусайном Байкарой для разбора этого дела и установления виновных²⁰. Джамии осуждает произвол финансовых чиновников: "...Ассигнования (тахсис) и [чрезвычайные] обложения (тауджих) наподобие подымного налога (дуди) преступили границы и никаких норм в том не соблюдается. По незначительному поводу отбирают [у населения] много вещей, и для приближенных его величества...от этого нет ничего, кроме бесчестия. Словом, никто не думает о положении мусульман (т.е. народа.—А.У.), и все заняты приобретением выгоды для себя!"

С а р а н а — поголовная (подушная) подать, взимавшаяся с оседлого населения. В XIV — XV вв. этот термин употреблялся наряду с сар-шумара (подушная подать), хане-шумари (посемейная подать), заменившими собой монгольский термин купчур (пастбищный сбор) применительно к оседлому населению²¹. По утверждению А.А. Молчанова, во времена Навои, т.е. во второй половине XV в., в Хорасане этой податью облагалось лишь сельское население²². Однако Н. Махмудов на основе ряда источников, относящихся к тому периоду, доказывает, что эта подать взималась также с городского населения и была одной из самых обременительных²³.

В письме Джамии № 371/377 термин сарана приведен как сбор с сельского населения по случаю нападения саранчи и расценивается как бедствие для народа, подобное налету саранчи. В письме говорится, что "податель [сей записки] и другие бедняки жалуются на притеснение: на каждую душу был возложен [сбор] определенного количества саранчи, и когда после многих трудностей, [люди] приносят саранчу, то у них требуют еще подушную подать за нее (сарана-и ан миталабанд) Но у них нет средств для этого, и их постигает большое бедствие. Так что, если Вы, оказав милость, подобно тому, как уничтожают саранчу, устранили бы и подушную за нее (сарана-и анра низ даф куннанд), то, несомненно, заслужили бы вознаграждение Аллаха".

Т а м г а — налог с торговли и ремесленной промышленности городов; впервые был введен монгольскими ханами в Иране и

¹⁹ Махмудов Н. Указ. соч. С. 81 — 82; Самаркандские документы...С. 22.

²⁰ История Узбекистана. Т. I. С. 487; Якубовский А. Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои //Алишер Навои: Сб. М.; Л., 1946. С. 15.

²¹ Петрушевский И. П. К истории подушной подати в Иране при монгольском владычестве (термины купсур, сар-шумар, сарана, джизье) //Исследования по истории культуры Востока: Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 420 — 421.

²² Молчанов А. А. Указ. статья. С. 167.

²³ Махмудов Н. Указ. соч. С. 83 — 84.

сопредельных странах²⁴. В XIV — XV вв. взимание тамги продолжалось, хотя в течение XV в. сбор ее неоднократно отменялся в угоду духовенству, считавшему ее не соответствующей законам шариата, но потом снова восстанавливался²⁵. Письмо Джамии № 5 свидетельствует о существовании этого налога в Хорасане при Султানে Хусайне Байкаре и подтверждает значение термина как налога с торговли. Вместе с тем из письма видно, что, хотя султаном были приняты какие-то меры для облегчения этого налога, чтобы привлечь в Герат купцов из других стран, финансовые чиновники допускали злоупотребления при сборе тамги и тем самым сводили на нет поощрительные меры центральной власти. Так, Джамии пишет: "... Повсюду распространился слух, что отныне здесь никто не будет беспокоить купцов, и некоторые из них понемногу начали прибывать сюда. Однако вымогатели и притеснители при посредничестве отдельных ранее отстраненных от дел маклеров любым способом, каким могут, берут у них что-нибудь сверх тамги и заставляют купцов сожалеть о своем прибытии (сюда)..."

Р а с м а с - с а д а р а — сбор с доходов вакфов на содержание высшего духовного сановника — садра, осуществлявшего надзор за вакфным имуществом в государстве²⁶. Как видно из письма Джамии № 242/247, вакфное имущество, подлежащее взиманию сбора расм ас - садара, определялось специальным предписанием (дастур). В некоторых случаях это имущество освобождалось от упомянутого сбора, однако правители на местах нередко пытались осуществить сбор этого налога и без предписания. Так, Джамии пишет, что "эти [податели письма] — дервиши живут при пещере Ходжи Ахмада Аббаса. Там имеются небольшие вакфные [земли], которые использовались на их содержание и никогда не было такого предписания [дастур], чтобы с тех мест взимали [сбор] в пользу садра [расм ас-садара], а сейчас его собрали в двойном размере". Джамии расценивает это как "несправедливость и насилие, противоречащие закону".

П и й а д а (букв. "пеший") — в известной нам научной литературе по социально-экономической истории государства Темуридов этот термин как налоговой не встречается. Судя по содержанию письма Джамии, он означал разновидность податей зар-и лашкар и намбардар (см. ниже), т. е. сбор для войска, и собирался ежегодно деньгами. Джамии пишет (письмо № 504/510), "что жители булука Сабкур жалуются на притеснения и говорят, что наш булук постигло сильное разорение; [а до этого] в течение определенного времени нас в какой-то степени освобождали от [сборов] пийада и намбардар. Просьба состоит в том, чтобы Вы, оказав милость, предприняли что-нибудь, дабы к ним не проявляли жестокости и отнеслись бы согласно тому предписанию, котором руководствовались в течение последних нескольких лет".

---

²⁴ Бартольд В. В. Персидская надпись... С. 332 — 333; Петрушевский И. П. Земледелие... С. 106.

²⁵ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 132 — 133; Махмудов Н. Указ. соч. С. 95 — 96.

²⁶ Петрушевский И. П. Земледелие... С. 391; Махмудов Н. Из истории земельных отношений и налоговой политики Тимуридов // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. 1963. № I (32). С. 25.

З а р - и л а ш к а р (букв. "деньги для войска") — постоянная подать с населения, взимавшаяся деньгами и предназначавшаяся для обеспечения регулярных частей войска²⁷. В письмах Джамии (№ 96/101, 160/165, 395/401) этот термин приводится сокращенно — лашкар, а значение его как налогового термина не расходится с определением, данным в научной литературе. В письме № 395/401 термин лашкар приведен в значении одной из разновидностей податей, определяемых общим термином таклифат (подати, не предусмотренные мусульманским правом, но тем не менее обязательные для населения)²⁸. Джамии пишет, что "у Амира Касима-ахтаджи, вследствие нужды и обремененности семьей, появилось желание заняться земледелием. Он просит, чтобы Вы, оказав милость, сделали бы что-нибудь, дабы его уважали и освободили от службы [у султана] и от сборов для войска [лашкар] и от других возможных податей [таклифат]".

Однако по другому письму Джамии (№ 96/101) мы видим, что подать зар-и лашкар была столь важна для государственной казны, что некий саййид-зада, хотя и был освобожден от разных податей, но зар-и лашкар должен был платить, как и предусмотренный шариатом налог мал.

Н а м б а р д а р — в письмах из "Альбома Навои" этот налог фигурирует также под названием **м а д а д - и н а м б а р д а р** или просто **м а д а д и** (букв. — "стать знаменитым", "прославиться", "помощь намбардар"). В научной литературе бытует термин **намбардар-и кушуни**, что можно понять как "прославляющий войско".

Для Хорасана времени Темуридов **намбардар** означал подать, взимаемую с населения, освобожденного от военной службы, для обеспечения нужд нерегулярной части войска, создаваемой в период военных кампаний²⁹. Автор XV в. Абдарраззак Самарканди употребляет этот термин в смысле денежного сбора наряду с другими терминами, также означающими подати для нужд войска, — зар-и лашкар, джихади³⁰. В идентичном значении термин **намбардар** (вуджух-и намбардар — "деньги намбардар") встречается у Исфизари, также автора XV в., при описании событий времени Темурида Абу Са'ида (1451 — 1469)³¹, предшественника Хусайна Байкары. Однако в источниках имеются сведения и о том, что несколько раньше, при Темуре (1370 — 1405), этот термин употреблялся и применительно к нерегулярной части войска³². В значении личного участия гражданского населения

²⁷ Махмудов Н. Земледельце... С.87 — 88.

²⁸ Петрушевский И. П. Земледельце... С. 379.

²⁹ Махмудов Н. Из истории... С.29 — 33; ег о ж е. Земледельце...С. 85 — 88.

³⁰ Абдарраззак Самарканди. Матла'-и са'дайн ва маджма'-и бахрайи. Т. II. Ч. 3 /Критич. текст Мухаммада Шафи'. Лахор, 1318 г. х. С. 1250 (на перс. яз.).

³¹ Му'янадини Мухаммад аз-Замджи ал-Исфизари. Раузат алджаннат фи авсаф мадинат Хират /Критич. текст Саййида Мухаммада Казима. Тегерав, 1347 г. х. С. 260 (на перс.яз.).

³² Шарафаддини Али Йаздин. Зафар-наме. Ркп. ИВ АН РУз, явл. № 4472, л. 359 а.

(преимущественно знатного сословия) в войске во время походов термин *намбардар* приведен также у Фасихи, автора первой половины XV в.³³

В письмах же Джами (№ 129/134, 172/177, 191/196, 226/231, 240/245, 289/293, 504/510) этот термин означает, как мы отмечали выше, денежный сбор, взимаемый повсеместно с населения по определенным реестрам для г. Герата и вилаетов.

О том, что сбор *намбардар* (мадади) производится деньгами, свидетельствует письмо-ходатайство Джами № 408/414, где отмечается, что "подателя [сей записки] записали в [подать] мадади и взяли с него [полагающуюся] сумму. Однако, как выясняется [теперь], у него не было возможности для этого. Просьба состоит в том, чтобы Вы... предприняли что-нибудь в его защиту от этого насилия".

Подать *намбардар* относилась к числу не предусмотренных шариатом и введенных самими правителями налогов, о чем говорит письмо Ходжи Ахрара (№ 500/506), который дает определение этой подати как "случайной" или "побочной": "...Податель сей записки попросил этого ничтожного, чтобы [он попросил Вас] избавить его, проявив милость, от случайной [подати] *намбардар* (*ариза-йи намбардари*)".

Частое упоминание в письмах из "Альбома Навои" подати *намбардар* в качестве обременительного для населения денежного сбора говорит о том, что при Султানে Хусайне Байкаре он превратился в один из постоянных налогов. Это вызывало недовольство населения. Видимо, по этой причине, когда опальный сановник Мадждаддин Мухаммад был вторично (1487г.) назначен везирем, по его настоянию Султан Хусайн Байкара был вынужден издать указ об отмене ежегодного денежного сбора *намбардар* и восстановлении его первоначального значения — личного участия в нерегулярной части войска при возникновении военных конфликтов³⁴.

В этом документе нашла свое отражение история превращения налога *намбардар*, первоначально обозначавшего личное участие "знатных людей" в войске, в ежегодную повсеместную подать. Вот что говорится об этом в указе: "...Во время правления августейшего [Султана Хусайна Байкары] в течение нескольких лет, когда Низам ал-Мулк и Афзаладдин управляли делами государства, они, чтобы снискать себе поддержку узурпаторов и старост, уменьшали им полагающуюся с них сумму налогов мал, а недостачу в общей сумме мала покрывали за счет незаконного сбора с крестьян и бедноты *намбардар*-и кушуни, включив его в число чрезвычайных податей (*хариджийат*)"³⁵.

II. Термины, обозначающие совокупность нескольких видов налогов, а также связанные с системой налогообложения.

А в а р и з а т (двойное множ.ч. от *ариза*, *авариз* — букв. "случайный", "побочный") — в научной литературе получил двойное определение: 1) в форме *авариз* — один из видов чрезвычайных налогов, взимаемый с крестьян и горожан государством или владельческим

³³ Фасих Ахмад и би Джалаладдин Мухаммад ал-Хавоф и. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) /Перевод, предисловие, примеч. Д. Юсуповой. Ташкент, 1980. С. 127, 128, 170.

³⁴ Махмудов Н. Из истории...С. 23 — 33; его же. Земледельце...С. 85 — 86.

³⁵ Абдаллах Марварид. Мушшаат-и Марварид. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 286/II, л. 51 а — 52 а.

феодалом для покрытия экстренных расходов в связи с войной, семейными торжествами при дворе и т. д.³⁶, и 2) в форме аваризат — группа чрезвычайных налогов³⁷. В одном из писем Ходжи Убайдаллаха Ахрара (№ 500/506), как мы отмечали выше, термин этот приведен в форме единственного числа в его словарном значении "побочный", "случайный" для определения незаконности налога намбардар.

У Джами термин аваризат приведен рядом с описанным ниже термином ихраджат, — судя по контексту письма, в собирательном значении, для обозначения нескольких видов чрезвычайных налогов, но остается неясным, какие именно налоги входили в это общее определение.

И х р а д ж а т (букв. "издержки", "расходы") — как податной термин означал целую группу сборов, не только случайных, но и постоянных, взимаемых с населения государством или местными владетельными феодалами для покрытия издержек по содержанию членов государственного аппарата, а также для оплаты их разъездов³⁸. Письма Джами свидетельствуют, что этими сборами государство ежегодно облагало население, и они, как и подать аваризат, были весьма обременительными, а отсюда — просьба Джами освободить то или иное лицо от этих сборов (см., напр., письмо № 150/155). Это могло быть осуществлено лишь специальным указом самого султана.

Термин ихраджат в значении группы чрезвычайных податей приведен также в письме Мухаммада ибн Аминаддина (№ 474/480).

Т а к л и ф а т (или такалиф — множ. ч. от таклиф — букв. "обременение", "наложение", "принуждение") — общий термин для обозначения всех податей, не предусмотренных мусульманским правом, но обязательных для податного населения, так как они основывались на обычае (урфи)³⁹. В письме Джами № 395/401 это подтверждается тем, что, ходатайствуя об освобождении просителя от упомянутых податей, Джами приводит точное название одной из них — лашкар, а для других употребляет общий термин — таклифат.

В двух других письмах Джами (№ 111/116, 519/525) термин таклифат также приводится в своем общем значении как подати, не предусмотренные шариатом. При этом говорится, что причиной какого-то "столкновения", происшедшего между горожанами и служителями дивана, были непосильные подати (таклифат). Мы полагаем, что Джами здесь имеет в виду упомянутое выше восстание населения Герата в 1469 г., вспыхнувшее из-за подымного налога — дуди. В таком случае налог дуди также может быть отнесен к числу податей, обозначенных общим термином таклифат.

В письме Джами № 111/116 говорится "о хорошем обращении Ходжи Наджмаддина Мухаммада с ра'ийятами. Как мы слышали, во

---

³⁶ П е т р у ш е в с к и й И. П. Земледелие...С. 382; М а х м у д о в Н. Земледелие...С. 77.

³⁷ И в а н о в П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов...С. 39.

³⁸ П е т р у ш е в с к и й И. П. Земледелие...С. 379; е г о ж е. Ислам в Иране в VII — XV вв. Л., 1966. С.163.

³⁹ П е т р у ш е в с к и й И. П. Земледелие... С.389; М а х м у д о в Н. Земледелие...С. 89.

время того страшного [столкновения], случившегося между горожанами и служителями финансовой канцелярии из-за повинностей (таклифат), оказавшихся непосильными, некоторые люди выражали ему благодарность".

Т а у д ж и х — буквально "направление", "обращение". Точное значение термина как податного в известной нам литературе раскрывается по-разному. В. В. Бартольд перевел его в форме мутаваджихат — т. е. поступления вообще⁴⁰. А. А. Молчанов в переводе им указа Султана Хусайна Байкары об освобождении Джами от налогов значение термина тауджихат передал как "из ряда вон выходящие подати"⁴¹, а И. П. Петрушевский, как и В. В. Бартольд, — в форме мутаваджихат — "сумма всех государственных [диванских] податей"⁴². В письме Джами № 5 термин этот приведен в сочетании с чрезвычайной податью для нужд войска — дуди, т. е. надо полагать, что здесь тауджих употреблен в значении общего термина для обозначения группы чрезвычайных обложений наподобие дуди.

Б а р а т и х а в а л а (И. П. Петрушевский считал оба термина синонимами) — уплата государством жалования гражданским чиновникам ассигновками, выписываемыми на местные казначейства и оплачиваемыми частью деньгами, частью в натуре, в счет собранных с крестьян данного округа обычных податей или чрезвычайного обложения⁴³. О. Д. Чехович рассматривала барат как письменный приказ о выдаче денег, ассигновку на получение кого-либо налога⁴⁴.

В письме Джами № 512/518 термин барат приведен в значении предписания на уплату денег за купленный для двора товар: "...У подателя сей записки искренности имелось некоторое количество сахара. Его купили шарбатдары [т. е. кондитеры] Мирзы Ядгара Мухаммада; была издана также грамота, перепоручающая уплату денег (барат-и ваджх-и ан бирун амада буда аст). Человек, который купил сахар, распорядился и взял на себя уплату денег, ныне здравствует, а продавшие сахар сейчас обездолены и очень обижены".

В письме другого автора — Мухаммада ибн Аминаддина (№ 433/438) барат также употребляется в значении, близком к указанному в письме Джами.

Термин х а в а л а т в письмах Джами употребляется, судя по контексту, в разных значениях. Так, в письме № 70/75 хавалат действительно означает ассигновку, выписываемую государством на местные казначейства для сбора у населения средств в счет налогов. Как сказано в письме, "положение раййатов города и булуков из-за [выписываемых] ассигновок (хавалат) дошло до крайности и близко к тому, что [скоро] земледелие и другие их дела придут в расстройство". Далее отмечается, что "от [царского] двора выписывается много

⁴⁰ Бартольд В. В. Персидская надпись... С. 332. Прим. 110.

⁴¹ Молчанов А. А. К характеристике... С. 159, 161.

⁴² Петрушевский И. П. Земледелие... С. 378.

⁴³ Там же. С. 346.

⁴⁴ Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 226. Прим. 106.

ассигновок (аз урду хавалат бисйар ваки' аст), а у раййатов ничего не осталось, все, что было, забрали вдвойне".

В таком же значении ассигновок на получение с кого-либо налога хавалат приведен и в письмах упомянутого выше Мухаммада ибн Аминаддина № 432/437 и 468/474.

В ряде писем Джами термин хавала приведен в других значениях:

а. "перепоручение"; возложение уплаты причитающихся денег с одной группы налогоплательщиков на другую (письмо № 160/165) или перевод уплаты причитающейся суммы денег с одного человека на другого при гражданских сделках (письмо № 37/38; см. также письмо Джами № 218/223).

б. Принудительное обложение кого-либо некоторой суммой денег в пользу государственной казны. Так, в письме 80/85 сообщается, что "в текущем году господина Ходжи Нураддина Акрама обложили (хавала дашта) суммой в двадцать тысяч кебекских динаров и взяли их. Его [денежные] средства были истрачены на это. Теперь от него требуют еще другую сумму, выплатить которую он не в силах, и твердо настаивают на этом".

Приведенный выше пример из письма Джами № 70/75 свидетельствует о том, что хавалат в налоговой системе государства Хусайна Байкары был одним из видов эксплуатации населения в силу частого обложения горожан и крестьян незаконными сборами наряду с чрезвычайными податями, называемыми аваризат, как это видно также из письма № 468/474.

В письмах-ходатайствах Джами приводятся такие термины, относящиеся к налогообложению, как а м а л а х а - и д и в а н и — диванские поступления в казну в счет налогов с населения (№ 62/67, 198/198), т а х м и л — принудительное обложение кого-либо денежным сбором (№ 137/142) и штраф в виде наказания за провинность перед государством (№ 336/342), хавалан хавл — истечение предусмотренного шариатом срока между двумя сборами заката, что, судя по письму Джами № 396/402, не выдерживалось сборщиками заката (музакки) даже при наличии указа султана.

Особо надо отметить также термин и с т и т а а т — "иметь возможность, быть в состоянии" уплатить налоги. По разъяснению Захираддина Мухаммада Бабура (начало XVI в.), обложение налогоплательщика закато было обусловлено по шариату наличием у него определенного количества имущества или скота⁴⁵. Джами же этот термин применяет почти всюду, когда ходатайствует об освобождении кого-либо от налогов мадад-и намбардар (№ 129/134, 240/245) и сарана (№ 371/377). Причем как у Джами, так и у других авторов писем, мы встречаем и синонимы данного термина — истидад, истизхар и др.

В заключение следует отметить, что, помимо изложенных выше сведений по налоговой системе Темуридского государства, представленные в альбоме письма содержат материалы и по другим сторонам

---

⁴⁵ Б а б у р. Мубаййин. См.: А з и м д ж а н о в а С. А. Экономические взгляды Захираддина Бабура // Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV-XVI вв.: Сб. Ташкент, 1960. С. 68 — 79; приложение: факсимиле "Мубаййин". С. 81 — 113.

социальной жизни Хорасана XV в.: об аппарате управления, о правопорядке в стране, о распределении доходов от вакфов и т.д.

Письма-автографы, помещенные в альбом, в совокупности с другими источниками того периода наглядно характеризуют социально-экономическое положение в Хорасане второй половины XV в.

А. Урунбаев

ТАРИХШУНОСЛИК

АМИР ТЕМУР ВА ОВРУПО ШАРҚШУНОСЛИГИ

Ўзбек халқи тарихида олтин давр ҳисобланган Темурийлар Уйғониш даври тўғрисида дунё адабиётида кўпдан-кўп асарлар яратилган. Соҳибқиронга замондош бўлган муаррихлардан тортиб, то замонавий шарқшуносларгача Амир Темур ва Темурийлар ҳаёти ва фаолиятига баҳо беришда икки хил ёндашадилар: уларнинг баъзилари уларнинг шаънига ҳамду-саногина ёғдирсалар, бошқа бировлари уларни қоралашдан нари ўтмайдилар. Буларнинг сабаби нимада? Бизнинг фикримизча, бундай ёндашувларнинг асосий сабабларини муаллифлар яшаб ўтган замон руҳи ва талаби, ҳамда ўша давр мафкураси билан изоҳлаш тўғри бўлса керак.

Афсусларким, узимизда яқин йилларгача Амир Темур ва унинг авлодлари золим подшолар сифатида талқин этиб келинди. Гарчанд Темурийлардан буюк давлат арбоблари, жумард саркардалар, бунёдкор шоҳлар, буюк олим ва мутафаккирлар, эл ардоқлаган шоир ва меъморлар етишиб чиққин бўлсада.

Тарихий жараёнларда шахснинг иштирокини инкор этувчи модиючилик фалсафаси қурол қилиб олиниб, “чекка жумҳуриятлар” деб аталувчи ҳудудларда “шаклан миллий, мазмунан социалистик маданият” шиори остида миллат қаҳрамонларига, миллий маданиятлар ва қадриятларга, миллий меросга қарши қақшатғич кураш олиб борилди. Мазкур жараёнга салгина ҳаракат, озгина бўлсада овоз кўтариш ўта оғир жиноят саналиб, халқимизнинг асл фарзандлари қувгин ва қиргин қилинди.

Шукроналар бўлсинки, узоқ ва бой тарихимизни тўғри ўрганиш, миллий ўз-ўзликимизни англаш, маънавий меросимизни тиклаш, имон-этиқодимизни мустаҳкамлаш ҳамда буюк авлод-аждоқларимиз ҳақида бор ҳақиқатни айтиш вақти истиқлол билан ва у туфайли кириб келди.

Амир Темур ва Темурийлар даври тарихи ўрганилар экан, улар фаолиятларига баҳо берилар экан, ул зот ва унинг сулоласи вакиллари шаънига айтилган ҳар бир фикр-мулоҳаза ва яратилган ҳар бир рисола ва асар атрофлича талқин қилинмоғи лозим. Шу ўринда Оврупо шарқшуносларининг Амир Темур ва Темурийлар ҳақидаги ишлари алоҳида касб этади. Нима учун?

Биринчидан, овруполик олимлар ўз тадқиқотларини бой тарихий Шарқ қўлёмаларига, аксарият ҳолларда, турли ва қимматбаҳо, шу жумладан ҳали бизга маълум бўлмаган архив ҳужжатлари, ашёвий-моддий далиллар ҳамда Оврупо ва Шарқда ёзилган асарлар ва манбаларга асосланган ҳолда олиб борадилар.